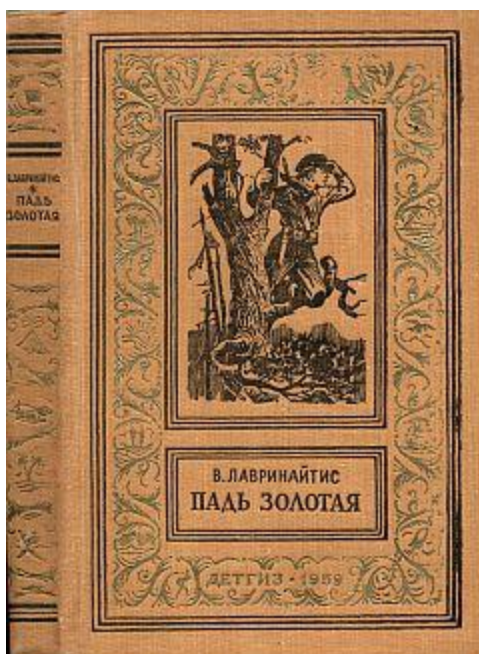

Виктор Брониславович Лавринайтис Падь Золотая

Scan by AAW; OCR by Ustas; Spellcheck by Satok <http://www.pocketlib.ru>
«В.Б.Лавринайтис. Падь Золотая»: Государственное издательство Детской литературы Министерства
просвещения РСФСР; Москва; 1959

Аннотация

Дорогие читатели!

В этой повести вы познакомитесь с приключениями удивительной экспедиции маленького отряда пионеров в дебрях глухой забайкальской тайги. Вместе с героями книги вы отправитесь на поиски загадочной пади Золотой. Их туда повели таинственные строчки зашифрованного письма, полученного однажды утром в штабе тимуровского отряда.

Вы, наверное, подружитесь с участниками экспедиции — с твердым и храбрым тимуровцем Женей, с веселым сочинителем отличных планов Пашей, с отважным разведчиком Федей, с лучшим стрелком отряда Наташей, с таежным следопытом Сергей Егорычем и с другими. В полном опасностей пути вы узнаете много нового о жизни сибирской тайги и ее обитателей, поразмыслите вместе с участниками путешествия о пионерской дружбе, о товариществе, полюбите, как и они, суровые горы и леса нашей Сибири.

Повесть написал Виктор Брониславович Лавринайтис, лесник и охотник, писатель, много лет живущий в одном из небольших городков таежного Забайкалья.

Виктор Брониславович Лавринайтис Падь Золотая

«В.Б.Лавринайтис. Падь Золотая»: Москва; 1959

Часть первая У РЕЧКИ ТИХОЙ

Глава 1 В ОПУСТЕВШЕМ ШТАБЕ

На берегу речки Тихой стоит одинокий домик с единственным подслеповатым окошком. От старости он покосился. Но, точно понимая, что ему обязательно надо устоять, он упрямо прижался к земле, врос в нее, будто думает долго-долго жить.

Домик стоит на берегу речки Тихой, на краю поселка. Вблизи него нет построек. Штукатурка со стен обвалилась, из пазов торчат тряпки, пакля, бумага, мох... Последний ремонт домику делали мальчишки.

Над дверью едва держится на одном гвозде древко с обветшалым флагом. С чердака свисают оборванные и перепутанные провода. На высоком шесте, проволокой прикрученном к трубе, торчит заржавленный фонарь с выбитыми стеклами. Издали фонарь похож на скворечницу.

Домик огорожен удивительным забором. Доски, палки и жердины будто собраны со всего света — толстые и тонкие, короткие и длинные, из разошедшейся бочки и фанерного ящика, из оконного карниза и дверной филенки. Ограда покосилась, чуть стоит и зияет многими проломами.

Двор зарос лебедой и полынью. В углу — куча мусора; на ней бесцеремонно хозяйничают и бьются, докучливо зудя, большие зеленые мухи.

От домика в сторону речки — калитка. Дорожка к берегу густо заросла травой.

На речке, около моста, крик, смех и плеск. Ребята барахтаются в воде, лежат, согреваясь, на горячем песке, носятся друг за другом, с визгом ныряют с перил: и вниз головой, «ласточкой», и ногами вперед. А неудачники — животом, спиной, боком, кто как ухитрится. Чумазый рыболов наклонился над удочкой, не спускает глаз с прыгающего поплавка. Так и застыл в неудобной позе.

В степи пестреют платица; оттуда доносятся голоса и песни — девчонки собирают цветы.

На улице в горячей пыли купаются куры. Злой индюк, напыжившись, охраняет индюшат и индейку. Со станционных путей доносится веселый рожок стрелочника; ему на разные голоса откликаются паровозы. Яркой, молодой зеленью манят подступающие к самому поселку сопки.

С опаской оглядываясь на дом лесника, из поселка выходит стайка ребят — надо вырубить удилища.

В безоблачном небе ослепительно сияет жаркое солнце. Всюду жизнь...

Только около домика нет никого. Тихо. И он чем-то неуловимым напоминает обессиленную, безучастную ко всему большую птицу, сиротливо прикорнувшую на одинокой лиственнице.

Но вот открылась, ржаво скрипнув, калитка. Поспешно прикрыв ее за собой, Женя скользнул во двор, чуть улыбнулся, взглянув на домик, на фонарь и провода. На какой-то миг задержал взгляд на вывеске. Буквы были едва заметны, и только по памяти Женя прочел:

ШТАБ ТИМУРОВСКОЙ КОМАНДЫ ИМЕНИ АРКАДИЯ ГАЙДАРА

Должно быть, эти слова многое наполнили мальчику. Он прочел их еще раз, осторожно поправил вывеску и задумчиво провел рукой по остриженным под машинку рыжеватым волосам. Постоял, потрогал, проверяя, галстук и зашел в штаб.

Внутри было такое же запустение. Сигнальные рычаги, некогда расположенные стройным ровным рядом, как клавиши у пианино, сейчас уродливо торчали в разные стороны. Только под некоторыми сохранились дощечки с надписями: «Борис», «Федор-разведчик», «Наташа».

Пожелтевшие обрывки — «Список семей фронтовиков», «Список тимуровцев» и «Расшифровка сигналов» — свисали с доски для объявлений. Плакатов не было — на их месте торчали лишь гвоздики. Не было и радиоприемника. Борька еще осенью неторопливо разобрал его, унес и установил дома. По углам валялся неведомо откуда взявшийся хлам: ведро без дна, табуретки без двух ножек, рваные ботинки, калоши... Все покрывала давнишняя серая пыль.

А ведь недавно здесь все было по-другому. Редко умолкали голоса. С таинственным видом прибегали и убегали ребята. Мелькали сигнальные флажки, срочные приказания передавались по проводам. На своем посту сидел наблюдатель. Вечерами над штабом горел фонарь, и всему Монгону была видна гордая красная звезда. Величественно развевался по ветру ярко-алый флаг, а на серебряную вывеску прибегали смотреть ребята с самых дальних улиц.

Совсем недавно своим домиком и фонарем, флагом и вывеской ребята так гордились, что даже Федька, прежде чем открыть калитку, заправлял рубаху в штаны и поправлял отцовский с блестящим козырьком картуз, который он обычно носил задом наперед.

Настоящая важная работа, срочные дела, внезапные сборы, секретные совещания...

Хорошо было!

Женя тронул рычаг общей тревоги. Бывало, стоит его нажать, как тихая улица вмиг оживала. Распахивались двери, калитки, на столах оставался недоеденный обед. Подняв хвосты, за ребятами скакали глупые телята. Заливались на все голоса собаки, кудахтали напуганные куры. А Федька, подняв вымпел «Тимуровцы, срочный сбор!», опять бежит в разведку.

Замечательный был человек Федька!

...Вот все в сборе. И начиналась работа! Сколько нужно сделать для семей фронтовиков, для заболевших, для стариков!.. Стуком молотков, скрежетом напильников, визгом ножовок наполнялась мастерская. Сколько споров, проектов, предложений! Здесь же и Володя. Он занят своим делом, на ребят будто не смотрит. А стоит запутаться, и Володя сразу приходит на помощь, подскажет, подбодрит.

И наконец надежный запор для чьей-то калитки готов. Его надо поставить на место так, чтобы ни один человек не видел. Это самое трудное и интересное. Надо проследить, куда и когда уйдут взрослые — хозяева дома. Тут опять включался в дело Федя... Эх, Федька, Федька, какой ты был замечательный друг! А сейчас...

...Сигнал Федьки получен — взрослые ушли. Все мигом к дому. Федька, забравшись на дерево или крышу, уже стоит в дозоре. Ни один человек не подойдет незамеченным. Пашка увел детвору подальше и отвлекает ее разговорами. Ребята работают у калитки. Вот едва слышный свист — и всех точно сдуло. Они здесь, вблизи, но случайный прохожий ни за что не увидит их. Два коротких свистка — и снова можно приступать к работе.

...Взволнованная и растерянная женщина, вернувшись домой, недоуменно качает головой, и иногда почему-то слезы появляются у нее на глазах.

Женя машинально нажал рычаг. Он повернулся легко, без всякого сопротивления: все сигнальные провода были порваны. Да, никогда уже не зазвенит звонок, никто не прибежит в штаб. Тимуровцев больше не будет... Но почему? Неужели только в войну нужны тимуровцы? Почему Тимур не нашел такого дела, чтобы оно было всегда интересным? Разве в мирное время тимуровцы не нужны?

«Папа бы посоветовал», — подумал Женя.

Мальчик распахнул окно и прислонился к косяку. Здесь все напоминало об отце. Уходя на фронт, папа отдал тимуровцам под штаб этот тепляк. Сюда он писал с фронта интересные и веселые письма. Здесь тимуровцы сочиняли ему ответные. Потом вдруг письма перестали приходить. Шли недели, месяцы. Конверта со знакомым, родным почерком все не было. Наконец письмо пришло, но не в штаб, а домой. Оно было последним, но не от папы, а о папе. Страшное письмо...

Тогда Женя просидел в этом домике до ночи. Тимуровцы, суровые и печальные, приходили разделить со своим товарищем его горе и, молча постояв, тихо на цыпочках уходили.

В тот день вот у этого окна Женя повторил великую клятву Тимура. Он клялся папе...

Но не прошло года — и ничего нет...

С улицы донеслось:

— Кыш! Кыш! Вот я вас, лодыри! Ге-еть!

Женя насторожился, быстро подошел к окну и распахнул его.

Девочка, с развевающимися ленточками в тоненьких косичках, бежала по берегу, размахивая палкой с привязанной к концу ее тряпкой. Над штабом низко кружились, опускались, нацеливаясь на крышу, два темно-сизых турмана. Третий голубь, черный, как ворон, широкими кругами стремительно носился высоко в воздухе. Девочка бросила палку и, по-мальчишески засунув пальцы в рот, свистнула. Турманы, громко захлопав крыльями, взвились было вверх, но затем, кружась, стали снова спускаться. Девочка опять сунула пальцы в рот. Но на этот раз вместо свиста раздалось шипение. Голуби на него не обратили никакого внимания и продолжали снижаться. Девочка снова попыталась свистнуть — опять зашипело.

— Кыш! — схватила она палку. — Лодыри! Кышшь!..

— Фи-и-ить!.. — изо всех сил, пронзительно свистнул Женя.

— Ой! — вздрогнула девочка и даже присела от неожиданности.

— А ты говоришь — лодыри... Вон они как взмыли! Свечкой! — кричал Женя, возбужденно наблюдая за кувыркающимися в голубом небе птицами.

— Почему-то, когда губы пересохнут, никак не свистится, — озабоченно проговорила девочка.

— И у меня бывает... — деликатно отозвался Женя и добавил: — Наташа, а откуда третий голубь? Вот тот, черный. Такого я у Альки видел. Он другой породы — наверное, почтовик.

— А я его у Альки и отбила. Самый настоящий почтовик!.. Смотри, смотри, Женя, как он! А турман-то? Турман! Двойная петля!

— У Альки отбила? Здорово! Молодчина! Вот, наверное, злится?

— Ага... Вчера пришел отнимать, а я говорю: «Гони выкуп!» — не спуская с птиц глаз и даже приплясывая от возбуждения, тараторила Наташа. — А он мне: «Попадешься, говорит, пошады не жди!» А я говорю: «Ой, Алечка, не грози, а скорей побегии к своей мамочке, пожалуйся! Она тебе слезки утрет».

— Пугает еще! Не отдавай, Наташа, без выкупа. Правило есть!.. Опять двойная петля! Ух, как!..

— К голубятне полетели. Бежим, Женя!

Женя хотел было выпрыгнуть из окна, но остановился:

— Нельзя, Наташа, ведь завтра в поход, а у меня ничего не собрано.

— Успеем еще! Погоняем немного! — нетерпеливо косясь на голубей, просила девочка.

— Не успею... Выйти надо чуть свет, чтобы до солнца дойти до Ржавого залива. Знаешь, как караси на зорьке клюют? Только вытаскивай. Наловим карасей, сварим уху — и дальше, до самой Каменки. Там сразу построим хороший шалаш. Я уже надумал, где шалаш поставить. Помнишь полянку, а кругом густая черемуха? В двух шагах пройди — шалаша не увидишь! Эх,

Наташа, какой завтра день будет! — На щеках Жени, усеянных редкими веснушками, выступил легкий румянец. — Купаться, рыбачить, обедать у костра... Только очень обидно, что Володи с нами не будет. И как же это он ногу сломал? С ним нас бы отпустили на три дня, а теперь только на один. Что это за поход? Ерунда!

— Что это ты, Женя: то хорошо, то плохо, — улыбнулась Наташа. — У меня, Женя, почти все готово, только почему-то ножик никак не точится. Напильником, бруском и кирпичом — всем точила, а он не режет. Наверное, из плохой стали попался.

— Я тебе наточу. Смотри, какой у меня...

Женя достал из кармана перочинный ножик, осторожно раскрыл, нашел на полу палку и резанул. От палки отлетела большая стружка.

— Острый?

— Острый.

— Вот и твой так же наточу.

— Фи-и-ты!.. — изо всех сил, пронзительно свистнул Женя.

Они помолчали.

— Федька в поход не пойдет, — заговорил Женя.

— Не пойдет? — удивленно спросила Наташа. — Почему?

— Фонарь он вчера разбил. При мне нарочно взял и разбил. Я его отругал. И знаешь, Наташа, что он сделал? С Алькой подружил! И в поход с нами не хочет идти. С ним решил пойти.

— Федька с Алькой? С Алькой?! — широко раскрыла Наташа глаза. — Неправда!

— Правда. Мне Нюра сказала.

— Врет Нюрка. Чтоб Федя подружился с Алькой?! Неправда!

— Правда, Наташа. Нюра никогда не врет.

— Ну, встречу Федьку, покажу я ему!.. — возмущенно трянула косичками Наташа. — Подумаешь, беда! — через минуту решительно добавила она. — Пусть не идет с нами, если ему Алька дороже. Без него пойдем.

— И Пашка тоже: хочет и не хочет. «Какой, говорит, на один день поход!»

— А Боря?

— Борис пойдет.

— Ну что ж, не хотят — пойдем втроем. Не очень-то, испугались! — бодро сказала Наташа.

Однако было видно, что и она расстроена.

— Знаешь, Наташа, — продолжал Женя, — все потому, что тимуровцев нет. Помнишь, как хорошо было? Всегда все вместе, дружно. Я больше всех виноват, что команды не стало...

— Что ты, Женя...

— Нет, нет, — перебил он Наташу, — командир всегда больше всех виноват! Даже ночью проснусь, думаю, но ничего придумать не могу, И клятву я, Наташа, не выполнил.

— Глупый ты, Женя! Совсем ты не виноват. Все вместе думали и ничего не придумали, а ты один хочешь?

Тень грусти пробежала по лицу девочки.

— Женя, — проговорила она через минуту и упрямо трянула головой, — ты помирись с Федькой. А?

Женя рассматривал ножик и будто не слышал.

— Помирись! — повторила девочка.

— Нет! — сухо отрезал мальчик. Светлые брови его упрямо сошлись на переносице.

— Но почему? Ведь хороший Федька! В поход неинтересно без него... Помирись, ладно?

Смуглое, чуть скуластое лицо девочки даже покраснело от волнения.

Женя молчал.

— Наверное, ты рассердился, когда Федька сказал, что при тимуровцах лучше было? — не сдавалась Наташа. — Он правильно сказал. Мне тоже часто скучно бывает.

— Я и не спорю. Конечно, при тимуровцах лучше было. Но что сделать, если работы не стало?

— Видишь, и ты с Федькой согласен, — оживилась Наташа. — А с Алькой он нечаянно подружился...

— Нет, — перебил ее Женя, выпрямляясь, — не помирюсь. Он нас всех на Альку променял. Пока хорошо было — он дружил с нами. В поход с Володи собирались — тоже дружил. А как узнал, что без Володи и только на один день пойдем, он сразу к Альке. Нет, так только настоящие изменники делают — в трудный момент товарищей бросают! Пусть со своим Алькой дружит. Не помирюсь!

— А говорил, что если я попрошу, то все сделаешь, — укорила Наташа, смотря карими, с едва заметной раскосинкой глазами прямо на мальчика.

— Ну... — на мгновение растерялся Женя. — Как же я помирюсь, Наташа? Не я задевал Федьку первый, не я виноват.

Женя надул губы, сердито отвернулся.

— Не сердись, Женя, — виноватым голосом проговорила Наташа. — Я думала, что вас помирить можно...

— Знаешь, Наташа! — Женя решительно повернулся. — Если бы ты попросила... попросила какой-нибудь подвиг... спасти бы тебя...

— Ой, — перебила Наташа, — как же я забыла, что надо хлеба купить! Влетит! Я быстро сбегую, а потом к тебе приду и сходим навесить Володю. Ладно? — Наташа замаялась. — А если Федька сам придет, помирись с ним?

— Нет, Наташа, — твердо ответил Женя, — не помирюсь.

Наташа побежала от штаба. Косички, болтаясь, ударяли по крепким плечикам.

Женя проводил ее взглядом. Вздохнул и провел рукой по голове. Да, очень плохо, что

поход будет без Федыки. «Эх, Федька, Федька!..» Потом резким движением он захлопнул окно.

Глава II ТАИНСТВЕННОЕ ПИСЬМО И НЕОЖИДАННАЯ НАХОДКА

Жене послышался близкий шорох. Он затаил дыхание, настороженно огляделся, но ничего подозрительного не заметил.

«Не Федька ли?» — мелькнула тревожная мысль. Федька умел затаиваться так, что заметить его было нелегко. Женя самым тщательным образом осмотрел всюду, где мог спрятаться изменник, обошел вокруг штаба. Никого нет. Купальщики далеко. Рыбак, правда, на берегу под окном, но это самый безобидный человек на свете, известный всем ребятам Ванька «кнюет — не ловится», знаменитый неудачливый рыболов. Он и сейчас так поглощен своей удочкой, что, кроме нее, ничего не видит.

«Наверное, показалось», — успокоил себя Женя.

Осторожно шагая через натянутые во всех направлениях провода и прислушиваясь, Женя закрыл на крючки дверь и окно. Затем встал на стол и потянул за шнур, так хитроумно спрятанный в щели на потолке, что непосвященный ни за что не нашел бы его. Одна доска в деревянной перегородке качнулась и бесшумно сошла со своего места, открыв потайной лаз. Мальчик бочком — лаз был узкий — прополз в него и оказался в крохотной полутемной камерке. Через слуховое оконце из-под самого потолка едва проникал слабый свет.

Женя нащупал на стене два огромных загнутых гвоздя и повернул их в разные стороны. Что-то заскрежетало. Из поддувала полуразвалившейся печки, царапая кирпичи, выдвинулся длинный ящик. В нем в строгом порядке были разложены различные предметы.

Сокровища узкого ящичка надо перечислить. Здесь лежали: начищенная до блеска красноармейская манерка с крышкой и алюминиевая фляга с завертывающейся пробкой, зеленая эмалированная кружка, перочинный нож с четырьмя лезвиями, удивительно острый. Были здесь еще шесть коробков спичек в непромокаемой бумаге, связанные провололочкой гвозди, кучка медных и серебряных монет, две отличные жилые лески с крючками и пробковыми поплавками, десять медных винтовочных гильз.

Во втором отделении лежали мешочки с солью, чаем и сахаром, коробочка противоязвотного витамина «С», сухари, полдюжины шоколадных конфет и несколько кубиков мясного бульона и кофе.

В особом отделении, тщательно обернутая в бумагу, собрана походная аптечка: флакончики с йодом, валерианкой и нашатырным спиртом, бинт и две белые круглые таблетки. При каких болезнях помогают эти таблетки, хозяин не знал, но в тайге они, конечно, могут пригодиться.

Хранились здесь и пуговицы, иголка, полкатушки ниток, круглые, квадратные и продолговатые лоскутки для заплат. Их специально так выкроили потому, что дырки на одежде ведь бывают разными. Эти лоскутки были причиной многих неприятностей. На них ушли три лучших кукольных платья. Вот уже месяц, как шестилетняя Катюшка ежедневно с утра ищет их, ревет и хнычет.

Последнее отделение ящичка было занято, видимо, особо ценной вещью — оно даже прикрыто стеклом. Сама вещь была укутана в чистую тряпицу, затем шел слой ваты, опять лоскутки и снова вата. Действительно, так заботливо укутанный предмет заслуживал такого внимания. Это был компас. Совсем новый армейский компас со светящейся в темноте стрелкой.

Все эти сокровища с трудом добывались и в течение целого года копились для предстоящего похода.

Женя прибавил к этим богатствам еще одну коробку спичек, три кубика сухого кофе и залюбовался своим богатством. Да, всего хватило бы хоть на трехдневный поход. Правда, Володя не говорил точно. Он только сказал: «В тайгу пойдем, ребята, далеко». Значит, ясно, что не меньше чем на три дня.

Надо же было случиться несчастьем с Володей! Сейчас придется пойти самим. А самих больше чем на день родители не отпустят.

Э-эх!..

Женя уже собрался было закрывать потайной ящик, как с улицы послышался окрик:

— Эй, в штабе! Есть живая душа аль нету?

Женя узнал голос почтальона.

— Есть, есть, дядя Вася! — откликнулся он и вытащил задвижку, прикрывающую узкую щель, у которой, бывало, невидимый никем, помещался наблюдатель.

В сумрак каморки ворвалась яркая полоска солнечного света.

— Кто? Женя, что ли?

— Я, я!

— Тебя и надо. Получай-ка письмо.

— Письмо? — удивился Женя. — От кого?

— Про это не знаю. Тайной перепиской граждан не интересуюсь, не положено по долгу службы... А ты не ждал, что ли, письма?

— Мне никто не пишет.

Женя приник к щели, но, кроме реденькой, клинышком бородки, морщинистой, худой шеи с острым кадыком и наглухо застегнутого воротника ситцевой косоворотки, ничего не было видно.

— Куда оно запропастилось? — рассуждал почтальон, роясь в сумке. — Гм... Редко на ваш штаб писать стали. Раньше чуть не каждый день. Ага! Вот оно. «Станция Монгол, бывшему командиру тимуровцев Евгению Котышеву». Та-ак... Обратного адреса нет. Стало быть, отправитель пожелал остаться в неизвестности. Это ничего, в полном соответствии с законом: обратный адрес хочешь пиши, хочешь нет. Письмо не заказное. Штаб-то, ребята, совсем плох стал, скоро и крыша травой зарастет. А?

— Развалилась у нас команда, дядя Вася.

— Знаю. Знаю и сожалею. От души сожалею... А не пробовал ты, Женя, новое дело для ребят поискать? Как не быть делу? Вот, к примеру, со мной: потерял я руку и думаю — ну, все, конец! Сидел, сидел, горевал, горевал, потом как вскочу да себя по лбу: «Ноги-то у меня здоровехоньки!» Повесил сумку на шею, стал почту разносить. Вот и бегаю, на людях живу, работаю, радуюсь. А сначала думал, что конец жизни пришел. Ведь я раньше запальщиком был, в шахте работал... Ты подумай, парень, помозгуй.

— Я, дядя Вася, думаю. А придумать не могу.

— Ну, если думаешь, стало быть, хорошо. Стало быть, найдешь. На-ко, держи письмецо. Читай...

Последние слова дядя Вася говорил, уже удаляясь от штаба.

Женя разорвал конверт. В первый миг он был разочарован и раздосадован: грязный лист бумаги, такой и в руки взять неприятно. Но, рассмотрев его, он увидел, что бумага не грязна, а тщательно затушевана чернилами. Белыми остались только узкие полоски, на которых вразброс виднелись бессвязные отдельные слова: «печка», «штаб», «падь Золотая».

Ничего не понять! Подпись тоже ничего не говорила. Какой-то Куклин. Наверное, мальчишка какой-нибудь разыгрывает...

Женя посмотрел бумагу на свет, покрутил ее перед глазами, затем внимательно перечитал каждое слово еще раз и судорожно глотнул воздух. Во рту сразу пересохло. Он опасливо оглянулся: вдруг чем-то таинственным и страшным, как со страниц «Острова сокровищ», пахнуло на него от письма.

Однако через мгновение он устыдился своего страха и, хоть сердце билось часто, заставил себя внимательно прочесть письмо еще и еще раз. Оказалось, что, если все слова, разбросанные по белым полоскам, читать подряд, они приобретают некоторый смысл. Вот эти слова:

...Он спрятан... штабе тимуровской команды. .. в печке. .. в восточной стенке. ..
сверху третий ряд, угловой кирпич к трубе... Обязательно найдите... Надеемся...
сокровище... тайну Золотой пади надо открыть... помогите... Василий Куклин
15/V1946 г.

Сомнений быть не могло! Существовала какая-то важная тайна. Незнакомый человек

Василий Куклин просит помочь ему. Вот здесь, в печке, спрятано то, что поможет раскрыть тайну. Ну, а вдруг все это чепуха и какие-то ребята решили подшутить? Все равно надо поискать, чтобы потом разузнать, кто это такие глупые шутки шутит.

Женя с трудом отыскал указанный кирпич. Когда, покраснев от напряжения, он вытащил его, то увидел маленькую нишу, а в ней — записную книжку в потертом, засаленном переплете.

С трепетом, осторожно взял ее Женя в руки и развернул.

Если бы он не был так поглощен находкой, то обратил бы внимание на шорох, который снова явственно раздался рядом. Но мальчик ничего не слышал. Такая находка! Просто невероятно. Он протер глаза, даже ущипнул себя. Нет, он не спал.

Отбросив кирпич в угол и забыв закрыть потайной ход, Женя опрометью выскочил на улицу. Не услышал он и сейчас, как в куче хлама кто-то приглушенно ойкнул, заворчал.

На улице при ярком солнечном свете Женя опять перелистал книжку. Нет, не сон! Вон у моста купаются ребята. Вот Ванька «клюет — не ловится», перегнувшись, вцепился в удочку. У него клюет, наверное, чебак. Вон степь, цветы, солнце. А вот записная книжка. Не сон!

Как в тумане, Женя вспомнил, что забыл закрыть потайник. Но возвращаться было некогда. Он с силой захлопнул дверь и, прижимая к груди бесценную находку, стрелой полетел от штаба.

— Борька! Борька! — закричал он, издали завидев товарища. — Что я нашел! Борис, скорее к Наташе! Нет, к Пашке — Наташи нет дома. К Пашке, скорее!

Боря, неуклюже переваливаясь с боку на бок, нес на коромысле полные ведра и косился на них: при каждом шаге вода выплескивалась то из одного, то из другого ведра. Почему-то, когда мать несет, у нее даже не шелохнется. Боря замедлил шаги, но от этого ведра закачались еще сильнее и вода побежала ручьем. Боря ускорил шаг, ведра перестали раскачиваться, но зато остановились так резко, что выплеснулось сразу много. Затем они опять стали раскачиваться.

— Борька! — нетерпеливо звал Женя.

Раздумывая над странным поведением ведер, Боря не ответил ни словом, однако свернул с дороги и бережно снял коромысло с плеч. Он вытер рукавом вспотевшее лицо, почесал затылок, подумал, вопросительно поглядел еще раз на ведра и, так и не догадавшись, в чем дело, обернулся наконец к Жене.

— Чего? — нехотя спросил он.

Женя начал с жаром рассказывать, размахивая руками.

— Покажи, — подумав, невозмутимо сказал Боря.

Но Женя, мелькая пятками, уже бежал дальше по улице. Боря долго смотрел ему вслед и наконец обернулся к дому, где мать давно ждала его. Потом, задрав голову, стал смотреть на тополя, пытаясь разглядеть в их листве чирикающих воробьев. Осмотрел палисадник, поднял ведра, занес их за ограду, проверил, крепко ли стоят, и снова подумал. Пропадут или не пропадут огурцы, если их сегодня не полить? А нагоняй будет или не будет? Будет...

Но ведь такое, о чем Женя рассказал, даже в книгах редко встречается. Боря вздохнул, решительно бросил на траву коромысло и, неуклюже подпрыгнув на месте, словно отрываясь от земли, понесся за товарищем, широко, как веслами, загребая руками и все больше набирая скорость.

В ту минуту, когда Женя объяснялся с Борей, у Ваньки «клюет — не ловится» сорвался с крючка чебак. Злой на весь мир, он с презрением отвернулся от речки. Случилось так, что его мрачный взгляд остановился на домишке штаба, дверь которого медленно-медленно приоткрывалась. Ванька не придавал этому значения: что значит какой-то мальчишка в штабе в сравнении с чебаком в реке! Но дверь открывалась все шире, и тут рыбак увидел, что за ней никого нет, что дверь открылась сама. Это было уже интересно. Рыбак решил исследовать непонятное явление. Он поднялся и шагнул было к домику, но дверь стала медленно закрываться. Рыбак ясно видел, как она движется, как, упершись в косяк, остановилась, а затем будто кто-то толкнул ее, и она прочно стала на место. Ванька «клюет — не ловится» почувствовал, что шапочка зашевелилась на его голове. Он взвизгнул, схватил удочки и, не оглядываясь, побежал прочь.

А секрет был прост. У самого порога, скрытый травой, лежал маленький, весь в пыли

человечек, в большом картузе, повернутом козырьком назад. Вот картуз осторожно приподнялся над травой и завертелся во все стороны. Убедившись, что никого нет, человечек привстал на колени. Он воровато повел вокруг быстрыми и черными, как жучки, глазами. Потом, не снимая картуза, ожесточенно почесал макушку.

— Разбросался! — недовольно проворчал он. — Тебя бы самого таким кирпичом по голове, так небось заплясал бы! Он еще раз сердито потер макушку, чихнул, исчез в высокой траве и прошмыгнул ящерицей в заборную щель. Скачками преодолев пустырь, человечек перемахнул через ограду и исчез во дворе помощника машиниста Храпова.

Через минуту его картуз мелькнул во дворе стрелочника Гусева. Потом дальше...

Задремавшая на солнышке бабка Кутрикина вдруг дрогнула и проснулась. Курица-клушка, цыплят которой бабка стерегла от ястреба, дико закудаhtала и взлетела, изо всех сил хлопая крыльями.

— Кыш! Кыш! Вот я тебя, разбойника! — закричала бабка.

Однако она тотчас увидела свою оплошность: никакого ястреба не было, а через забор мелькнули босые ноги.

— Куси, куси его, окаянного! — прошамкала бабка большому псу, усердно искавшему в густой шерсти блох.

Но пес с таким удивлением посмотрел на бабку, что та решила, будто босые ноги ей померещились, и напустилась на курицу:

— Чтоб ты сказала, проклятая! Чтоб тебя ястреб унес, негодница!..

Еще через минуту человечек оказался на тополе в садике у Малковых. Маскируясь в листве, он оглядел улицу, скользнул с дерева и снова исчез.

Таинственный человечек нигде не задерживался. Он очень спешил. По местам, где показывался его картуз, можно было проследить направление пути: оно было тем же, по которому бежали Женя и Боря.

Невольно возникает вопрос: почему человечек не бежит, как все люди, посреди улицы, а пробирается дворами, прыгает через бесчисленные заборы, ежеминутно рискуя сломать себе шею? И не только этим он рисковал. Ему приходилось лавировать среди грядок с огурцами, горохом, морковью, то есть появляться как раз там, куда, по железному закону монгонских хозяек, вход чужим строго воспрещен. За это... Впрочем, что говорить! Каждый наш читатель и сам знает, что бывает за вторжение в чужой огород. Видимо, очень серьезные причины заставляли нашего человечка нарушать страшный запрет.

Удивительной, непонятной была еще одна странность.

Стремительный и легкий бег Жени и тяжелый топот Бори всполошили всех монгонских собак, хотя, строго говоря, собаки не имели никакого права лаять на них: бегут себе мальчишки посреди улицы и пускай бегут — улица общая. Не за то хозяева собак кормят, чтобы они за мальчишками по улицам поселка гонялись. Однако все собаки отчаянно заливались вслед Жене и Боре на разные голоса.

Тем непонятнее было поведение монгонских псов при появлении маленького человечка. Он, как мы уже знаем, бежал по кровным собачьим владениям. Ему приходилось пробираться вплотную около конур, мимо псов-цепников, которым хитроумные бабки нарочно дают конскую кость: цепник разгрызть ее не может, но скорее подавится, чем кого-нибудь подпустит к ней. Больше того, пробираясь в один двор, человечек, не разглядев, прыгнул с забора прямо на спину развалившегося в тени огромного пса...

Вы, читатели, конечно, думаете, что смельчак был немедленно разорван в клочья? Как бы не так — он жив и здоров!

Ну, по крайней мере, полагаете, что собаки искушали его икры, разодрали штаны? Ничего подобного! Ни одной царапины от собак не получил бегун во время своего отчаянного бега. «Даже тот пес, которого бегун чуть не раздавил, и тот ничего?» — спросите вы. Нет. Он вскочил и... виновато завил хвостом.

Тогда, несомненно, вы уверены, что псы подняли такой брех и лай, что слышно было за несколько километров? Снова не угадали — ни одна собака даже не твякнула. Ни одна!

Не знаю, ребята, как у вас, но у нас в Монгоне только один человек может безнаказанно пробежать через любой двор, охраняемый хоть голосистой лайкой, хоть свирепым волкодавом,

хоть неподкупной овчаркой.

Да, за Женей и Борей бежал этот единственный у нас человек, бывший тимуровец, Федя-разведчик, изменивший своим старым друзьям, своему лучшему товарищу. Да, это бежал он — знаменитый разведчик, который сейчас так легко провел Женю и неожиданно для себя узнал и о таинственном письме, и об удивительной находке в полуразвалившейся печке.

Глава III ДНЕВНИК ПАРТИЗАНА

Паша рассеянно смотрел на географическую карту области. Его остроносое, как у куличка, лицо то озабоченно хмурилось, то мечтательно улыбалось, то становилось таким серьезным, что на лбу прорезалась тоненькая, как волосок, морщинка. Кругом — на столе, табуретках — лежали разноцветные тряпки, кусочки мела, листы из тетрадок с нарисованными и перечеркнутыми рисунками и чертежами.

«Идти в поход или не идти? — думал Паша. — Пойти бы хорошо, да разве это поход — на один день? Что интересного? А не пойти — скучно... Если бы на все лето или хотя бы на месяц, можно бы добраться туда, где не ступала нога человека. Можно бы открыть скелет мамонта или даже атомную руду!»

Паша на секунду вообразил себя начальником большой и опасной экспедиции, сделавшей мировое открытие. Экспедиция эта нашла такую руду, что положишь крошечный камешек в паровозный котел, и паровоз будет десять лет ездить, нисколько не требуя топлива. И все до одного монгонские машинисты и кочегары преподнесут ему, Паше, настоящий микроскоп. И в «Пионерской правде» напечатают, как монгонские тимуровцы, проявив героизм и доблесть, не испугавшись смертельных опасностей в дикой тайге, сделали великое открытие.

Тут Паша придал своему лицу строгое, серьезное выражение, какое подобает руководителю экспедиции, и подошел к зеркалу.

Фу, как непохоже! Вихор топорщится на макушке, в глазах ничего строгого, нос смешно морщится. Брови насулены так, что морщины на лбу собрались, а глаза смеются. Чепуха какая-то...

Паша вздохнул, отошел от зеркала. Выходит, недаром его еще с первого класса дразнили куличком. А причиной всему — нос и вихор.

Вообще, день начался неудачно, но главная неприятность, по всем расчетам, должна произойти вечером. Ох, уж эти ябеды!

Тут Паша посмотрел на разбросанные повсюду тряпки.

Дело в том, что он уже давно, дней пять, как конструирует замечательный походный мешок, на двадцать три отделения. Разве у Женьки с Борькой походные рюкзаки? Простые мешки, да и все. Нет, его походный мешок будет совсем другим: для каждого предмета свое отделение, чтобы ничто не перемешалось, если придется прыгать со скалы на скалу или лететь вверх тормашками со снежным обвалом. Но главный секрет мешка в другом. Застигнет, например, в тайге ночь — и мешок моментально превратится в подстилку, одеяло и подушку. Пойдет, дождь, и — раз-два! — из мешка натянута палатка. Надо переправиться через речку — пожалуйста! Мешок набивается хворостом и превращается в быстроходный плот.

Если переждать дождь некогда, мешок станет плащом. Вот каким должен быть походный мешок! Все обдумано, рисунки и чертежи сделаны.

Сегодня утром Пашка приступил наконец к делу и, вооружившись огромными ножницами, занялся кройкой будущего мешка.

— Ага! Порвал мамины половики, они сушились на чердаке! Порвал? — раздался вдруг сзади него голос.

— Не порвал, а разрезал, — даже не оборачиваясь в сторону шестилетней Лидки, сухо уточнил Паша. — Потом все кусочки можно опять сшить, и будет как было...

— А я маме все равно скажу! — крикнула Лидка и выскочила из комнаты так, будто в кино опаздывает.

«Наябедничает, когда мать вернется, обязательно наядбедничает! — мрачно думал Паша. — Надо было на крючок закрыться. Попробую ей остатки цветных карандашей дать.

Коробка еще хорошая... А как же быть с походным мешком? Разве сделать без капюшона да без рукавов? Но какой же тогда плащ?»

Вот так неудачно начался этот день.

«Хорошо бы прямо на север идти, — глядя на карту, думал Паша. — Вот уж где тайга! Дремучая, глухая. Не то что города, даже ни одного поселка на карте нет. До Ледовитого океана далековато, а вот дойти бы до этого озера — и хватит. Большое озеро, раз на карту попало. Коноваловского на карте нет, а ведь и оно не маленькое.

Но не отпустят на все лето. Да что на лето! Без Володи на три дня и то не отпустили. Хорошо шестиклассникам! Все отличники уже в походе. Учитель географии с ними, пионервожатый. Взяли с собой удочки, даже ружье есть, ижевское. Сейчас где-нибудь дорогу через непроходимые заросли прорубают или через бурную речку вплавь перебираются. Водопад бурлит, брызги на семь метров летят, кругом скалы, а они идут. А может, еще интереснее: от медведей или волков отбиваются...»

Паша даже зажмурился от волнения.

«А наша вожатая тоже хороша! Зимой, чуть что, говорит: „Ребята, вы уже не маленькие!“ А когда в поход с шестиклассниками просились, все свои запасы отдавали, так она: „Ребята, вы еще маленькие!“ Только одно и знает: „Ребята, нельзя, тише, вы пионеры. Ребята, вы простудитесь... Ребята, нельзя...“ Даже попилить дров не дала: „Ребята, вы порежетесь...“ Тьфу, Татьянашка! Ни плавать, ни с шестом прыгать, ни костер развести — ничего не умеет.

И почему не Володя вожатый? С ним бы было вот здорово! Он на самом лучшем паровозе помощником машиниста работает, свободного времени совсем мало, редко приходит. Но уж как придет — все ребята к нему! Что ни спроси, все знает, все умеет: и стрелять, и коньки делать, и приемник научил собирать... Про летчиков на фронте рассказывал, а в другой раз про вулканы — лучше, чем в книге. Теперь обещал в настоящую тайгу повести нас, отпуск взял. Но с хорошими людьми обязательно что-нибудь случается — ногу сломал».

Паша вздохнул.

«И еще тут ссора эта — Женя с Федькой, говорят, поссорились... Два дня уже не разговаривают. Надо будет разузнать, в чем дело...»

Отчаянный лай собак прервал размышления Паши. В окно он увидел бегущих во весь дух друзей. Живейшее любопытство появилось на его остроносеньком лице.

«Что случилось? — подумал Паша. — Не воробьевские ли за ними гонятся? Не должно быть. Кто осмелится Женю тронуть? А Борис хоть никогда не дрался, но ему все силачи в школе и на улице дорогу уступают. Он десятикилограммовую гирию любой рукой выжимает. Не посмеют на них воробьевские».

Тут легко вбежал Женя. Следом, шумно отдуваясь, ввалился Боря.

— Ребята... ребята!.. — Женя не мог отдышаться. — Письмо... золото... уголь... дневник... падь Золотая... Пашка, читай.

Потемневшие листы записной книжки были исписаны крупными и неровными, как у второклассника, буквами. Написано было вот что:

«Прочитай, советский товарищ!

Дневник

23 июня 1920 года. В отряд Федорова пробираемся, Вася Куклин и я. Двое. Остальных побили японцы. Нас поранили. Ротозеи дозорные подвели, засады не увидели. Патронов только один. Дальше идти не можем. И раны перевязать нечем. Сложили шалашик. Плохо. Сил совсем нету. А вы, братцы-товарищи не сердчайте, простите нас. Нет сил, и всё.

25 июня. Лежим. Вася стонет, пить просит. Я пополз к речушке за водой. На перекате нашел крупинки золота. Потом самородок золота, фунта в три, увидел. Подальше еще виднеются. Был в старателях, на приисках работал, а такого не встречалось.

Сказал Васе. Ночью глаза не смыкаются. Всё думки. Дело не шутейное. Умрем — и никто не узнает о золоте. Когда в такую глухомань люди придут? А советской власти надо будет много золота, счастливую жизнь строить для рабочих и крестьян, для детей да внуков наших. Утром Вася говорит: «Пойдем?» И я говорю: «Пойдем». А надо далеко идти. До Монгона верст триста, не меньше. А может, и поболее. А идти надо. Проковыляем где на четвереньках, где как...

26 июня. Вдоль пади путь держим. Верст пятнадцать от золота отползли. Падь в сторону уходит. А нам надо через речку. Спустились к берегу. Смотрю, Вася какие-то черные камни разглядывает. Подозвал меня, разволновался. «Знаешь, говорит, что это? Наилучший уголь, антрацит». Шахтером до войны был Вася... Силы у него кончаются, а пошел вдоль берега посмотреть, откуда уголь взялся. Я за ним. До крутого обрыва кое-как добрались и видим: будто ножом срезан берег, а в нем вверху черный пласт проступает, и пониже такой же. Толстые пласты, аршина в три. Я не очень понимаю, а Вася глаз оторвать не может, перебирает свалившиеся куски. Невиданное тут богатство лежит, говорит. Дойти бы до людей, говорит, надо. В вершине пади золото, а здесь угля — невидимо. Настоящая Золотая падь!

Дойдем, Вася! Нельзя не дойти!

29 июня. Из пади давно выбрались. По лесу ползем. Жарко. Пить охота, а воды нет. Утром росу пососали.

Июль, а числа не знаю. В голове крутится, и перед глазами туман. Руки и ноги дрожат. Охота лечь, уснуть и не вставать боле. Ну, да ничего. Поговорим с Васей про падь Золотую да про советскую власть, вроде полегчает. Вчера последним патроном стрелял, козу убил. Крови попили да по куску печенки съели. Спичек нет, соли нет, да и есть неохота, только пить. А силу держать надо, чтобы дойти,

Наверное, июль. Вася без памяти. Ташу. Он, как, очнется, говорит: «Брось меня. Ползи один. Не доберешься со мной до людей».

А я ему в ответ: «Молчи, не говори так, не обижай меня, Вася. Хребет близко. Цаган-Хада. А от хребта до Монгона недалеко».

Наверное, август. Васе полегчало. На хребет поднялись и к тропе у поляны с фонтаном вышли. Дождь, холодно. Ни одного домишка, ни одной землянки от самой пади Золотой... Эх, Забайкалье! Пропадают твои богатства.

Утро. Очнулся. На поляне у фонтана лежим. Сколько часов или дней лежали — не упомню. Силы уходят. Думаю так: опишу дорогу к пади Золотой и закопаю. Место здесь заметное, может, найдут наши люди. А на себе описание оставить, в книжке, нельзя: дожди пойдут, размокнет всё. Товарищ! Описание дороги к пади Золотой закопано в 25 шагах от фонтана к востоку.

Числа не знаю. А вдруг наши люди описания не найдут? А мы помрем? Говорю: «Вася, пропасть может падь Золотая. Пойдем...» А он молчит. «Пойдем, Вася, пропасть может!» Поднял голову, глаза открыл: «Пойдем». Черный он стал, страшный, кожа обтянулась, потрескалась. Эх, друг, крепись!

Пошли.

Не знаю месяца. Человека бы встретить нашего, советского — сказать о Золотой пади. Сколько идем — ни одного человека!.. Забайкалье!..

Монгон близко. Паровозы гудят...

Сидим в тепляке. И здесь японцы, как крысы, по русской земле ходят. Увидел нас часовой, ранил Васю в руку. Но я задушил часового. А с товарищем так и не встретились, не рассказали о Золотой пади. Что делать? Нельзя японцам дневник отдавать. Патронов нет — по-другому бы с ними поговорили. Решили спрятать его покрепче. Верим, что прогонят наши японцев, найдут дневник и падь.

Друг-товарищ! Найди падь Золотую. Открой богатства ее трудящемуся народу!

Идут сюда. С собаками. Лопочут, наш след кровавой увидели. Ну, прощайте, товарищи! Жизнь даром не отдадим.

..Красные партизаны Василий Куклин, Сергей...»

На этом дневник обрывался. Женя закрыл книжечку. На лице его выступили красные пятна. Тяжело опустил голову Боря.

— Поймали их... — проговорил Паша тоненьким, задрожавшим голосом.

— Может, не поймали.

— Нет, Женя, поймали! Даже фамилию не успели дописать. А какие были великие герои! В глазах темно, а они ползут... Эх, ребята! Поймали их, но просто они в руки не дались, перебили, наверное, двести японцев! — Паша вдруг шмыгнул носом и отвернулся.

Ниже опустил голову Боря.

Женя подошел к окну и как сквозь туман смотрел на ярко залитую солнцем зеленую степь. Потом тряхнул головой и повернулся к ребятам. Глаза его сухо блеснули, веснушчатое лицо было бледнее обычного.

— Не надо, Паша, Боря! — Он взял дневник. — «Друг-товарищ! Найди падь Золотую. Открой богатства ее трудящемуся народу!» — звонким голосом прочел Женя последнюю просьбу партизан.

Ребята переглянулись. Одна и та же мысль возникла у всех.

— Это нас партизаны просят! — торжественно сказал Паша.

— Нас, — вымолвил наконец первое слово и Боря. Подумав, добавил: — Где нашел? — и кивнул на дневник.

Женя показал письмо, которое принес почтальон, рассказал, как разгадал его и нашел в печке дневник.

— Только тут, ребята, много непонятного, — озабоченно говорил он товарищам. — Смотрите, как письмо написано! Все в черниле, только полоски чистые, а на них слова. Зачем так писать? И потом, в дневнике партизаны пишут, что не успели никому сказать о пади Золотой, никто не знал, где дневник, а тут письмо. Выходит, что кто-то узнал о дневнике и о пади. А если он сам узнал, где дневник запрятан, то зачем нам пишет, почему сам не нашел его? Все это, ребята, разгадать надо.

Боря, не слушая Женю, долго рассматривал письмо, задерживаясь на каждом слове. Зачем-то поспраивал уголок и посмотрел на свет. Паша нетерпеливо подступал к нему то с правой, то с левой стороны. Но тот спокойно, не оборачиваясь, легким движением руки отстранял его.

— Непонятно... — почесав затылок и передавая письмо Паше, сказал наконец Боря. — Двадцать шесть лет никто ничего не знал, и вдруг письмо, да еще в штаб тимуровцев почему-то. Непонятно...

— Ты бы, Борька, мог и не смотреть. Знаешь, что тихо думаешь, и задерживать нечего. Сейчас будет понятно, — сказал Паша и, наморщив лоб, задумался.

Белокурый вихорок на его голове тоже склонился, заглядывая в письмо. Боря подозрительно покосился на приятеля.

— Так... так... и так... — бормотал Паша и вдруг вскрикнул: — Ребята, да они живы! Ребята!

— Кто живы?

— Они! Партизаны Василий и Сергей! Что, не верите? Эх, вы!.. Кто написал письмо? Василий Куклин. И подписал под письмом — «1946 год». А в дневнике кто? Тоже Василий Куклин. Жив он! Жив! — приплясывал Паша.

Немедленно письмо и дневник были подвергнуты строгому исследованию. Да, верно! И там и здесь стояло одно и то же имя.

— Жив!.. — внимательно изучив подпись и подумав, облегченно сказал Боря.

— И второй партизан, Сергей, жив! Смотри, Женя: в письме написано — «надеемся»! Если бы один писал, то было бы «надеюсь». Оба писали! Оба живые!

Читатель, конечно, поймет, как ликовали ребята. Герои-партизаны живы!

— Молодец, Паша! — Женя хлопнул товарища по плечу так, что тот пошатнулся. — А ты, Борька, часто Паше не веришь. Мы с тобой не догадались, а он сразу...

— Редко... — подумав, возразил Боря. — Что — редко? — не понял Женя.

— Правду говорит редко. Выдумывает, — пояснил Боря, кивнув на Пашу.

— Выдумываю? — удивился Паша. — Просто ты какой-то недоверчивый, тебе и кажется.

— Ничего не кажется... — проворчал Боря. — Все-таки непонятно: живые, а найти падь просят нас. Зачем же тогда написали письмо? Сами бы провели туда людей — и всё. Разве больные?.. Ну, могли бы тогда сами не идти, а рассказать... Где они живут, откуда фамилию Женькину знают? Совсем ничего не понимаю...

— Погодите, погодите, тут гадать нечего, — перебил Паша. — Тут думать надо. Так.., так.., Да, плохо... — Его остроносенькое лицо стало печальным. — Все понятно! Рано мы обрадовались. Эх, геройские партизаны! Как вы ни сопротивлялись, сколько ни уложили японцев, а все-таки вас поймали и увезли...

— Говори, Паша, толком! Что ты бормочешь?

— И говорить не хочется. Знаете, откуда мы получили письмо?

— Откуда?

— Из Японии.

— Из... Японии? — опешил Женя.

Боря вытаращил глаза и уставился Паше в рот,

— Из Японии, — печально повторил Паша. — Из японского плена.

— М-да... — обрел наконец дар речи Боря.

— Что, Борька, «м-да»?

— Врешь ты, вот что!

— А откуда же тогда письмо?

Боря подумал.

— Не знаю. Только врешь.

— Подожди, Паша, подожди..., — бормотал Женя, углубившись в бумаги.

— Эх, вы! — обиделся Паша. — Что тут непонятно? Все очень просто. Их взяли в плен. В дневнике так и написано: «Идут японцы с собаками». Конечно, они сражались, но их было двое, а врагов много; их и взяли. Связали и увезли в Японию. Убежать никак нельзя: там кругом море. А они все думали, как сообщить о Золотой пади. Восемнадцать писем написали. Думаете, меньше? Но японцы караулили и никак не удавалось конверт в почтовый ящик бросить. Их, конечно, били. Только девятнадцатое письмо удалось отправить. Оно и дошло.

— М-да... — опять пробормотал Боря.

— Чего м-дакаешь?! Все еще не веришь? Ну и каменный ты человек, Борька! Если они в Советском Союзе живут, зачем писать будут? Видишь, они нарочно листок измазали. Чтобы японцы не поняли. Ясно, письмо из Японии!

Боря, насупив брови, подозрительно поглядывал на Пашу.

Женя, ероша стриженные волосы, снова перечитывал письмо и дневник. «Нет, не верится...»

— Подожди, Паша... — начал он. — Тут ты, конечно, навывдумывал. Из Японии! А как они в Японии про штаб узнали? Откуда знают мою фамилию и имя?

— Ага! — оживился Боря и одобрительно кивнул Жене.

— Тут-то ты, Пашка, сядешь в калошу.

— А кому им писать? — не смутился Паша.

— Кому? Взрослым. Ну... в Москву... В Цека.

— Вот и попались! Так и пропустят японские капиталисты письмо в Цека! Как бы не так! А тут маленькая станция, да еще какому-то Евгению. Как узнали о тебе и тимуровцах? Очень просто. Твою фамилию и то, что ты был командиром, вычитали в «Пионерской правде». Помнишь, наш штаб фотографировали и фото с заметкой напечатали. Партизаны и прочитали.

Тут Паша умолк и победно оглядел друзей. Через минуту он снова увлеченно заговорил:

— Смотрят партизаны в газету, видят — домик. Дядя Сергей как вскочит! «Вася, — кричит, — смотри, ведь это тот тепляк, где наш дневник спрятан!» Дядя Вася тоже вскочил: «Он, правда, он!» Тут партизаны зашептались. Громко говорить нельзя — их подслушивают. «Там сейчас штаб тимуровцев. Командир Евгений Котышев. Напишем ему!» И написали.

Паша опять умолк, но не потому, что потерял нить мысли, а чтобы облизнуть пересохшие губы. Ребята тесно сбились вокруг него, чтобы не упустить ни слова из его удивительного рассказа.

— Конечно, капиталисты «Пионерскую правду» к себе не пропускают, — снова затараторил он. — Тут тоже не так просто получилось. У одного японского пионера отец моряк и коммунист. После войны он плавал в Лондон. А там стоял наш советский пароход. И матрос с этого парохода подарил ему «Пионерскую правду». Думаете, легко было провезти: положил в сундучок — и всё? Как же! Он из козырька вытащил картон, а газету — вместо него. Вот как! И однажды темной ночью японский пионер подполз к лагерю, где живут заключенные партизаны, подождал, когда отойдет часовая, подкопал под колючей проволокой ход и передал партизанам газету. Надо, ребята, узнать фамилию японского пионера. Он партизанам и хлеб носит. Когда свергнут в Японии капиталистов, съездим туда и скажем ему: «Спасибо тебе! Ты — настоящий

пионер!»

— М-м... — промычал Боря.

Они с Женей переглянулись. Складно все у Пашки получается. Из Японии!.. Но что можно ему возразить? В самом деле, откуда загадочное письмо? Почему партизаны написали его только сейчас, двадцать шесть лет после того, как открыли падь Золотую? Почему не могли сообщить раньше? Почему так странно написано письмо?

А Паша даже не обращал внимания на озадаченных друзей. Для него все было ясно; наморщив лоб, он уже думал о другом. Боря с Женей снова переглянулись. Нет, трудно возразить. Женя смущенно улыбнулся. Боря ожесточенно махнул рукой: пропадай, мол, всё.

— В падь Золотую! — воскликнул Женя.

— В поход! В падь Золотую! — звонко крикнул Паша и поднял руку вверх.

— В поход! — прогудел Боря и расправил широкие плечи.

— Сейчас я за Федькой сбегаяю, — забывшись, засуетился Паша.

— За изменником? Беги... — сухо проговорил Женя. — Заодно его дружка Альку позови.

Паша, надевший уже было пилотку, смущенно снял ее. Боря угрюмо насупился.

— Не нужно за Федькой, — продолжал Женя. — Он нас на Альку променял, с ним сговорился в поход идти. Пусть...

— Федька — с Алькой? Неправда! — Ребята хоть и знали о ссоре, но такого предательства со стороны Федьки не ожидали и были поражены.

— Правда. Мне Нюра сказала...

Паша прищурил глаза и неподвижно смотрел в одну точку.

— Эх! — вздохнул он. — Мой бывший лучший друг... Дезертир! С Алькой?.. Нет ему, ребята, прощения!

— Нет! — согласился Боря.

Судьба Феи решилась.

Оставалась еще Наташа. Женя с Борей даже слышать не хотели, чтобы идти в Золотую падь без Наташи.

Но против нее решительно высказался Паша:

— Она мышей боится. Куда ей в тайгу!.. Ну, и еще хотела вчера мне по шее надавать. Трудно будет с нею в походе. Если бы Володя с нами был, тогда дело другое.

— Скажи просто, что боишься ее, — засмеялся Женя. — Струсил!

— Она свистеть не умеет, — неуверенно продолжал Паша. — Раз получится, а пять раз шипит.

— Сам-то ты давно научился? — рассердился Боря. — Зато она стреляет лучше всех!

— Там стрелять не так важно, — стоял на своем Паша. — Свистеть важнее. Как перекликаться с нею в тайге будем? Начнет шипеть, мы и не услышим. Ищи ее потом!

— Ох, Пашка! — рассмеялся Женя. — Смотри, как бы Наташа не узнала про твои разговорчики: так тебе свистнет!..

Глава IV ФЕДЯ И АЛИК

Увлеченные обсуждением плана похода в падь Золотую, ребята не заметили, как колыхнулась оконная занавеска. Колыхнулась чуть-чуть.

Федя спрыгнул с завалинки, где он, затаившись, слушал разговор друзей, и необычным для него медленным шагом, поднимая пыль босыми ногами, побрел по улице. Индюк, угрожающе напыжившись и царапая крыльями по земле, набросился было на мальчика. Но Федя не обратил на него ни малейшего внимания, даже шаг не ускорил. Индюк, должно быть для того, чтобы не уронить свой авторитет, степенно вернулся к индюшке и клюнул свою унылую и скучную подругу в голову. С дороги вспорхнула стайка воробьев — Федя не посмотрел и на них.

Из-за угла, крадучись, вышел мальчик ростом почти на полголовы выше Феи. Он был во всем белом: белая рубашка, короткие белые штанишки, белые туфли и носки. Держась у забора и озираясь, мальчик догнал Фею.

— Ну, разведал? — вполголоса спросил он.

— Разведал!.. — буркнул Федя, не оборачиваясь.

— Куда они пойдут? Тоже гору открывать?

— Нужна им твоя гора! Эх, Алька! Они золото да уголь пойдут открывать. Антрацит. Вот куда!

— Антрацит? Золото? Настоящее? — удивился Алик.

— А какое еще? — зло сказал Федя.

— Откроют они, как же! За один-то день? Трусишки! Побоялись одни на три дня идти, да и придумали, будто не пускают.

— Женья — трус?! — голосом, не предвещающим ничего доброго, спросил Федя.

— Ну не трус, а все равно на один день только идут, — поспешил поправиться Алик. — А мы неизвестную гору откроем в тайге. Неделью проходим, а найдем.

— Ищи... Я с тобой не пойду!

Алик растерялся. С чего это Федя изменился? Совсем уже согласился было идти открывать гору, все готово, и вдруг — «не пойду». Неужели правда про уголь да золото?

— Забыл ты, видно, как тебя Женька ругал, — сказал Алик, стараясь разжечь Федю напоминанием о ссоре. — Подходяще ругал, как маленького. И какое ему дело, с кем ты дружишь? Он хочет, чтобы ты на его веревочке ходил. Ты не слыхал, уже ушел, а Женька крикнул: «Только попадись мне, отколочу!» Раз Женька сказал, значит, отколочит.

— Так и сказал, «отколочу»? — спросил Федя, обернувшись к Алику. — Врешь ты, наверное!

— Честное слово! Так и кричал. Федька, а если нам с тобой открыть уголь и золото?

— Где там! У них дневник партизан. Они по дневнику найдут место. А мы как найдем?

— Дневник партизан? — так и присел Алик,

— Да. И в нем написано, как добраться до угля и золота.

Алик был потрясен. Золото! А уголь, папа сказал, еще поважнее золота будет.

— Федя, — зашептал он, — ты лучший разведчик в мире. Храбрее тебя здесь мальчишек нет... Знаешь что? Надо разведать, куда они положат дневник, взять его и самим идти открывать. Пусть попрыгают!

— Украсть дневник?!

— Зачем украсть? Можно только переписать. Вот здорово будет! Они только собираются, а мы уже найдем. Руду там начнут добывать. Назовут город моим именем — Аликоград. Вот здорово! Город Аликоград. В газетах, в географии, везде!..

— Почему «Алико», а не «Федоро»? — сердито спросил Федя.

— Еще знаешь что, Федя? — не расслышав, продолжал Алик. — Наташа у меня почтовика отбила. Отдам я выкуп, как же! Сегодня вечером ты собаку от голубятни отмени, а я голубя заберу. Он нам в походе пригодится. Его специально учили — он почтовый. Найдем золото и уголь, пошлем с ним телеграмму. Завтра же отправимся. — Алик все более воодушевлялся. — Завтра пойдем. Пусть попляшут! Ти-имуровцы... Зазнайки!

Федю точно крапивой обожгло. Он подскочил к Алику и толкнул его в грудь.

— Над тимуровцами смеешься?.. Не смей! — Федя задохнулся от негодования.

На минуту Алик замер, но, опомнившись, всхлипнул, потом заревел в голос и бросился прочь. Федя швырнул вдогонку камнем, однако не попал.

Легкая победа не развеселила Федю. Настроение его было самое скверное. Позорное слово «изменник» еще звучало в ушах.

Федя сам не понимал, что творилось с ним последнее время. Не хотелось играть ни в городки, ни в бабки. Не хотелось рыбачить. Идти было некуда: школа закрыта, Володя сломал ногу. Поход с ним сорвался. В школьный поход не взяли. Первое лето проходило так скучно.

Бесцельно блуждая, он неизменно оказывался около бывшего штаба тимуровцев. Но там было пусто. Нет ничего.

Вчера Федя встретил около штаба Женю и понял, чего ему не хватало. Незнакомое чувство злобы охватило Федю. Он разбил фонарь, поругался с Женей и убежал. Вот кто — Евгений Котышев, командир тимуровцев — был виноват, что нет веселой работы, нет приключений. Внутренний голос подсказывал Феде, что это не так, что все товарищи, и Женя с ними, тоже скучают. Но он уже не мог удержаться: со всеми перессорился, отказался от однодневного похода, назло Жене подружил с Аликом. Они решили без спроса уйти в глухую тайгу на много дней...

Знаменитый разведчик шел по улице, погруженный в нерадостные мысли.

Тихое повизгивание заставило Федю оглянуться. Одноглазый волкодав, с откушенным в схватке с волками ухом, шел за ним.

— Эх, Свирепый! — вздохнул Федя, обняв лохматую шею пса.

Собака, словно чувствуя настроение мальчика, заскулила.

— Не вой! — строго приказал разведчик. — Все хорошо будет. Нет, не изменник я!.. Ешь, Свирепый, корку и помалкивай, чтобы вся собачья команда не увидела. А то увидят, набегут, а у меня нет ничего... Ну, иди, не мешай, у меня дела...

Но не успел Федя и шага сделать, как, оглянувшись, увидел, что за ним увязались еще три собаки. Они вертелись около Феде, клали лапы ему на грудь, совали носы в карманы.

Такая привязанность тронула разведчика. Он сдвинул картуз на затылок и засвистел так, как никто не умел, с особыми переливами. Собаки радостно запрыгали вокруг. Шустрая кривоногая собачонка разбежалась, подпрыгнула и лизнула его в нос.

— Тихо! — сказал Федя. — Не лезь. Эх, забыл я вас на Альку науськать... А в поход ребята меня все равно возьмут. Ну, марш по домам! Когда понадобится — свистну.

Однако, оставшись один, Федя задумался. Он очень хорошо знал Женю. Так просто тот не простит. Даже Наташа не уговорит его. Женя, если он считает, что прав, не побоится стать один против всех.

«Нашел с кем связаться — с Алькой!» — терзался разведчик.

Не придумав, что предпринять, Федя своей излюбленной дорогой — огородами и дворами — побежал к Володе.

Но его опередили. Два старика, в которых Федя узнал почтальона и лесника Сергея Егорыча, уже подходили к Володиному крыльцу. Старики о чем-то оживленно разговаривали. Реденькая, похожая на мочало, борода почтальона заодно вздернулась над впалой, узенькой грудью. Он так и вился около спутника. Медведеподобный лесник, степенно поглаживая седые усы, вышагивал гоголем.

Раздосадованный, Федя повернул назад.

Глава V ПРЕРВАННОЕ СОВЕЩАНИЕ

На следующий день, на пять часов утра, было назначено совещание участников похода в падь Золотую.

Но ребята проспали. Сияющее солнышко уже высоко стояло над Монгоном; нежась под ласковым теплом, земля дышала легким паром; уже босоногая детвора поспешила на речку, когда три человека один за другим появились около штаба.

— По огородам шли? — шепотом спросил Женя,

— Ага.

— Никто не видел?

— Меня видели... — тоже шепотом ответил Паша.

— Кто? — встревожился Женя.

— Дедушка.

— Дедушка не беда, — успокоился Женя. — Он ничего не спросил?

— Спросил: «Куда, говорит, Паша, так рано спешишь?» А я ответил: «Утром, говорю, воздух очень полезный, и спешу я воздухом подышать, тренируюсь». Тебя, Борька, тоже дедушка видел?

— Видел, — ответил Боря.

— И тоже спросил, куда идешь?

— Спросил.

— А ты что ответили

— На рыбалку.

— На рыбалку? Эх ты, Борька! Без удочек на рыбалку. Что ты за человек? Сказал бы тоже про воздух — и всё.

— Не подумал я про воздух! — вздохнул Боря.

— Хватит тебе, Пашка, — сказал Женя. — Дедушка, хоть и узнает, никому не скажет. Я бы тоже про воздух не подумал... А Федьку, ребята, сегодня или вчера видели? Ты, Паша, рядом живешь.

— Нет. Куда-то делся. Из дому чуть свет убежал, а удочки на крыше.

— И Альку не видели?

— Алька дома.

— Где же Федька?...

Над исчезновением Феди Женя задумался еще вчера. Подозрительными казались и утверждения испуганного Ваньки «клянет — не ловится», что в штабе сама собой открылась и закрылась дверь. Похоже на проделки Федора. Не был ли он вчера в штабе? Не следит ли за ними?

— Остерегайтесь, ребята, его: он все Альке передаст... — предупредил Женя. — Что-то Наташа задержалась...

— Ты, Женя, тоже хорош! — укорил Паша. — Все, что я вчера говорил, Наташе передал. Да еще письмо написал.

— Какое письмо? Что ты мелешь?

— Обыкновенное.

— Ничего, Пашка, не понимаю! — рассердился Женя. — Говори толком!

— Даже рассказывать неинтересно. — Паша поморщился. — Бегу вечером по улице, смотрю — Наташа на голубятне палкой машет. Спрыгнула с голубятни — и ко мне! Только заметил я, что она по-особому идет: руки вот так — на грудь, глаза сузила и смотрит как-то... Точь-в-точь, как тогда, когда меня с Федькой отмузила. — Паша рассказывал, оживленно жестикулируя руками. — Подошла и бумажку прямо мне в нос. Я не понимаю, в чем дело, а она кричит: «Читай!» А в бумажке написано: «Наташа, в Золотую падь ребята тебя не возьмут. Пашка про тебя говорит, что...» Ну, и так далее. Я только молчу и отступаю. Размахнуться-то ей ведь недолго. Погрозила она кулаком и посулила: «Завтра я при ребятах с тобой поговорю...» А ты, Женька, отпираешься.

— Не я писал, Пашка!

— А кто? Борька, что ли? Нас трое было, больше никого.

— Трое, как же!

Несомненно, записка была делом рук Федора. Всем была известна его привязанность к Наташе, возникшая, как ни странно, после драки, в которой Федя был побежден. Он вполне мог обидеться за нее. Значит, Федор следит за ними, был вчера в штабе (где он ухитрился спрятаться?!), подслушивал разговор, узнал о пади Золотой, о дневнике, о планах ребят — обо всем. Что будет? Что сделает Федька?

Федька был чудесным другом. Но на что способен он как враг? Неужели обо всем

расскажет Алику?

«А если помириться? Наташа права: стоит только сказать Федору, и он будет с нами... Нет. Ведь я ни в чем не виноват перед Федором! Пусть он первый...»

— Вот и Наташа! Что так долго? Мы уж думали, случилось что, — ласковым голосом проговорил Паша, увидев девочку, неожиданно появившуюся в окне.

Спрыгнув с подоконника и прищулив глаза, скрестив на груди руки, она неторопливо пошла прямо на Пашу. Тот сразу почувствовал неладное и стал пятиться, пока не уперся в стену.

— А вот интересно, Наташа, — беспечно заговорил он, измеряя, впрочем, сокращающееся расстояние, — почему скелет мамонта часто находят так: нога в одном месте, а голова в другом? Я вчера прочитал и удивился. У ящерицы можно оторвать кусок хвоста, и она дальше побежит, потом даже новый хвост вырастет у нее. Но как же мамонт где-то свою ногу оставил? Не думала, Наташа?

Девочка в ответ презрительно сжала губы.

— Вчера я еще об одном думал, — благодушно улыбаясь, продолжал Паша. — Знаешь, о чем? Почему девчонки редко дерутся? Наверное, потому, что девчонкам стыдно драться. Они поспорят, и всё.

Наташа тряхнула косичками.

— Ти-ти-ти!.. — передразнила она тоненький голосок Паши. — О стыде заговорил! А тебе не стыдно? Значит, я устану быстрее тебя? И свистеть, говоришь, не умею? Вот ка-ак свистну! Попробуй проголосуй сейчас против меня. Увидишь, какое «стыдно» получится. Мышей я боюсь, а тебя пока нет. Понял? Ну, голосуй!

Паша поднял сразу обе руки.

— Никто даже не посмеялся над поражением Паши. Это не было позорным поражением. Наташа не входила в разряд обыкновенных девчонок. Она гоняла голубей, играла в бабки и даже в городки, ходила на рыбалку, умела свистеть в два пальца (такое искусство, как известно, дается даже не каждому мальчишке), изредка умела и драться. Все очень хорошо помнят бой, о котором мы расскажем потом.

Нет, ребята не улыбались. Зато неожиданно расхохоталась сама Наташа.

— Ну и потешный ты, Пашка! Хитрюга! — приговаривала она. — Какого-то мамонта выдумал!.. — Потом протянула руку и сказала серьезно: — Мир!

— Мир! — тоже серьезно, с достоинством подавая свою руку, ответил Паша.

Женя открыл совещание.

— Вот что, ребята, — начал он. — Тут так получается, что о пади Золотой, наверное, уже узнал Алька... Кто тебе, Наташа, записку передал? Федька?

Наташа не могла ответить наверное. Феда она не видела, а записку нашла приколотой к голубятне. Тут все сомнения у ребят исчезли. Голубятню сторожил цепник, и подойти к ней мог только Федор.

Если бы не был замешан Алик, ребята не так бы встревожились. Опасаясь, что их могут снова подслушать, они обошли кругом домика. Женя оглядел все внутри штаба, но ничего подозрительного не заметил. Потайной ход был закрыт, шнур, от него спрятан. Так же беспорядочно наклонены сигнальные рычаги, та же пыль на столе. Еще раз осмотрели все закоулки.

— Павел, встань у окна! Борис — у дверей! Смотрите, чтобы ни один человек не подошел к штабу! — приказал Женя.

Приказание было выполнено мгновенно. Даже Боря раскачался быстрее обычного.

Женя снял пилотку и поправил галстук.

— Начнем, ребята... Паша, ты разузнал дорогу на хребет, к поляне с фонтаном? Говори да поглядывай в окно. Следи.

— Узнал. На гору подняться — хребет видать; там даже летом снег. Кажется, что близко, а на самом деле далеко. Дедушка мне план начертил. От шоссе надо свернуть на тропу, идти все время по ней. Пять падей перейти — и будет хребет. Тропа до поляны идет. А дальше уже ни тропы, ни дороги нет. Дальше — одна дремучая тайга.

— Дальше по «Описанию» партизан пойдем. Главное — «Описание» это разыскать. Ты не

спросил: может, на хребте еще такие поляны есть?

— Конечно, спросил. Поляны еще есть, но с фонтаном только одна. На ней, значит, партизаны и закопали «Описание».

— А ты спрашивал-то как? Дедушка ни о чем не догадался?

— Ну еще бы! Правильно спрашивал. Два часа говорил. Говорю-говорю, сначала совсем про другое, а потом незаметно и про поляну вставляю. Я бы незаметнее, не про все в один день спросил, да пришлось торопиться, потому что дедушка в какой-то город ехать собирается.

— В город? — заинтересовался Женя. — В какой город?

— Не знаю. Я тоже удивился, а он ответил: «Нужно, герой, съездить». Помните, его в Крым посылали, на курорт, он и то не поехал. Отпуск проводит всегда в лесу. А сейчас почему-то решил ехать.

— Интересно... Давай, Паша, чертеж, посмотрим. Все склонились над листом бумаги. Прежде всего бросалась в глаза толстая стрела с написанными у концов словами: «север», «юг». Затем выделялась жирным шрифтом пунктирная линия. Паша объяснил, что так отмечена тропа, по которой надо идти. Голубые извилистые линии означали речушки.

Большую часть чертежа заполняли крохотные деревья, нарисованные несколькими штрихами. Чем дальше к северу, тем гуще стояли они. Видимо, там начинался знаменитый хребет, знаменитая черная тайга, о которой ребята часто слыхали от бывалых людей. Наконец, в самой гуще леса тонкой линией был обведен небольшой круг с нарисованным в нем крохотным фонтаном. Пунктирная линия тропы упиралась в фонтан и обрывалась.

С трудом подавляя волнение, изучали ребята чертеж. Ведь это был первый ключ к открытию тайны далекой пади Золотой.

Внезапно что-то стукнуло. Вслед за этим все услышали крик и плач.

Женя первый стремглав выскочил на улицу. От шаба, плача, ругаясь и держась рукой за спину, улепетывал Сережка.

— Плохо мы, ребята, караулили! Мальчишка к самому шабу подошел, а мы и не видели. Так мог и Федька подобраться...

— Чего же он орет?

— Испугался кого, что ли?

А Сережка, отбежав, обернулся к шабу и, все еще держась одной рукой за спину, другой ожесточенно замахал над головой:

— Попадется мне! Подойти к вам нельзя? Камнями бросаются! Попадется!

Ребята недоуменно переглянулись, огляделись. Кому он грозит?

— Кто тебя, Сережка? — участливо спросил Паша.

Но этот невинный вопрос Сережку точно ужалил.

— Еще спрашивают! Сами кидаются да еще спрашивают! — пуще прежнего закричал он. — Расселись в своем шабе, камнями кидаются да еще спрашивают!

Это было уж совсем странно. Вблизи шаба, кроме них и Сережки, никого.

— Еще спрашивают!.. — кричал Сережка.

— Ребята, может, это в него метеор ударил... — вдохновенно начал Паша.

Но Женя его резко оборвал:

— Не глупи! Какой еще метеор? Конечно, кто-то в него бросил.

Нахмуренный, сопровождаемый ребятами, он опять обошел кругом шаба, не пропустил ни одной доски и бугорка, заглянул на чердак. Нет никого. Что такое творится? Кто ударил Сережку?

В шабе Женя подозрительно посмотрел на дощатую переборку, скрывающую его потайную каморку. Во времена тимуровцев ее не было. Доски Женя прибил позднее самыми большими гвоздями. Открыть ее можно, только дернув шнур. Нет, даже Федька не мог ее отыскать.

— Продолжаем совещание, — проговорил Женя. — Наверное. Сережка во сне камень увидел... Только смотрите, ребята, лучше. Помните, как Федька караулил?.. Подсчитал, Боря, сколько продуктов надо?

— Так.. Что тут? Хлеба сорок килограммов! Куда так много?

— По полкилограмма в день на человека, нас четверо.

— Ну и неверно у тебя! Вчера подсчитывали: туда и обратно идти десять дней, значит, на одного человека надо по пять килограммов. А ты по десять!

— В запас! — буркнул Боря.

— В какой запас?

— В запас. Дедушка говорит — идешь в тайгу на день, бери продуктов на два.

— Верно. Я и забыл. Ох, много продуктов надо!.. А почему, Боря, у тебя одно пшено, а ни рису, ни манной крупы нет?

— Пшенная — самая выгодная, — ответил Боря подумав. — Дешевая, разваривается хорошо. И много не съешь. Она вкусная, но не так уж сильно вкусная, чтоб много съесть.

— Понятно! — присвистнул Паша. — Ты не завхоз, а скупердай. Чем хочешь в походе нас кормить? «Вкусная, да не так уж сильно вкусная». Пока золото да уголь найдем, ты нас голодом заморишь!.. Конфеты есть?

— Сахар выгоднее, — добродушно ответил Боря и вдруг подозрительно покосился на Пашу, почувствовав в его словах что-то неладное.

— Переписать, — рассердился Паша, — всё переписать! Самая питательная пища нужна. Все путешественники даже шоколад с собой берут. На твоей пшенной каше даже на маленький ледник не поднимешься!

— Ти-ти-ти! — передразнила его Наташа. — Шоколад, какао, рис! Ты, Паша, как из детсада. Деньги-то у тебя на шоколад есть?

Когда ребята подсчитали свои сбережения, оказалось, что денег у них всего пятнадцать рублей семнадцать копеек. Были, правда, запасы продуктов, но такие незначительные, что их и считать нечего. Только соли и спичек оказалось достаточно. Соли десять килограммов, а спичек четыре коробки.

— Вот тебе и конфеты! На хлеб не хватит, — почесал затылок Боря.

— Были бы у нас ружья, настреляли бы дичи...

— Где их взять, ружья?

— Ну, Пашка, где твои деньги? — спросил Боря. — Болтаешь, болтаешь!..

— Деньги достанем! — уверенно сказал Паша. — Ты зря придираешься.

— Где достанем?

Паша не успел ответить.

— Зачем камнями кидаетесь? — раздалось на улице. Ребята застыли на месте. Минута — и опять:

— А вот я маме скажу. Я не мешаю вам в своем штабе сидеть, и не кидайтесь...

Не успели ребята прийти в себя, как в потайной камерке что-то загремело. Секретная доска, с силой отброшенная, грохнув, упала на пол, и перед ребятами предстал... Федя!

Глава VI ФЕДЮ ПРИНИМАЮТ В ЭКСПЕДИЦИЮ

Трудно описать изумление ребят при появлении знаменитого разведчика. Кто испуганно ойкнул, кто от неожиданности присел, кто раскрыл рот, да так и остался.

А Федя, не задерживаясь в потайной камерке ни секунды, на ходу засучивая рукава, подлетел к Боре и — раз! — дал ему по затылку, к Паше — раз! — и отвесил ему.

— Часовые!.. — в свирепом шепоте задохнулся Федя. — Поставили вас караулить! А вы что, ворон ловите? Сережку прозевали, а Нюрку и совсем подпустили. За такую работу!.. Был бы мне в оконце прицел хороший — то сидите, заседайте! В Сережку этого я сразу попал и Нюрку давно увидел, но прицелиться никак нельзя. Подпустили к самым дверям — она все слыхала, всем разболтает! Часовые! Тьфу...

— Может, не слыхала? — Остроносенькое лицо Паши даже побледнело.

Но с улицы донеслось:

— А я сейчас пойду и маме скажу, что какое-то золото хотите искать.

— Вот! — ожесточенно махнул рукой Федя. — У-у... вороны!..

— Что делать?

— Разболтает... Разболтает!..

— Уходит! Уже уходит!..

Паша в волнении облизнул губы, подошел к окну и уселся на подоконнике.

— Эй, Нюрка! — обычным голосом позвал он. — Наябедничаешь ты сейчас матери, мать тебя и спросит: «Какое такое золото?» А ты что ответишь?

Девочка, сделавшая несколько шагов от штаба, остановилась.

— А я отвечу... — начала она и задумалась.

— Вот видишь, — мягко укорил Паша. — Не знаешь, а пошла говорить. Золото — это гриб такой.

— Гриб? — недоверчиво протянула девочка. — Не-ет. Золото блестящее, пуговицы золотые...

— Эх, ты! А на елке какие грибы вешают? Не золотые?

— А они в лесу не растут. Их в магазине покупают.

— Конечно, в магазине. А растут они в лесу. Орехи, ягоды, грибы — все это растет в лесу, а потом их в магазин. Может, ты думаешь, что мячики резиновые не растут в лесу? И они растут. Такое растение есть: каучуковое. Из него и делают мячики. Эх, Нюрка! А платье твое, думаешь, не растет? Растет. Только уж не в лесу, а в поле. Пока платье не сошьют, оно хлопком называется. Еще чуть не забыл сказать, что «золото» — неправильное слово. Правильно оно называется «затмение». Так часто бывает. Конь и лошадь — слова разные, а они одно и то же. Только запомни, что затмения разные бывают: солнечные и лунные. А знаешь ты, Нюрка, что солнце — это звезда, а звезда — это солнце?

— Хватит... — шепнул Женя.

— Как сейчас матери скажешь? — спросил Паша.

— Звезда... затмение... гриб... — растерянно пролепетала девочка.

— Правильно. Ну, а сейчас иди. Иди, иди, чего рот разинула? Побеседовали — и хватит.

Когда девочка, пятясь, отошла от штаба, взгляды ребят остановились на Феде. Надвинув картуз на глаза, он смотрел под ноги. Но вот разведчик сдвинул картуз на затылок и решительно повернулся к Жене, вызывающе выставив ногу вперед.

Минуту они стояли молча, два старых друга, теперешние враги.

— Зачем в штаб пришел? — сухо спросил Женя.

— На совещание. В пять ноль-ноль. Пришел без опоздания, — не моргнув глазом, ответил Федя. — А вы все опоздали...

— На какое совещание?

— На совещание экспедиции в падь Золотую.

— Кто ему сказал? — рассердился Женя.

Паша и Боря отрицательно замотали головами. Они были поражены не менее Жени.

— Никто не говорил. Не спрашивай, — спокойно сказал Федя. — Я сам все знаю.

— Что ты знаешь?

— Всё. Из Японии партизаны послали письмо. — И Федя подробно, ни разу не сбившись, рассказал о всех вчерашних событиях. — Вы меня изменником назвали и в поход решили не брать... — Тут голос Феде вдруг дрогнул. — Не изменник я! Плохим я тимуровцем был? Изменял? — обратился Федя к ребятам.

— Хорошим. Не изменял, — не задумываясь, ответили Паша и Боря.

— Ну вот! — закончил Федя. — Я с вами пойду Золотую падь искать. — Он повернул фуражку козырьком на затылок и с независимым видом посмотрел на ребят.

— Почему от Альки ушел? — спросил наконец Женя.

— Ушел — и всё. — Федя презрительно плюнул.

— Не плюй в штабе, — сказал Женя. — Ты хорошим тимуровцем был, это верно. А почему сейчас штаб разрушаешь? Почему фонарь разбил, провода порвал? Почему с Алькой подружил? Опять к нему вернешься, если что у нас случится? Нам таких перебежчиков не надо.

— Женя! — воскликнула Наташа.

Паша и Боря подались к Жене, но он остановил их.

— Изменников не надо! — твердо повторил он.

Федя опустил голову.

— Хорошо ты для Альки старался, — продолжал Женя. — Мой потайник открыл, вчера

весь день разведывал, все узнал. Иди к своему Альке! Хотя вы и знаете про Золотую падь — все равно не боимся вас, все равно мы ее найдем. А ты... ты перебежчик!

— Скучно мне было, Женя, — тихо заговорил Федя. — Подбегу к штабу, вспомню, как мы работали... Хорошо, думаешь, вспоминать? Зимой хоть пионерские сборы были, песни разучивали, и то веселее было. А сейчас ничего нет... И еще Володя ногу сломал. Если не заживет нога, не будет больше вожатым... Делать нечего. Злой стал и... ушел к Альке. — Он замолчал, но вдруг глаза его блеснули, голос окреп. — Ты, Женька, виноват, что скучно! Ты! Почему не думаешь, чтобы летом в пионерском отряде интересно было? На нашу вожатую сильно не надейся. Она только следит, чтобы галстуки носили да доклады читает, и больше ничего. Почему тимуровцев не стало? Тимур придумывал работу, а ты почему не можешь? Ты только по готовенькому шел, по готовенькому — легко. Вычитал из книги, и всё! Наверное, тоже скучаешь да ждешь, чтобы опять Тимур придумал. А ты снова вожаком будешь? Легко и хорошо!

Паша с Борей молчали, но было видно, что они согласны с Федей.

Никто никогда так не говорил с Женей. Он сжал кулаки, но через мгновение руки его опустились. Он заговорил тихо, с трудом.

— Я не отпираюсь, что тоже виноват. Эх, Федька! Что я сделаю, если ничего придумать не могу? — начал было Женя.

— Плохо думал! — безжалостно отрезал Федя. — Кончилась война, вернулись фронтовики, и сразу ты все забыл, забросил. Кто вожак?

— Хорошо думать — так всегда придумать можно, — поддержал Паша.

— Можно! — веско сказал и Боря.

Рядом с Женей вдруг оказалась Наташа.

— Что вы все на одного?! — возмущенно заговорила она. — стыдно все на Женю сваливать! А разве ты не виноват? А я не виновата? Нигде тимуровцев уже нет... стыдно — на одного!

Но Женя остановил ее;

— Не надо, Наташа...

В штабе стало тихо. Друг против друга стояли — стройный, аккуратно одетый рыжеголовый мальчик и маленький ершистый человек со сдвинутым на затылок картузом, с выставленной вперед ногой. Молчание затянулось. И все вспомнили, что никогда и ни перед кем Женя не уступал, когда-то сам был вожаком монгонских забияк. Замерев, ребята ждали взрыва. Но этого не случилось.

— Я подумаю, Федя, — взглянув ему прямо в глаза, проговорил Женя. — Наверное... я виноват.

Ребята задвигались, закашляли.

— И я виноват... что с Алькой! — вдруг, глубоко вздохнув, ответил Федя.

— Пойдешь падь Золотую искать? — уже запросто спросил Женя.

— Я и пришел... — тоже просто ответил Федя.

— Тогда становись часовым. У Пашки с Борькой ничего не получается... А может, ко мне домой пойдем? Тут мешают.

— Не помешают... — доставая из картуза рогатку, проговорил Федя. Но тут новая мысль явилась ему. — Сейчас, Женя, подожди, — сказал Федя и выскочил за дверь.

Раздался пронзительный переливчатый свист.

— Собак зовет! — сразу поняли ребята.

Второй свист. Третий... Послышались крики разбегающихся купальщиков, потом отдельные взвизгивания. Секунда — и двор заполнился собаками.

Что тут творилось! Прыгают, визжат, задираются, лают, огрызаются. Маленькие и шустрые, как юла, большие и степенные, вислоухие, остроухие, лохматые, гладкие, черные, пестрые, рыжие...

Ребята, высунувшись из окна, не слышали один другого и только возбужденно махали руками и смеялись.

Со двора донесся повелительный голос:

— Трезор, сюда!.. Беглянка, куш здесь!..

Наконец вошел Федя. Он сел на порог и поправил картуз.

Глава VII ПРОДОЛЖЕНИЕ СОВЕЩАНИЯ

«Еще совещание!.. — морщится нетерпеливый читатель. — Когда же наконец в поход? Скоро ли тронемся в падь Золотую?»

Скоро ребята! Честное слово, скоро. Мы и сами торопимся. Хочется быстрее попасть на хребет, на глухую лесную поляну, где над безмолвной зеленью высоко взлетает хрустальная струя воды и, рассыпавшись в воздухе тысячей тяжелых капель, низвергается обратно. Хочется быстрее отыскать бесценный документ — и вперед, до самой пади Золотой, навстречу опасностям, подвигам, неожиданным таежным встречам.

Мы тоже торопимся, ребята. Да вот беда: ничего у нас не готово. Идти ведь не пять километров, не десять, и даже не сто. Партизаны написали в дневнике «триста»! Но кто знает точно? Кто измерил километры по бесконечной, не тронутой топором тайге?

Нет, не подготовившись, выходить нельзя. Придется вернуться к покосившемуся домику на берегу речки Тихой, где заседают наши ребята. К счастью, они уже заканчивают.

— Значит, Паша, деньги достанешь? — начал Женя, продолжая неожиданно прерванное обсуждение финансовых дел.

— Сто рублей достану! — уверенно ответил Паша. — У сестренки. У каждого — сестра, и у каждой — копилка. Вот тебе и деньги!

— Только, брат, смотри, чтобы без обмана!

— Никакого обмана не будет. Все по-честному сделаю.

Наташа с сомнением покачала головой:

— Возьми-ка эти деньги... Такой рёв поднимут! Никто не спорит — копилки у сестренки не пустые. Но попробуй возьми их по-честному...

— Обманет... — сказал Боря. — Сто рублей! Обманет!

— Ты, Борька, молчи, — проговорил Федя. — Ты не достанешь, я не достану, с чем в падь Золотую пойдем? Список вон какой написал — только твоего выгодного пшена десять килограммов. А на что купишь? Можно попросить у родителей вперед на два кино — еще десять рублей. Все равно не хватает столько, что и подумать страшно. Но как их взять, копилки?

— Ну и чудные вы, ребята, — искренно удивился Паша. — Если так просто подойти да взять — наверняка рёв поднимут. Тут нужно убедить. Встать перед сестренкой и сказать: «Брат твой жизнью рисковать будет, здоровья и сил не пожалеет! Неужели ты копилку пожалеешь? Неужели ты, будущая пионерка, против того, чтобы мы открыли много угля и золота? Если ты не понимаешь про уголь, то я тебе скажу, зачем он. Захочешь ты поехать в гости, а паровоз без угля тебя не повезет. Вечером захочешь включить свет, а электростанция без угля не работает. Через два года в школу пойдешь, а в школе без угля холодно будет. А золото? Ого! Из него... — Паша замялся на мгновение. — Золото? Ого! — повторил Паша. — С золотом все сравнивают: черное золото, жидкое золото, не мальчик, а золото».

— А насчет копилки с моей Нюркой, наверное, не получится, — вдруг высказал сомнение Федя. — Начнет свое: «А ты жизнью не рискуй...», «а копилку я тебе не дам...» Придется маленько отмутузить. Тогда, наверное, даст.

— Бить нельзя! — твердо сказал Женя. — Но только по-хорошему и моя Катька копилку не даст...

— Ольга тоже, — сказала Наташа. — Я голубей покупала, еще в прошлом году брала у нее взаймы и никак отдать не могу. Она сейчас и пяти копеек в долг не поверит.

— И Верка не даст! — решил наконец Боря.

— Тогда я их на собрание созову, — сказал Паша. — Конечно, с таким подходом, как у Федьки да у Бориса ничего не получится. Федька, чуть что, сразу подзатыльник даст. А Борька в час по слову говорит: пока второе слово скажет, она первое забудет. И у тебя, Женя, подхода нет. Ты с ними говоришь, как с ровней. Какие они ровня? И так, как ты, Наташа, тоже не

годится. В займы! А где на отдачу брать деньги? Вот отсюда обман получится: возьмешь займы, да не отдашь. Надо по-честному, как я говорил.

Женя задумался. Пашин способ, кажется тоже не очень честный.

— Нельзя, — сказал Женя. — Такой же обман получается.

— Какой обман? — удивился Паша. — Если бы мы для себя эти деньги, на кино или куда, а то для пади Золотой. Для общего дела. Так и убеждать буду. Из-за этих копилочек в падь Золотую не идти?

— Ну хорошо... — не очень уверенно согласился Женя. — Устраивай собрание. Только чтобы все по-честному. Смотри!.. И еще последний вопрос, ребята, самый трудный. Отпустят нас одних на десять дней?

По тому, как ребята переглянулись, как Боря почесал затылок, было видно, что этот вопрос самый серьезный. Молчал и Паша. Один за другим ребята обратили взгляды на него. Оказывается, что Паша не слышал вопроса — он задумался над тем, как всех сестреночек собрать; Нюра была в ссоре с Катькой, а Ольга не дружила с Верой.

— Отпустят! — узнав, в чем дело, весело ответил он. — Я такой план придумал, что не могут не отпустить. Всю ночь, ребята, думал.

— План? — насторожился Боря. — Не буду по плану.

— Не будешь? Почему не будешь?

— Почему? На парашюте по твоему плану прыгнул — колено разбил. На волков яму выкопали, а в нее я упал. Как план, так что-нибудь случается.

— Не спорь, Борька, — сказал Женя. — Раньше послушай... Говори, Пашка, план.

Паша быстро подошел к столу. Его лицо стало серьезным.

— Самый хороший и безопасный план, — начал он. — Должно получиться... Надо провести массово-подготовительную работу. А как? Очень просто. Для этого надо три дня.

— Три дня — много.

— Меньше никак нельзя. Каждый вечер надо брать книги про путешествия и читать вслух дома, отцу и маме. Книжки брать про ребят... Нет, можно и про взрослых. Только читать по-особому: где написано о взрослых, читать, что путешественнику было одиннадцать или двенадцать лет. Это, ребята, не обман. Это переделка для взрослых. Ведь есть книжки, на которых написано: «Переработка для детей». Читать вслух нужно три дня и почаще спрашивать: «Хорошие были ребята? Хорошо они сделали?» Конечно, все ответят: «Замечательные ребята!» Еще бы не хорошие, когда острова, горы и реки, железо и нефть — всё открывают. А в последний вечер и сказать: «Хотим и мы такими же быть! Пойдем золотое и черное золото открывать». Уж тут, брат, нельзя не пустить! А еще надо так. Где написано, что медведь, волк или тигр съел путешественника, читать наоборот: путешественник их...

Почувствовав, что хватил через край, Паша покосился на ребят. Но снова затараторил, усиленно жестикулируя руками:

— Не то что наоборот, ну а так, будто путешественники всех тигров кругом поубивали. Это чтоб успокоить маму. Еще матери всяких болезней пугаются. Чуть что:

«Ай, ой!» Поэтому и про болезни тоже надо наоборот читать. Написано «заболел», читайте: «В путешествии поправился, десять кило прибавил, одной рукой волка задушил». А самое главное: план держать в секрете. Если план раскрывается раньше времени, то его никогда не выполнишь.

Паша скромно улыбался. Что можно было возразить против такого плана?

— Хороший план, — сказал Федя.

— Очень хороший, — согласилась Наташа.

— И веселый, — засмеялся Женя.

Боря, силясь отыскать подвох, думал так, что даже вспотел. Нет, не к чему было придираться.

— Хороший... — безнадежно махнув рукой, вздохнул наконец и он.

— Ну, всё, ребята... Федька, распускай собак. Побежали обедать.

Федя нарочно замешкался и остался в штабе один. Злосчастный разговор с Аликом, когда он проговорился о пади Золотой, не выходил из головы. Он видел, что Женя все бумаги — письмо, дневник партизан и чертеж дороги к поляне с фонтаном — положил в старый сундук, и

задумался. Не сделает ли Алик попытки завладеть этими документами?

Открыть сундук было нелегко. Замок сделал Женя. Нужно было найти на задней стенке три кнопки и нажать их в строго определенной последовательности: сначала среднюю, потом нижнюю и, наконец, верхнюю. Алик этого секрета не знал. Но Федю смущала непрочность конструкции. Если дернуть крышку посильнее, все хитроумно переплетенные проволоочки и крючочки полетят.

«Проболтался, а сказать Жене струсил!» — ругал себя Федя, не зная, что предпринять.

Но скоро он успокоился: «Где ему, Альке! Днем струсит в штаб прийти. А ночью и говорить нечего. Трус!..»

А в это время Женя, спрятав голову в колени, сидел один на полу в своей комнате. Гневные Федины слова: «Ты виноват», всё еще стояли в ушах.

Он не плакал, хотя ему было очень тяжело. Больших трудов стоило ему закончить совещание так, чтобы ребята ничего не заметили.

— Женя, — окликнула его через окно Наташа, — у тебя есть книги про путешествия? У меня хорошей нет.

— Что? — Женя взглянул на нее сухими, блестящими глазами.

— Наверное, за опоздание к обеду попало? — посочувствовала Наташа.

— Нет... — Женя встал. — Я найду, Наташа, работу тимуровцам! — твердо сказал он.

— Вон ты о чем... — протянула Наташа. — Уже и Федька все забыл, а ты...

— Не забыл, никто, Наташа, не забыл. Правду Федька сказал...

Глава VIII ГДЕ АЛИК?

Три дня пролетели, как один. Они были заполнены неожиданными заботами, о которых ребята сначала и не подозревали. Надо было сделать из мешков походные рюкзаки, а для этого нужно было прежде всего достать мешки. Требовались веревки, чтобы привязываться друг к другу при спуске и подъеме на отвесные скалы. Нужно было к ботинкам прибить гвозди — вдруг придется преодолевать ледник? Необходим был острый топор — прорубать дорогу в непроходимых зарослях. Федя нашел на свалке колун. И Боря с Наташей потратили целый день, чтобы наточить его и насадить на топорище. А ножи? Разве можно отправиться в тайгу без ножей? Даже нечем будет шкуру ободрать с медведя.

Необходимо было узнать, какой вид имеет золото. Никто из друзей никогда не видел его. По мнению Паши, «дикое золото» должно походить на камень, заросший мхом. В этом Паша ошибся. Хорошо, что догадались спросить у дедушки, который, к счастью, еще не уехал. Ребята узнали, что золото всегда блестит, даже только что выкопанное из земли, никогда не тускнеет, очень тяжелое — тяжелее свинца — и имеет желтый цвет, такой, как лютик. Теперь ребята уже не боялись, что в пади Золотой не сумеют отличить золото от простого камня. Прозевать залежи антрацита ребята не боялись: с углем все они были знакомы, даже разбирались в сортах.

Наш читатель с нетерпением хочет узнать: неужели ребята так и пойдут в поход безоружными? Да, ружья у них не было. Тут не мог выручить никакой план. Им же едва минуло по двенадцати лет. Самый несчастный возраст, когда разрешается подержать ружье, разрешается даже выстрелить, но под наблюдением отца или деда. Только под наблюдением! Таков закон!

Неужели ребята пойдут безоружными? Нет! Они прекрасно знали, что ожидает их в дремучей тайге. На каждом шагу будут подстерегать волки, медведи, рыси. Что ж, пусть подстерегают. Оружие есть. Предложил его Паша, а сделали Боря и Женя. Это было железное копьё, очень острое и крепкое, насаженное на длинную палку.

Подробно обсудили, как действовать этим оружием. Если нападет медведь и поднимется на задние лапы, нужно копьё быстро подставить к его левому боку, где бьется медвежье сердце, а конец палки быстро упереть в землю. Медведь сам, своей тяжестью, проколет себя и падет у ног бездыханным. Такой способ существовал в старину, и ребята твердо считали, что он не подведет. Но о защите таким способом от волков и рысей известно не было, и тут первенство

принадлежит им. Непонятно, почему раньше никто не додумался? Ведь совсем просто.

Как известно, рысь прыгает на человека с дерева. Она рассчитывает впиться в горло. Но на звериный расчет есть ум человека. Конечно, рысь прыгнет, но не попадет туда, куда метит. Она упадет на копьё и пронзит себя насквозь. Чтобы так получилось, нужно молниеносно отскочить в сторону и так же молниеносно подставить копьё на то место, куда прыгает разъяренный зверь. Конечно, надо все время быть начеку, но, если пошел по тайге, не зевай! Примерно так же можно расправиться и с волком. Самое важное — определить направление его последнего прыжка, и волк тоже повиснет на копьё.

Как же быть, если рысь или волк избегнут копьё, неожиданно навалются на человека и широко раскроют пасть, чтобы укусить? Для такого случая тоже был изобретен верный способ защиты. Следовало быстро сунуть в пасть разъяренному зверю руку с зажатым в кулаке железным зубом от грабель, заостренным с обоих концов. Зверь захлопнет пасть, но совсем закрыть ее не сможет, так и останется с разинутой; железный зуб вопьется ему в нёбо и язык, а руку в это время надо мгновенно вытащить.

Четыре железных зуба от старых грабель ребята усердно обтачивали с обоих концов.

Честь обороняться от зверей такими простыми и надежными способами досталась, по Пашиному плану, Боре. Боря был самый спокойный и сильный. Сила требовалась для того, чтобы выдержать тяжесть прыгнувшего на копьё зверя, а спокойствие — чтобы точно вставить в пасть острую железку. Боря подозрительно посмотрел на Пашу, почесал затылок и завздыхал. Но через минуту он повеселел. Женя и Федя категорически отвергли такой план. Очень будет интересно, если Боря один поубивает всех зверей. Решили, что с копьём пойдут по очереди все, а железным зубом будет вооружен каждый.

Немало хлопот причинили голуби. Федя рассказал, что Алик хотел взять голубя для связи. Хотя эта мысль исходила от недруга, она понравилась. Можно послать телеграмму из Золотой пади! И, вообще, можно в любое время сообщить о себе домой — несчастья случаются с самыми опытными путешественниками. Вдруг где-нибудь в ущелье обвалом завалит выходы со всех сторон...

Наташе поручили тренировку голубей. Но турманы испытания не выдержали. После одной из тренировок один из них не вернулся совсем, а второй прилетел через сутки с помятыми перьями. Только почтовик работал отлично. Решили взять его.

Много еще других забот появилось у ребят. К счастью, Паша выполнил обещание и на второй день принес деньги. У сестренки в копилках оказалась огромная сумма — шестьдесят три рубля. Правда, пришлось привлечь и несколько их подружек... На эти деньги ребята могли достать самое необходимое.

Только дважды за три дня горячая работа была нарушена. В первый раз наблюдатель сообщил, что к штабу приближается делегация. Члены делегации держались за руки, у некоторых в волосах были банты. Короче говоря, это были сестренки. Женя вышел, чтобы пугнуть их подальше, — никто пока не должен был знать, что делалось в штабе. Но из нападающего Женя превратился в отступающего. Девочки, крича в один голос, дружно надвигались на него. Женя вбежал обратно, зажимая уши.

— Пашка! — крикнул он сердито. — Ты обманул девчонок?

Паша понял, в чем дело, отложил недошитые ножны и с любопытством спросил:

— А что они говорят?

— Обманул, говорят! Обратно копилки требуют. А как мы отдадим? Ни одной копейки не осталось.

— Попался! — с торжеством в голосе сказал Боря. — Говорил я, что обманет он!

— Обману-ул?.. — помрачнел Паша. — Впускай их сюда. Все по-честному сделал, не обманывал я! Сейчас я им докажу.

— Долго, наверное, будешь доказывать? — высказал опасение Женя.

— Час придется говорить, — сознался Паша.

— Час? А каждая минута дорога!.. — Женя поерошил стриженные волосы. — Угораздило нас с девчонками связываться. Столько работы, а тут с ними возись!..

Федя открыл двери, и делегаты наполнили штаб криком. Пока гостей усаживали и успокаивали, Паша взирал на них с самым презрительным видом.

— Как я вас обманул? Рассказывайте, бессовестные лгунишки! — сурово сказал он, когда порядок был водворен.

— Обманул! Давай копилки! Маме скажем!.. — заголосили все сразу.

— Тише! Не видите, где находитесь? В бывшем штабе! Когда-то с вами здесь водились, как с добрыми. Рассказывайте, как было.

Девочки опять дружно закричали.

— Федька, встань сзади и, чуть которая заорет, ту и выводил вон. Не очень больно, но чтобы почувствовала.

Паша был очень рассержен. Он вышел на середину комнаты и начал свою знаменитую речь:

— Сейчас я буду рассказывать. Вы слушайте. Врать начну — тогда руку поднимите. Тебя, Нюрка, я первую встретил. Что я сказал? «Собери всех девочек, пусть придут с копилками. Выставку устроим. И у кого самая красивая, той премию выдадим». Говорил так тебе?

— Говорил...

— А потом что? Прибежали вы с копилками и чуть не поссорились. Кричит каждая: «Моя красивее!», «Нет, моя!» Я вас призвал к порядку. Было так?

— Было...

— Потом стал вас убеждать...

— А ты сначала двери на крючок закрыл! — возразила Нюра.

— Правильно, закрыл... Не трогай ее, Федька, — хоть она руку не подняла, а верно сказала... Закрыл потому, что вы хотели убежать. Сначала совсем несознательными были. Убеждал вас час, а вы что?

— А мы не отдали.

— Верно. Не отдали. И тогда я сказал: «Мы, ваши старшие братья, все равно пойдем в тайгу за углем и золотом. Но денег на продукты у нас нет — и мы умрем с голоду. Денег на оружие нет — и нас съедят дикие звери. А вы, жаднюги, останетесь без братьев, потому что пожалели отдать свои копилки на общее пионерское дело. Прощайте! — сказал я. — Больше нас не увидите!» Тут Нюрка первая заплакала и отдала копилку. А за ней все. Так было?

— Было.

— Так почему вы сочиняете, что я обманул вас? Только прикрикнул, чтобы ревели потише, а то взрослые услышат.

— Когда-то Паша с вами больше всех возился, сказки рассказывал, носы вам вытирал, а вы вон что на него сочинили! — строго сказал Женя.

— По-честному все Паша сделал, — поддержала Наташа.

— А обещал премию дать за самую красивую копилку и не дал... Обманул... — неуверенно возразила Нюра.

— Обещал, — согласился Паша. — И тут, ребята, я по-честному сделал. Я сказал: «У всех копилки красивые. Всем премию присуждаю. С пади Золотой каждой принесем по кусочку золота».

— Вот, Женя, полюбуйся! — возмущенно сказал Федя. — Раньше срока премию просят! Разве у таких людей совесть есть?

— Павел невиновен! — провозгласил Женя.

Девочки, пристыженные, тихонько вышли из помещения штаба.

В эти же дни произошел и тот случай, который был будто незаметным, но потом вызвал большие последствия.

К купальне, что была против штаба, пришел Алик. Никто не обратил на него внимания, кроме Феи. Он увидел его впервые после ссоры и сразу насторожился. От Феи не укрылось, что Алик, раздеваясь и плавая, все время смотрел на штаб.

Беззаботно насвистывая и незаметно наблюдая за недругом, Федя пошел по берегу. Несомненно, Алик явился сюда не просто купаться. Федя это понимал. Не такой Алик был человек, чтобы, зная тайну ребят, чего-нибудь да не сотворить.

Но разведчика озадачило, что Алик, заметив его, первым направился навстречу.

— Ну? — проговорил Федя, сдвинув на затылок картуз и измеряя противника вызывающим взглядом.

Алик молча чертил носком тапочки на песке. Федя сделал шаг вперед.

— Ну? — повторил он.

— Федька, — тихо сказал Алик, — возьмите меня с собой.

Он посмотрел на Федю. Глаза у него были просящие и грустные.

— Возьмите меня, Федька, — повторил Алик, — скучно мне... Я, Федька, не говорил маме, что ты меня побил. И про падь Золотую никому не сказал. Возьмите!

Феде вдруг стало жаль Алика. Как ему в самом деле должно быть скучно! Даже купаться и то он редко приходит один, а то все под надзором матери.

— Я ружье возьму, — торопливо продолжал Алик. — У меня патронов заряженных много. Я их все вам отдам, себе ни одного не оставлю. Рулетку, жилые лески — всё отдам. Федь, а Федь... Возьмите!

Неизвестно, чем бы окончился разговор, но тут послышался строгий голос:

— Алик, иди, мой мальчик, ко мне!

— Мама! — Алик заторопился к молодой, красивой женщине.

Она стояла невдалеке, закрываясь зонтиком от солнца.

— Это кто, товарищ твой? Это он, кажется, с собаками бегают?.. — Женщина, сощурившись, брезгливо посмотрела на Федю.

— Да нет, мама... Это так... малознакомый, — зашептал Алик, косясь на Федю.

Женщина вполголоса поговорила с Аликом и пошла так, будто на нее смотрят и ею любуются тысячи людей, хотя никто, кроме ребят, ее не видел.

— Алька! — позвал Федя. — Идем к ребятам, попросишься — может, возьмут. Только бы Женя принял.

— Мама, разреши мне поиграть... — зашептал Алик, догнав мать.

— Нет, иди домой! — не оборачиваясь, строго ответила женщина. — Еще искусают уличные собаки, бешенством заболеешь. Нашел товарищей! Заразишься...

Алик с убитым видом смотрел ей вслед.

— Пойдем, Алька! — крикнул Федя. Он не слышал слов его матери.

Алик решительно шагнул к нему.

— Через полчаса мы едем. Поедем с папой в бор, — еще раз напомнила мать. — Не понимаю, какой интерес ты находишь тут?.. — Сощурившись, она еще раз окинула взглядом фигурку Феде. — Когда ты научишься находить себе приличных товарищей?..

Федя, услышав это, побагровел, наклонил голову, как бычок, выдвинул ногу вперед, сжал кулаки.

Алик обернулся к Феде и, увидев его в такой позиции, тоже застыл. Сейчас его лицо стало таким же надменным и вызывающим, как у матери.

— Эй ты, собачник! Не хотел со мной Золотую падь открыть, так сейчас берегись! — дерзко сказал он.

— Что?! — Федя от неожиданности даже растерялся.

— Ничего, вспомнишь меня! Все вспомните!

— А, ты так!.. — бросился за ним Федя.

— Найдете вы падь Золотую! Фигу найдете! — убегая за матерью, кричал Алик.

Федя никому не рассказал и про этот случай. Откровенно говоря, ему было стыдно даже перед собой за то, что дважды так глупо попался на удочку. Больше никогда он не поверит Альке.

После этой встречи Федя еще более зорко наблюдал за штабом. Когда приходилось отлучаться надолго, укладывал у двери и окна самых злых собак. Но Алик больше не появлялся. Он не выходил даже на улицу. Федя успокоился.

Несмотря на заботы, неудачи и неполадки, ребята каждое утро встречались всё более радостными и возбужденными. Пашин план казался чудесным и обещал полную победу над родителями.

Федя побагровел, выдвинул ногу вперед, сжал кулаки.

Прошел третий, решающий день. Уже миновал условленный час, уже солнце низко опустилось над Монгоном. Голодный, сердитый, в сбившейся шапчонке и, как всегда, без единой рыбки уходил от речки Ванька «клюет — не ловится». Только тогда к штабу подошел Женя. Следом явились остальные и, не глядя друг на друга, молча расселись.

— Ну, — начал Женя, — открываем совещание. Чье первое слово?

— Борькино, — сказал Паша.

— Почему? — Боря подозрительно посмотрел на приятеля.

— Всегда ты спрашиваешь «почему»! Кто самый сильный? Ты. А силачи — самые храбрые. Они всегда впереди всех.

Боря встал. Видно было, что ребятам не до веселья, но Наташа чуть не прыснула: так тяжело вздыхал Боря.

— Неужели, Боря, опять из-за плана что случилось? — сочувственно спросил Женя.

— Случилось...

— Ну, Борька, что могло случиться? Ни прыгать, ничего не надо было.

— Толстым дурнем назвали...

— Ого-го! Да как получилось?

— Как!.. Верушка мои ботинки с гвоздями, на которых с ледника спускаться, обула. Шагнула, а гвозди крепко в пол впились. Ботинки дальше не пошли, а Верка пошла. Ну и упала, кровь из носа побежала. Тут мне и сказали... Не буду больше по плану!

Боря с самым несчастным видом уселся.

— Давай-ка, Пашка, говори ты, — сказал Женя.

— Я могу подождать, — возразил Паша. — Я не тороплюсь, могу после всех.

— Говори, говори! — наступали ребята.

— Хороший был план, — сказал Паша. — Только я сам ошибся. Стал я книгу читать. Сначала все правильно делал. Годы изменял, про болезни не читал, все страшное выбрасывал. Так хорошо читал, что папа даже головой покачивал, хмыкал. Но в одном ошибся: в книге начальника экспедиции звали Николаем Яковлевичем, а я читаю везде «Николай Яковлевич» да «Николай Яковлевич». Как я его на Колю не изменил! Какое-то затмение в голове получилось. Кончил и говорю: «Так и так, пойдем и мы золото и уголь открывать». Мама, та сразу: «В тайгу? Одни? На десять дней?!» Одним словом, испугалась. А чего испугалась, не понимаю: ничего страшного не читал. Я к папе. «Нет, — говорит, — одних не пущу. Со взрослым — пожалуйста, а одних нет». Я ему доказывать: «Ты же слышал, как ребята одни открывали, и ничего плохого не случилось». — «Слышать-то слышал, — ответил папа, — да что-то, кажется, там ребята особые были». — «Ничего не особые!» — я говорю. «Как же не особые? Даже писатель называет парнишку Николаем Яковлевичем, а вот тебя я, хоть убей, Павлом Петровичем не назову». Сказал так папа и сам смеется. А мне какой смех! «Вот, — думаю, — где причина!»

— В общем, не отпустили?

— Не отпустили! — Паша удивленно развел руками.

— А тебя, Наташа?

— Отпустят, как же! — тряхнула косичками Наташа. Федя на вопрос только махнул рукой, так что без слов было все понятно.

— Почему взрослые всё делают для Родины, даже героически погибают, а нам ничего не разрешают? — задумчиво произнес Женя.

— Разве мы для себя хотим найти падь Золотую? — в тон ему сказал Паша.

— Уйдем без спроса — и всё! — сердито бросил Федя. — Потом весь Монгон нам спасибо скажет.

— Скажут... ремнем! — поднялась Наташа. — Тоже придумал: «Без спроса»! Что мы, разве не пионеры?

— Что делать? — прогудел Боря и насупился.

— Эх, если бы кто из взрослых с нами пошел! Наверняка отпустили бы нас. Только некому. Володя заболел... — задумчиво проговорила Наташа. — Отдай, Женя, письмо и дневник взрослым. Пусть они сами идут и ищут падь Золотую. Раз так... раз несправедливо...

— Не отдам! — вдруг крикнул Женя так громко, что все вздрогнули. — Партизаны нам письмо написали. Нас просят. Мы и должны идти! А мы что? Думать надо. Ребята! Наташа!.. — Нахмутив светлые брови, Женя ерошил волосы.

Ребята молчали, печально уставившись глазами кто в угол, кто в потолок.

— Придумаем, ребята! Все равно, придумаем! — нетерпеливо повторил Женя.

Невдалеке за огородами прогремел выстрел, и через секунду — второй. Федя подскочил к окну.

— Дедушка в цель стреляет, — сообщил он.

— Дедушка?.. Стойте! — крикнул Паша. — Женька, придумал! Значит, он в город еще не уехал. Пошли к дедушке. Расскажем всё ему. Позовем с собой. Пошли к дедушке!

С минуту было так тихо, что через стены ясно доносилось щебетанье ласточек, резвящихся в розовом от заката небе. Ребята не сразу поверили, что нашелся наконец действительно верный план.

— К дедушке! К дедушке! — потряс стены штаба торжествующий крик.

Женя схватил Пашу и, смеясь, награждал его дружескими тумаками. Наташа кружила вокруг себя неуклюжего Боря.

— Женя, как всё расскажем, он, конечно, с нами пойдет! Подумаешь, какой-то город, а тут падь Золотая! А нас с дедушкой сразу отпустят! — возбужденно тараторил Паша. — Женя, открывай сундук! Бери быстрее письмо и дневник да бежим...

— Не открывается... Что такое?

Женя нетерпеливо нажимал у сундука кнопки, но они на этот раз не поддавались. Женя потянул крышку — сундук легко открылся. Потайной замок был сломан... Женя вначале не обратил на это внимания. Но Федю точно ударила неожиданная догадка.

— Письмо! Дневник! — подскочил он. — Здесь письмо и дневник?

— Здесь. Что ты испугался?

— Я думал... Мне показалось, что их нет.

— Всё здесь, — повторил Женя, но, увидев, как перепутана и порвана хитроумная система проволочек и палочек, сердито посмотрел на ребят: — Зачем сломали? Ведь знаете, как открыть можно. Кто сломал?

— Мы даже не подходили, — переглянулись Наташа, Боря и Паша.

Федя, надвинув картуз на глаза, молчал.

— Ты сломал?

— Не я. Но знаю кто. Алька! Из-за дневника и письма сломал.

— Алька? Откуда он узнал про письмо и дневник?

— Откуда? Я проболтался... дурак! И укараулить не смог! Подождите, я сейчас... Дам я ему!..

Никому не пришла мысль ругать Федю. Чересчур неожиданной была свалившаяся беда. Все молчали. Неужели Алик был здесь, выкрал тайну, узнал дорогу к пади Золотой и опередит их?

Федя вернулся быстро:

— Альки нет дома!

— Где он?

— Мать сначала прогнала меня. Но тогда я сказал, что он очень нужен... что его пионеры вызывают. Она рассердилась. «Безобразие! — говорит. — Летом и то не дадут ребенку покоя. Передай своим пионерам, что Алик уехал в гости к бабушке».

— Когда уехал?

— Не сказала. Да это я быстро разведую.

— Разведай. Может, он правда к бабушке...

— Врет он! Матери сказал, что в гости, а сам ушел падь Золотую искать. Прочитал, наверное, как найти «Описание», чертеж срисовал и ушел. Ведь он кричал мне: «Фигу найдете, не Золотую падь». «Описание» он выкопает раньше нас, и мы ничего не найдем... Надо было мне ночью караулить. А я только днем. Ворона!

Женя положил ему руку на плечо:

— Нет, Федька, не был здесь Алька! Чтобы он ночью один пришел в штаб? Трус такой?..

Однако беспокойство и подозрение не покидали ребят. Им казалось, что в самом деле есть связь между угрозой Алика, его отъездом и сломанным сундуком.

Возбужденной и встревоженной стайкой подбегали они к дому дедушки.

— Дома он. Двустолку чистит! — крикнул опередивший товарищей Федя.

Что за человек был дедушка, читатель скоро узнает.

Глава IX У ВОЛОДИ

Наконец-то! Завтра в поход! Завтра в тайгу!

Все собрано. Завязаны рюкзаки. Подогнаны по плечам лямки. В последний раз проверено, все ли взято, не забыто ли что-нибудь. Ложки, кружки, продукты — всего не перечтешь!

Перешиты ненадежные пуговицы. Выглажены галстуки. Старательно смазана обувь. Проткнуты в ремнях запасные отверстия — кто знает, поправишься или похудеешь в тайге.

Уже завтра останутся позади привычные забавы и игры. Останутся дома родители, братишки, сестренки, чистая, теплая постель, уютная комната, удобное место за столом, электрическая лампочка, школьный уголок...

Завтра распахнется, впустит и скроет в своих дебрях маленький отряд необъятная тайга.

Завтра!

А сейчас, когда наконец вздохнулось спокойно, ребята поспешили навестить того человека, которого мы так часто поминали, но еще не видели, — Володю.

Взволнованные, чувствуя себя виноватыми, подходили ребята к знакомому дому. С того самого дня, когда почтальон окликнул Женю, они ни разу не навещали своего больного друга. Они и сейчас колебались. Как Володя встретит известие о походе? Не расстроится ли? Он так

собирался, и вот ребята идут, а он остается.

Вот и двор. Здесь все знакомо. Вон под навесом маленький токарный станок. На нем Володя учил ребят первым навыкам токарной работы. Вот тиски, столярный верстак. Запомнившиеся навсегда молоток и зубило. Сколько раз этот молоток ударял вместо железа по пальцам! Не так-то просто смотреть на обрабатываемую деталь, а ударять по зубилу. Паша чаще всех прыгал, болтая в воздухе рукой и шипя, как гусь. Володя научил ребят, как покорить молоток.

Все здесь знакомо и памятно... Как-то ребята решили установить в штабе детекторный радиоприемник. Но никто не знал, как его сделать. Володя помог. С этого и началось знакомство. Вместе разбирали схемы, читали книги, учились. И здесь же, под навесом, ребята слышали в наушниках первый слабый шорох.

Женя часто бывал у Володи, но только сейчас, проходя с ребятами через знакомые сени, он будто впервые увидел, что в каком-то удивительно строгом порядке развешан инструмент, как аккуратно смазан и матово поблескивает металлом токарный станок. Нет пыли на тисках, верстаке. Будто все зовет, ждет ребят.

Жене нестерпимо захотелось, чтобы опять закрутился токарный станок, застучали быстрые молотки, завизжало сверло, замелькали фуганки, разбрасывая легкие стружки. Опять бы завязались горячие споры, появились неожиданные проекты, веселые приключения...

Но тут же вспомнил: «А что будем делать? Кому сейчас нужны крючки и запоры? Кому нужны самодельные салазки и коньки, приносившие совсем недавно столько радости?..»

— Долго, ребята, сидеть не будем, — сказал Женя друзьям. — Володе утомляться вредно.

Он осторожно постучал и, услышав: «Войдите», сказанное знакомым голосом, открыл дверь. Ребята остановились у порога. В кровати, укрытый белой простыней, лежал Володя. Он читал книгу. Вот он повернулся. Книга выскользнула из рук.

— Ребята! — закричал он. — Ребята!..

Все бросились к нему, наперебой пожимали протянутую руку, кричали, смеялись. Что-то кричал в ответ и смеялся Володя.

Ребята не знали, с чего начать разговор. Володя обводил их смеющимися глазами. Нет, он, кажется, не расстроен, что не идет в поход. Хотя Володя такой — будет переживать, а виду не подаст. Но изменился: загар почти сошел, лицо бледное. Черные брови, сросшиеся на переносице, особенно резко выделялись на нем. Сильнее заметен розовый шрам на щеке. В прошлом году играли в лапту, и Паша нечаянно ударил лопаткой... Простыня подвернулась, и видна нога, толстая, неподвижная, в белом гипсе. Руки кажутся не такими сильными, хотя ребята знали, что даже теперь Володя ухитряется заниматься гимнастикой.

— Больно? — спросила Наташа.

— Больно, — смущенно, будто был в чем виноват, улыбнулся Володя. — Но сейчас уже ничего... А я думал, вы и не придете.

— В поход собирались, Володя, — смущенно ответил Женя.

— Знаю, знаю. Дедушка рассказывал... Что же вы, ребята, раньше мне всё не рассказали? — укоризненно проговорил Володя. — Я почти обиделся...

— Мы расстраивать не хотели, беспокоить... — сбивчиво объяснил Женя.

Наконец ребят словно прорвало. Все сразу, перебивая друг друга, заговорили. Показали письмо и партизанский дневник, чертеж и список продуктов. Рассказали о ссоре с Федькой (тот сердито засопел носом и надвинул козырек на глаза), об Алькиной подлости, о копилках.

Потом помолчали.

— Какие настоящие, великие герои! — задумчиво сказал Паша, перелистывая партизанский дневник. — Жалко их... В Японии, в тюрьме сидят. Сейчас, после победы, их можно бы разыскать там, освободить... Правда, Володя?

— Вернетесь из пади Золотой, обдумаем... Только вот что, ребята, — сказал Володя и даже приподнялся на кровати. — Что вы всё твердите: «великие», «необыкновенные»? Да тысячи и тысячи людей в гражданскую войну и в Отечественную совершали еще более геройские подвиги за советскую власть. Думаете, в Монгоне таких не могло быть?

Ребята запротестовали. Правда, среди фронтовиков много орденосцев. Есть Герои Труда. Но подвиг партизан!.. Что может сравниться с ним? Ранеными, истекающими кровью,

проползти триста верст! Хочется пить, есть, спать. Жжет солнце или льет дождь. Темная холодная ночь, кругом рыскают звери. А они только двое в тайге. И так много дней и ночей, несколько месяцев. Ведь если их наградить, то только звание Героев Советского Союза могло бы подойти к ним.

Нет, ребята не знают людей, которых бы можно поставить в один ряд с великими партизанами.

— А водовоз школьный? Сторож ночной? — называл Володя стариков. — Могли бы они совершить такое?

— Ну, Володя! У них и вид совсем не тот, ничего геройского.

— А почтальон? Конюх?..

Ребята даже чуть обиделись. Почтальона дядю Васю, узкогрудого и узкоплечего, с реденькой, похожей на мочало бородкой, ребята любили за веселые прибаутки и шутки. Конюх был одноглазый и безрукий старичок; он часто, когда ребята были меньше, катал их верхом на лошадях. Они оба и ростом-то всего с Борьку. Их и подозревать нельзя, не могли они стать такими героями.

В разговоре незаметно пролетело время. Солнце закатилось, в открытое окно потянуло сыростью и холодком. Ребята поднялись прощаться.

— Всё взяли? Ничего не забыли? — спросил Володя.

— Всё. Сколько раз проверять!

— А как письмо с голубем отправите? К лапке ниткой привяжете? Да оно растреплется, оторвется.

— Правда!.. Ведь специальные патрончики делают. Но сейчас не успеем...

— Возьмите! — Володя достал из-под подушки сверточек. В нем были крохотный, рулон папиросной бумаги и два очень маленьких и легких металлических патрончика на ножки голубю. — В другой раз не забывайте. Не стал бы делать, да знаю, что некогда вам было... Ну, счастливо, ребята! Где-то вы будете завтра?..

Часть вторая В ТАЙГЕ

Глава 1 В ПОХОД!

Ранним июньским утром из Монгона выходила в тайгу небывалая экспедиция.

В голове колонны лениво выступала сивая лошадь, по всем признакам весьма почтенного

возраста, привычная к походам и потому пущенная вперед. Она была навьючена раздутыми от груза кожаными переметными сумами. Поверх сум плавно покачивался объемистый брезентовый тюк; в нем были постели и палатка.

Тюк увенчивала небольшая проволочная клетка. В ней сидел голубь. Он спокойно чистился и даже ворковал.

За лошадью, посасывая трубку, слегка поддерживая ружье и шурясь на низкое солнышко, размеренно и даже медлительно вышагивал старик. Рядом семенил, едва поспевая, уже знакомый нам почтальон. Но по тому, что на нем сумка с газетами и письмами, можно заключить, что он не участник экспедиции, а только провожающий.

За стариками, сбившись в кучку, торопились пятеро мальчишек. Они тоже шурились на солнце, по-хозяйски оглядывали выюки, клетку, озабоченно посматривали на небо — не будет ли дождя? Иногда кто-нибудь из них не удержится, расплывется в блаженной улыбке во всю ширь своей физиономии, но тотчас сгонит ее и снова примет деловой и равнодушный вид.

Все снаряжены по-таежному. Обуты в легкие бродни с длинными, сейчас спущенными до колен голенищами. Одеты в просторные прочные брюки и тужурки. За плечами — новенькие, аккуратно пригнанные рюкзаки.

Но самой главной гордостью участников похода, предметом зависти и восхищения всех встречных ребят было оружие. Все члены экспедиции были вооружены, что называется, с ног до головы. У мальчишек — ижевки одноствольные, у старика — двустволка. Подпоясаны патронташами. У каждого с левого бока кинжал, с правого в специальном чехле — маленький топорик.

Постойте-ка... А где же Наташа? Нигде не видно ее голубенького платья, синих тапочек. Неужели ее в последнюю минуту оставили дома? Женя... Боря... Федя... Паша... и какой-то незнакомый мальчик. Незнакомый и вместе с тем очень знакомый. Где-то его видели... Фу ты! Да это и есть Наташа! Из-под нахлобученной фуражки на плечи спускаются тоненькие косички. Так нарядилась, что я вначале и не узнал. Мальчишка, да и только!

Значит, все в сборе? Ну, в путь добрый! Как говорят, ни пуха ни пера!

Кроме почтальона, экспедицию провожало еще много людей. Шли родители, младшие братишки и сестренки, товарищи, товарищи братишек, подружки сестренки и просто мальчишки. Почти половина жителей Монгона вышла провожать тимуровцев. Даже Ванька «кклюет — не ловится» воткнул удилице в берег и прошеествовал метров десять, если не больше, правда все озираясь назад, на поплавок.

По сторонам, не решаясь приблизиться, поглядывая на знакомый картуз, бежали собаки всех калибров и мастей. Федя нет-нет, да и заглядывался на них, незаметно вздыхая. Но сейчас были дела поважнее. Приклад ружья то и дело неловко задевал за щиколотку. Надо было следить за ним, придерживать рукой.

Вооружение ребят, как мы сказали, не многим отличалось от вооружения дедушки. Незнающий человек даже предпочел бы новенькую ребячью ижевку и не взял дедушкину неказистую на вид, старенькую, с поцарапанным прикладом двустволку. Позднее читатель познакомится с этой двустволкой ближе. Но было в вооружении участников экспедиции такое отличие, которого никто не замечал, но о котором нужно сказать. Дедушкин патронташ был без крышки и доверху набит патронами. В патронах матово поблескивали толстые тупоносые пули, или, где не было пуль, на картонных пыжах виднелась пометка: буква «К». Обозначала эта пометка не что иное как то, что патрон заряжен картечью. Пули и картечь! Если наш читатель понимает, что это значит, то пусть объяснит незнающим, что такие патроны рассчитаны на самых больших и свирепых зверей.

У ребят были патронташи с крышками, но... пустые. Патроны до поры до времени мирно лежали во выюках, покачивающихся на лошади. В этом и заключалось отличие.

Ребята, конечно, огорчались такой несправедливостью и старательно придерживали крышки патронташей, чтобы ни один из любопытствующих мальчишек не заметил, что в них пусто. Еще в самом деле подумают, что им не доверяют патронов! Это было бы несправедливо. Надо вам сказать, что все участники экспедиции прошли у дедушки строжайшую школу правил обращения с огнестрельным оружием. Все эти правила ребята запомнили навсегда.

Самое главное, железное правило гласит, что в походе ружье нельзя держать заряженным;

нельзя даже незаряженное, даже в шутку, наставлять не только на человека, но и на все живое, исключая птицу и зверя, которых хочешь застрелить; нельзя заряжать и стрелять без разрешения дедушки; нельзя играть ружьем — это не игрушка! Если в походе участвует большое количество вооруженных людей, то патроны, во избежание возможных несчастных случаев, всегда хранятся во вьюке. Но положены они так, что не успеет рысь прыгнуть с дерева, не успеет сделать шага волк или медведь, как патроны будут на своих местах, и в то же мгновение из всех пяти ружей грянет смертельный залп.

Конечно, интереснее, когда ружья заряжены и патронташи набиты патронами. Но... рассуждать нечего. Таковы строгие таежные законы. За их нарушение наказание одно: позорное изгнание из экспедиции.

Так как никто из провожающих ребят не знал тайны пустых патронташей, то, по общему мнению, столь грозно вооруженной экспедиции из Монгона никогда еще не выходило. Разве сравнить ее с туристами-шестиклассниками, у которых — на двадцать человек! — было только одно ружье?

Со всех сторон раздавался восхищенный и завистливый шепот. То и дело какой-нибудь мальчишка подбегал, чтобы хоть одним пальцем потрогать ружье или прикоснуться к топорiku. С особым интересом поглядывали на Наташу и перешептывались между собой девочки. Один только Сережа имел глупость смеяться.

Он подбросил в воздух свою шапчонку и заорал во все горло:

— Стрелки, тю! В шапку и то не попадете!

Это была неслыханная и непростительная наглость! К счастью, Сережа сплеховал и, подбирая шапчонку, оказался рядом с путешественниками. Федя вопросительно взглянул на Женю. Тот едва заметно кивнул головой. В то же мгновение Сережа подпрыгнул от увесистого пинка: Федя, не решаясь освободить занятые ружьем руки, настиг наглеца ногой. Хорошую плюху по затылку добавила Наташа.

Все произошло так быстро, что никто ничего не заметил. Ребята даже глазом не повели. Федя с Наташей вышагивали невозмутимо, будто ничего не случилось.

Но Сережа понял, что навек опозорен. Он бросил на Федю уничтожающий взгляд, сделался очень скучным, посмотрел на небо, потом начал хромать и отстал. Когда уже никто его не видел, он угрожающе замахал рукой над головой и крикнул вслед уходящим:

— Попадётся мне!

Пока ребята идут по поселку и, сознавая всю важность момента, сохраняют решительный и в то же время равнодушный вид; пока Федя краснеет от напряжения, силясь держать ружье так, чтобы оно прикладом не задевало за щиколотку; пока на остроносеньком лице Паши нет-нет, да появится загадочная улыбка; пока Боря то и дело сбивается с чеканного строевого шага, каким, по уверению Паши, надлежало пройти по улице; пока Женя, спокойный и подтянутый, мечтательно вглядывается вперед, в будущее, а Наташа с горделивым видом взирает на монгонских мальчишек, — пока они идут таким образом по поселку, нужно познакомить читателя с новым членом экспедиции. В самом деле, давайте познакомимся с Сергеем Егорычем, возглавляющим шествие, с тем «дедушкой», к которому побежали ребята, когда, казалось, план похода в падь Золотую рухнул.

Ребята его так и звали: «дедушка». Работал он лесником и, как обычно, лесники, очень редко бывал дома. Его избушка стояла на краю нашей улицы, и частенько случалось, что неделю и больше не поднимался из ее трубы дымок. Это значило, что дедушка на работе, в лесу.

Ничем особенным дедушка не выделялся среди жителей поселка. Правда, было известно, что он хороший лесник, но в Монгоне было немало и других знаменитых людей. Машинист-пятисотник Володя, токарь-скоростник Елисеев, путевой обходчик Воробьев... По сравнению с ними дедушка даже проигрывал. Многие были награждены орденами и медалями за большие дела и героические подвиги. Ничего такого, видимо, не пришлось на долю дедушки. Кроме значка «Отличник социалистического соревнования», ничего не красовалось на его выходном костюме, в котором он появлялся в клубе по торжественным дням. Когда же ребята приставали к дедушке с вопросом о том, что он совершил великого — как можно прожить

семьдесят лет и не совершить ничего замечательного? — дедушка, посасывая трубку и чуть склонив голову, словно припоминая, отвечал:

— Да... жил я, герои, можно сказать, ничего, обыкновенно. Воевать приходилось и в империалистическую, и в гражданскую. Партизанил. Работал, как положено трудящемуся советскому человеку и коммунисту. А вот великого ничего сделать и не пришлось. Все самое что ни на есть обыкновенное.

При этом дедушка смущенно шевелил усами, и ребятам было немножко жаль его.

Многие даже считали дедушку человеком угрюмым, странным. В самом деле, что-то особенное, можно сказать «таежное», было в его внешности. Странной, неповторимой была у него и походка. Ходил он неторопливо, но так, что, казалось, он все время к чему-то подкрадывается: голова слегка втянута в плечи, спина ссутулена, и все в нем насторожено и собрано — слух, зрение, руки. Ступал он совершенно бесшумно, так, что иные даже пугались. Должно быть, поэтому дедушка привык легонько покашливать, когда ему приходилось обгонять кого-нибудь. Смотрел он почти всегда в землю. Лицо хмурое и так загорело, что кажется бронзовым. Глубокие и резкие морщины делали его даже суровым. Усы — седые, подстриженные, с коричневым оттенком от табачного дыма и такие колючие и редкие, точно ершик. Удивительное было у них свойство: раздумывая, дедушка имел привычку жевать губами, отчего усы шевелились то сердито, то смущенно или насмешливо — в зависимости от настроения дедушки.

И все же, несмотря ни на что, дедушка был самый популярный человек у мальчишек нашей улицы.

Любовь ребят к дедушке объяснялась не тем, что он вовсе не так суров, каким казался с виду. Не тем, что, не имея собственных внучат, он как бы взял шефство над всеми ребятами улицы: ходил на родительские собрания, справлялся в школе об успехах своих «героев» и нередко выступал их защитником перед родителями.

Хотя все это имело значение, но основная причина популярности дедушки была в другом.

Не знаю, ребята, как у вас, но у нас в Монгоне каждый мальчишка мечтает о том чудесном дне, когда ему исполнится наконец четырнадцать лет. В этот день в славные ряды забайкальских охотников встанет маленький, но, как равный к равным, новый охотник. В первый раз он открыто и гордо со своим ружьем идет на промысел. Ему уже рады и уступают место у таежного костра. К его словам прислушиваются. Прощаясь, ему подает руку старик бородач.

Мечта о настоящем собственном ружье появляется задолго до положенного срока. И вместе с нею возникает масса серьезных вопросов и забот. Какое ружье просить отца купить: ижевку или тульское, курковку или бескурковку, двенадцатого или шестнадцатого калибра? Какое ружье лучше в лесу, какое в поле? Какая дробь нужна на гуся, какая на уток? Как подойти на току к глухарю, подкараулить косача, подманить на манок рябчика? Правда ли, что если у ружья «потерялся рон», то его нужно промыть настоем ургуя — забайкальского подснежника?

Вопросов много, вопросы важные, и тут для консультации не любой охотник годится. Не годен тот, кто стреляет в первую попавшуюся птичку и в пустые бутылки. Нет веры тому, кто два выстрела подряд промазал. Интереснее послушать бабушкины сказки, чем хвастливые рассказы. Есть такие охотники, что рады всю ночь расписывать свои «успехи», а с охоты стараются прошмыгнуть незамеченными — пустой ягдташ в кармане...

Тут нужен и охотник хороший, и человек особенный. Ведь идут к нему с серьезными вопросами, и он должен отнестись к ним со всей серьезностью. Он может подумать — да, подумать. На совсем глупый вопрос имеет право рассердиться и поворчать. Но если только появится презрительная усмешка — всё! Ни один мальчишка больше к нему не придет.

Особенный, лучший охотник тут нужен и особенный, лучший человек.

Таким человеком и охотником был для наших ребята дедушка. В Монгоне не было ему равных.

Правда, одно время между ребятами и дедушкой чуть-чуть не пробежала, как говорится, черная кошка. Натура охотника едва не взяла верх. Дедушка с самым серьезным видом вдруг принялся утверждать, что никакой зверь никогда не нападет на человека первым. Никакой! Даже медведь!

Ребят так поразило это неслыханное утверждение, что они молча вышли от дедушки. А через час принесли бесчисленные вырезки из газет, в которых приводились примеры, утверждающие как раз обратное. Дедушка внимательно перечитал их, зачем-то переписал фамилии всех пастухов, путевых обходчиков, бригадиров, подвергавшихся нападению, и сказал только одно слово: «Ладно». С тех пор дедушка при таких разговорах отмалчивался. Видимо, его «ладно» означало: «Виноват. Немного подзалил».

Почему Сергей Егорыч согласился идти с ребятами в падь Золотую? Ведь он собирался куда-то ехать. На этот вопрос, конечно, легко ответить. Кто же откажется от поисков Золотой пади! Пади, где прямо на земле лежат трехфунтовые куски золота, а самый лучший уголь выходит на поверхность! Пади, которую так просят найти ее славные первооткрыватели, партизаны-герои. Разве найдется хоть один человек, который, прочитав их дневник, остался бы равнодушным к судьбе сказочной пади и ради нее не пожертвовал бы отпуском? Конечно, нет!

Так и получилось. Дедушка, что называется, «загорелся». Он предложил не затягивать сборы и выйти уже через два дня. Такой срок как нельзя лучше устраивал ребят. Хотя Федя разведал, что Алик действительно купил билет и уехал на поезде, ребята подозревали, что уехал он неспроста. На подозрение наводил багаж Алика, с которым он садился в вагон, — небольшой, но тяжелый сверток цилиндрической формы, обернутый в палаточную материю. У Феде сразу мелькнула мысль, что в свертке лежит разобранное ружье с патронами. Заглянув через окно в комнату Алика, Федя действительно обнаружил, что ружье и патронташ, всегда висевшие над кроватью, исчезли.

Угроза Алика, что он опередит наших ребят и сам откроет падь Золотую, взломанный сундук, неожиданный отъезд Алика, странной формы его багаж — все это не могло не насторожить.

Но эта тревога скоро была заглушена кипучей подготовкой к походу. От ребят не отставал и дедушка. Он первым делом поспешил к родителям и без всяких трудностей разрешил самый страшный для ребят вопрос. Поговорив с дедушкой, родители сразу согласились отпустить их в поход. Правда, пропали прежние труды — все повернулось по-новому, — но зато дело пошло быстро и дружно.

Ребят ожидал сюрприз за сюрпризом. Дедушка вручил каждому таежный костюм, походный топорик, охотничий нож и... ружье! Ружье с патронташем и запасом патронов. Даже такой выдумщик, как Пашка, не мог и мечтать об этом. Конечно, от пики и грабельных зубьев отказались без всякого сожаления. Сейчас никого уже не прельщало это универсальное оружие. Оставили и тяжелый колун. Отказались от ботинок с шипами. Но не потому, что они не годились для подъема и спуска с ледника, а потому, как сказал дедушка, что со скал можно будет спускаться по веревке.

Оставили еще много других вещей. Здесь Сергей Егорыч был неумолим. В далекий поход нужно брать все необходимое, но ни грамма лишнего. Лишний грамм, когда устанешь, кажется тяжелее килограмма. Слова дедушки для ребят, конечно, закон, но кое с чем расставаться очень не хотелось. К счастью, о продуктах и книгах дедушка думал так же, как ребята. Запас продуктов Необходим, а отдохнуть с любимой книжкой у костра — самое хорошее дело.

Уже к вечеру второго дня экспедиция была снаряжена полностью.

А сейчас, мои читатели, если не скучно, последуем за нею. Только думается, что все-таки остался у вас недоуменный вопрос: неужели в самом деле письмо из Японии? Ведь ребята и даже Володя не смогли опровергнуть доводы Паши. Неужели надо примириться с мыслью, что славные герои-партизаны томятся в тяжелом плену на далекой чужбине? Что думаем об этом мы с дедушкой?

Сергей Егорыч был огорошен не меньше Бори, когда Паша назвал эту далекую страну. Даже трубку выронил.

— Постой, постой! — сказал он опомнившись. — Тут ты, герой, прямо сказать, сочинил. Ну и сморозил, скажи пожалуйста! Ты уж, герой, со мной так не шути. Вон даже трубка упала. — И дедушка рассмеялся, приняв, видимо, всё в шутку.

Но Паша не думал шутить.

— Эх, дедушка! — с глубокой печалью укорил он. — Вы еще смеетесь... Думаете, весело в японском плену?

- Да ты, никак, всерьез? — опешил Сергей Егорыч.
— А откуда же письмо? — вопросом на вопрос ответил Паша.
— Так сразу из Японии?.. — растерянно пробормотал дедушка.
— Из Японии!

Сергей Егорыч разжег трубку и сел, склонив, как всегда при большом раздумье, голову и шевеля усами. Он думал долго — минут, наверное, десять — и все хмыкал про себя. Паша меж тем высказал все свои неотразимые доводы. Дедушка только искоса поглядывал на него.

Неизвестно, что бы он ответил, если бы в комнату вдруг не вбежал со своей неизменной сумкой почтальон.

— Как раз вовремя, Васильич! — обрадовался дедушка. — Послушай-ка, что парень горюдит.

— Давай, давай! Послушаем. — Почтальон, вздернув вверх свою похожую на мочало бородку, с удовольствием пичкал свой нос табаком.

Паша и ему начал доказывать.

Почтальон высоко поднял сначала одну бровь, затем другую. Потом рассыпал в воздухе, не донеся до носа, очередную понюшку табаку и строго посмотрел на чихнувших за него Федю и Женю, перебивших этим Пашин рассказ.

— Слышал? — тревожно спросил дедушка.

— Правильно! — воскликнул вдруг почтальон. — Вот это, брат, да! Вот кто рассудил так рассудил!..

— Постой, постой! — перебил его Сергей Егорыч. — Какое же правильно? Кажется мне, что и ты ничего доказать не сможешь.

— Я? Не смогу? — Почтальон со снисходительной усмешкой посмотрел на дедушку. — Хоть сей секунд! Но тут и доказывать нечего. Все правильно...

— Постой! — опять перебил дедушка. — Как же правильно? Не признаю я вашей Японии — и всё тут! Только прошлый год война закончилась, расколотили мы вдребезги всю японскую армию, в плен позабирали у них генералов и солдат. Так неужели они, битые, будут держать под арестом наших партизан, захваченных еще двадцать шесть лет назад, в гражданскую войну?!

— Не спорь, не спорь, старина! Против научной фантастики — ни-ни-ни! У Жюль Верна почище бывает.

— Бывает? — услышав знаменитое имя, менее недоверчиво спросил дедушка.

— Еще как!.. Позвольте, молодой человек, пожать вашу руку. Я с вами согласен. Наверное, японская полиция подальше запрятала наших партизан, куда-нибудь в пещеры... Очень просто!..

Как видим, Паша и стариков убедил, хотя Сергей Егорыч, проводив почтальона, долго ворчал про себя и все сердито шевелил усами.

А меня Паша убедил? Нет, я не убежден. Из Японии!.. Хоть какие бы доводы ни приводил Паша — не поверю. Но спорить с ним не берусь. Разве его переспоришь?

Чувствую, что и читатель рвется сказать свое слово.

«Эх, вы! Не могли догадаться! Ведь письмо-то перед вами было? Посмотрели бы на почтовый штемпель — а только».

Ну конечно, же! Так и я думал. И, надо сказать, что больше всего я надеялся на Боря. Он один все еще не сдавался и при каждом упоминании Страны Восходящего Солнца жестоко царапал затылок и косился на Пашу. Я ждал, что Боря вот-вот посмотрит на штамп. Но он не догадался. Держал конверт в руках, крутил его, а на штамп никакого внимания.

Да, товарищи читатели, оказался я перед вами в очень трудном положении. Ведь обязан же я сказать вам в конце концов точно и определенно, где находятся герои-партизаны, авторы письма. Но как я скажу, если Паше не верю, сам не знаю, а Боря не догадывается изучить конверт.

Ба! Да ведь мы с вами все вместе еще одну шутку прозевали! Правда, это менее значительный, но тоже непонятный факт. Кто видел, что дедушка ходил в магазин? Никто. В таком случае, откуда у него появились пять новеньких ижевок? Не оружейный же склад у него на квартире! И почему ровно пять, а не шесть и не четыре? Почему?

Но стойте, стойте... Неужели? Ура! Боря наконец додумался. Хоть он и «тихо», по выражению Паши, думает, но добрался-таки! Сейчас узнаем, откуда письмо!

— Штамп! — хлопнул себя по лбу и с несвойственной ему горячностью закричал Боря. — Штамп! Давайте конверт. Сейчас покажу тебе, Пашка, Японию!

— Штамп! — тоже обрадовался и нисколько не смутился Паша. — Сейчас и я тебе по-настоящему докажу, что из Японии.

— Штамп! — воскликнул дедушка и остальные ребята.

Все подскочили к столу. Через мгновение переглянулись. Затем одновременно заглянули под стол, встретились там глазами, выпрямились и опять переглянулись. Конверт... исчез.

Лежал! Только сейчас лежал на столе — и не стало. Дневник здесь, письмо здесь, а конверта нет. Паша был поражен не меньше Бори, но Боря не поверил в его искренность. Он обыскал Пашу — конверта нет. В Феде проснулся дух разведчика: он приняхивался, приглядывался — никаких следов. Перевернули всё вверх дном.

Сбегали к почтальону, к дяде Васе. Тот сказал, что очень сожалеет, но не предвидел такого случая и на штамп не посмотрел. Сергей Егорыч, думая, должно быть, что кто-нибудь из ребят сыграл с ним, стариком, шутку, угрюмо насутился и молча пускал дым. Ребята сбились с ног, стараясь доказать, что они совсем не виноваты. Но чем докажешь?

Фу-у! Ничего не понимаю... Ничего! Что такое у нас начинает твориться? Кто взял конверт? Кто позволил себе шутить в таком важном деле? И как быть теперь? Ведь рухнула единственная надежда! Как узнаем, где находятся славные партизаны?

Но ничего не поделаешь. Вернемся лучше к экспедиции. Пойдем искать падь Золотую. Путь до нее далек, страниц впереди много, должно же где-нибудь все открыться.

Экспедиция прошла поселок. Один за другим отставали провожающие. В последний раз родители крепко поцеловали и обняли ребят. В последний раз сказали:

— Смотрите, осторожнее, ребятки! Не простужайтесь!..

Колонна еще раз остановилась, когда Сергей Егорыч прощался с почтальоном.

— Посидим перед дорогой. По старому обычаю, — строго сказал почтальон.

Все уселись на траву. Через несколько минут встали. Старики обнялись. Почтальон совсем скрылся в объятиях дедушки — такой был маленький и худенький.

— Ты того... — проговорил почтальон, теребя свою реденькую, похожую на мочало бородку.

— И ты того... — ответил Сергей Егорыч, пощипывая колючие усы.

Экспедиция осталась одна: шесть человек, лошадь, голубь — больше никого. Правда, еще некоторое время за ней следовала по меньшей мере половина монгонских собак. Но, отгоняемые криками: «Пошли домой! Назад! Марш домой!», собаки постепенно отставали и наконец все исчезли. Только одна собачонка еще долго сидела на шоссе, не решаясь бежать за экспедицией и не находя в себе силы вернуться домой. Федя часто и грустно оглядывался на нее, пока ее не скрыл поворот.

...Колонна свернула с шоссе на тропу, поднялась на гору и остановилась. Внизу лежал Монгон. Вот родная улица. Вот школа. Клуб. Станция. Магазин. Вот в темной зелени тополей дом, где остался прикованный к постели Володя.

На железнодорожных путях — составы. Пуская в воздух белый хвостик дыма, хлопотливо бегают маневровый паровоз. По зеленому лугу вьется зеркальной змейкой Тихая. Далеко под лесом, точно кто обронил серебряный полтинник, поблескивает на солнце Коноваловское озеро. А вон на берегу Тихой одинокий, маленький домик — покинутый и заброшенный штаб.

Тропа стала спускаться вниз. Монгон скрылся из виду. И впереди и сзади экспедиции был лес. На севере, над слоями далеких, затуманенных дымкой синих гор, белела, точно облачко, покрытая снегом вершина Цаган-Хадайского хребта. На этой далекой вершине закопано описание дороги к пади Золотой.

— Ну, ребята, — радостно и широко улыбнулся Женя, — пошли!

— Пошли!..

Они ускорили шаг, догоняя дедушку.

Скоро всех скрыл лес.

Глава 11

ВПЕРЕДИ ЧЕЛОВЕК

— Что он к тебе пристает? — спросила Наташа.

— Пристаю? — удивился Паша. — И не думаю даже.

— План придумал... — с опаской поглядывая на Пашу, сказал Боря.

— Интересный? — оживился Женя.

— Не очень, Женя, но хороший, — заторопился Паша. — Торжественный ужин из восьми блюд! В первый день все должно быть торжественное. Знаете, какой ужин? На первое — суп из мясных консервов, на второе — каша с вареньем, на третье — сладкий лапшевник, потом — компот, потом какао...

— Ти-ти-ти! — передразнила Наташа. — Лакомка! Гони его, Борька. Он так тебя научит, что продуктов и на неделю не хватит.

Боря, не спуская глаз с приятеля, потихоньку передвинулся, оказавшись между ним и разложенными на траве продуктами. Даже руки расставил, точно уже защищал от посягательства свое хозяйство.

— Я тоже подумал: раз план, то плохо будет... — Боря покосился на Пашу. — Уходи отсюда!

— Как же его, Боря, гнать? Он твой главный помощник, — серьезно сказал Женя. — Ты только посматривай, как бы он ночью до продуктов не добрался.

— А ну, пусть попробует! — угрожающе зарычал Боря, вызвав общий смех.

— Чудной ты, Борька! — укорил его Паша. — Я просто хотел, чтобы нас с тобой похвалили. Сказали бы: «Вот повара так повара!» И ты, Наташа! Он твоего голубя хотел голодом уморить, а ты заступаешься. Для тебя, Наташа, я тоже план придумал: ты по одной заплатке к дырке не пришивай, сразу семь заплаток на одну дырку. Одна порвется, шесть останется. До самой пади Золотой хватит.

— Ты уйдешь?.. — прикрикнула Наташа. — Женя, пусть он не пристает, иначе...

— Правда, Паша, потише!.. — Женя огляделся. Тихо, мирно кругом. Но обманчива эта мирная тишина. «Нам-то ничего, мы с дедушкой, а Федька в разведке, один». — Может, ребята, и правда наврали на зверей? — неуверенно проговорил он. — Весь день мы по тайге шли — ни один зверь за нами не увязался, не выскочил на нас.

— Нет, Женя, столько пишут и рассказывают страшного про тайгу! Неужели всё врут? — возразил Паша. — Не напали потому, что нас много. Ну, и дедушка с нами. К нему звери привыкли, как к Федьке собаки... А все-таки храбрый парень Федька! Ты бы, Женя, ушел, как он, совсем один?

— Если боевое задание, конечно пошел бы... — Женя помолчал и добавил: — Только в первый раз, наверное, боялся бы немного.

— И я бы пошел... — сказал Паша.

— Молчи уж! — оборвала его Наташа. — Тоже туда же... Чем болтать, залезь лучше на дерево, посмотри, не видно ли Федьки.

— Ничего не видать! — через минуту донесся с дерева голос Паши. — И зверей тоже не видать!

— Дедушка, ничего с Федькой не случится? Не заблудится он? — озабоченно спросил Женя.

— Кто его знает? — неопределенно ответил Сергей Егорыч. — Тайга — она тайга и есть... Ну-ка, Боря, давай мастерить стол. Звери зверями, а на таборе должен быть порядок.

Экспедиция после первого походного дня готовилась к ночлегу. Солнце склонялось к закату и устало покоилось, точно отдыхало, в розоватых и легких, как перышки, облаках.

Лошадь была развьючена. На опушке горел костер. Около него неторопливо возился с котелками и мешочками Боря. Наташа помогала ему. Женя устраивал постель. Паша уже закончил свою работу — начистил картошки, натаскал воды. Однако Федя с разведки все еще не возвращался.

Дедушка приучал ребят к таежной жизни. Хотя им была знакома любая работа — дома

приходилось все делать, — но здесь пришлось учиться новому. В тайге все делается по-особому, все труднее. Задумается ли кто дома, как заправить постель? Конечно, нет. А устроить постель в тайге оказалось совсем не так просто. Правда, настлать под кошму мелких веток или травы, чтобы мягко было и от земли сырость не проникала, всякий догадается. Многие догадаются также положить над изголовьем и вдоль боков по бревнышку, а лучше по два, одно на другое, — постель раскатываться не будет и ветерком не продует, теплее спать. Это просто.

А вот с какой стороны костра постель устроить? Оказывается, не все равно. Надо с наветренной стороны, чтобы, когда уснешь, дым на тебя ночью не пополз, искры не полетели. Нужно, значит, сначала определить, откуда ночью ветерок тянуть будет. А это уже непросто...

Или костер. Как его сложить так, чтобы теплее было и дров сжечь поменьше? Конечно, дров в лесу много, но переводить их напрасно тоже нечего.

А как сделать таганок, да такой, чтобы можно хоть пять котелков подвесить и жаром управлять? Кипеть надо супу — кипит, не кипеть и не остывать — не кипит и не остывает.

Как все это сделать?

Ребята старательно учились у дедушки. До пади Золотой далеко: путешествуя с нашей экспедицией, ты, мой читатель, тоже наберешься опыта таежной жизни. Пока же только стол удался такой, что Боря им залюбовался. А дела всего на пять минут: нужно выкопать две канавки на расстоянии метра одна от другой, такие, чтобы в них можно было спустить ноги. Площадку между канавками накрыть плащом. Вот и всё. Стол готов.

Ну, теперь Боря может навести порядок: расставить миски, кружки. Один угол стола он выделил под продукты и сложил туда многочисленные мешочки и узелочки. Для всего нашлось свое место. Сразу стало удобно и уютно. Не путаются под ногами ни котелки, ни банки. А главное — сидеть хорошо. Выброшенную из канавок землю Боря сложил позади холмиком так, что можно откинуться на него, как на спинку дивана. Ребята тут же попробовали. Чудесно, как в настоящем кресле! Дедушка, правда, сидел иначе — ноги калачиком под себя. Ребята попробовали — больше пяти минут не выдержишь.

Нет, очень интересна таежная жизнь! Если бы только не эти звери...

— Вот сейчас тебе, Женя, приказ писать можно! — с наслаждением развалившись, воскликнул Паша. — Садись за стол и пиши.

— Какой приказ?

— А ты и не думал? Без приказов нельзя. В каждой экспедиции приказы и дневники пишутся. Папанинцы на Северном полюсе и то писали. А если бы партизан Сергей дневник не писал, никто никогда про падь Золотую не узнал бы. И с нами всякое случиться может. Вдруг звери...

— Хватит тебе, Пашка, каркать! — рассердился Женя. — «Звери, звери»!

— А приказ писать все равно надо.

— Надо, — подумав, согласился Женя. — Потом напишу. Я еще постель не кончил.

— Тогда знаешь что? Я свою работу уже сделал — напишу приказ, а потом вместе обсудим. Ладно?

Экспедиция втянулась уже в настоящую тайгу. Правда, это была еще не та тайга, где не ступала нога человека, о которой мечтал Паша. Ребята пришли сюда по тропе, хотя и заросшей травой и кустарниками, но все же проложенной людьми.

Это была и не та тайга, какой ее раньше представляли ребята: мол, непроходимый, дремучий лес, а за каждым деревом — зверь. Ни одного зверя ребята еще не видели. Конечно, они были, но почему-то не обнаруживали себя. И неопытному человеку тайга бы показалась веселой и совсем не страшной.

Здесь все напоминало лес вблизи Монгона, куда мальчишки бегали за удилищами. Так же по склонам рассыпались веселые березки в белоснежных платицах и тонкоствольные стройные лиственницы с нежной, мягкой хвоей. Так же спокойно и высоко раскинули свои кроны молчаливые сосны, охраняя молодую поросль задорных, ершистых сосенок. Так же лиловел сохранившимися кое-где цветами багульник — чудесный забайкальский кустарник, густо покрывающий склоны сопки.

И все-таки это была тайга. Не слышно здесь ни человеческого голоса, ни гудка паровоза, ни лая собак. Только раздавались тут и там голоса птиц. Резко, гортанно, точно вдруг рассердившись на кого, крикнет большоголовая сойка, пискнет, снуя по дереву вверх и вниз головой, неутомимый голубоватый поползень. Застучит дятел. Пронзительно, переливчато засвистит красноглазая желна и сразу оборвет, прислушиваясь, не подкрадывается ли кто к ней. Если остановиться и вслушаться, то можно различить едва уловимые шорохи, вздохи, подозрительные вскрики и потрескивание.

Тажные голоса, тажные звуки...

Цепи гор и округлых сопок, покрытых лесом, отделялись одна от другой долинами, падами и распадками. По падам протекали быстрые, с холодной чистой водой речушки. Встречались небольшие озера. Но даже в падах, которые походили на степь около Монгона, голоса птиц звучали по-особому. Будто те же песни жаворонков, то же кукование беззаботных кукушек, та же жалобная просьба парящего высоко в небе коршуна — «пи-и-ить... пи-и-ить», — все будто знакомо, но в то же время кажется другим. Да так и должно быть. Здесь действительно уже другие птицы. Они очень хорошо знают, что такое острые зубы соболя, колонка и других хищных зверюшек, они слышали рев медведей и вой волков, им приходится постоянно остерегаться бесшумной и кровожадной рыси. И пади только напоминают, но совсем не походят на родную примонгонскую степь. Там, куда ни посмотришь, увидишь людей, постройки, изгороди, скот. Здесь — только одна едва заметная тропа напоминает о человеке. Здесь — тайга!

— Слушайте приказ! — закричал Паша. — Борька, хватит тебе над супом колдовать!

— Я над кашей, — возразил Боря, — не густеет долго...

— Не пожалел бы крупы, так загустела бы. Хочешь, чтобы из одной воды каша получилась?.. Слушайте! Я не от себя, мы с Женей решили.

Остроносенькое лицо его стало серьезным. Он потрогал галстук.

— Предисловие к приказу номер один...

— Какое еще предисловие? — удивился Женя.

— Без предисловия приказ не получился. Приказ надо писать коротко и просто: раз-раз! — Паша энергично взмахнул рукой. — А нам придется подробнее... кто-нибудь без нас станет читать и без предисловия не все поймет... Продолжаю: «Предисловие к приказу номер один по экспедиции в падь Золотую. Написано в дремучей тайге на таборе в пади Зун-Неметей (смотри карту похода). Зун-Неметей — название бурятское. У нас почти все пади, хребты и речки называются по-бурятски, потому что раньше — давно, еще когда люди не расселились, — в Забайкалье жили одни буряты. Они и назвали. Настроение экспедиции бодрое. Больных и раненых нет. Ждем встречи с дикими зверями с минуты на минуту, но мы полны решимости. Сегодня днем экспедиция осталась без обеда — не получился обед. Суп

сначала посолил Борис, потом Наташа, потом Евгений, а я добавил. Кашу никто не помешал — она подгорела. Правда, удался очень хорошо чай, но без обеда плохо. Решили мы распределить работы и за каждое дело назначить ответственного (смотри приказ номер один)». — Паша взглянул на Женю. — Вот, Женя, предисловие. Теперь начинается сам приказ.

«Приказ № 1

Пункт 1. Главным поваром и главным завхозом экспедиции назначен Борис. В подчинении у него продукты, кружки, ложки, миски и поварешка. Работа его — кормить экспедицию вкусным завтраком, обедом и ужином вплоть до пади Золотой и обратно, а также следить, чтобы продуктов хватило на весь поход.

Пункт 2. Помощником Бориса назначен Павел. Работа: чистить картошку, ходить за водой, мыть посуду, колоть дрова.

Пункт 3. Главным портным и главной прачкой назначена Наташа. Работа ее: на привалах чинить одежду, если порвется; следить, чтобы в назначенное время все стирали свое нижнее белье и портянки. В подчинении у Наташи иголки, нитки, пуговицы, мыло и лоскутки. Вторая работа: ухаживать за голубем и кормить его. Борису выделять для голубя ежедневную порцию пшена.

Пункт 4. Главным разведчиком назначен Федор. Работа: вести карту похода, разведывать места для ночлегов и привалов, разведывать воду, разведывать в озерах и речках рыбу и места для купания. Предупреждать о появлении опасных зверей.

У разведчика Федора самая опасная работа, он больше всех рискует жизнью. Поэтому приказываем: далеко Федору не отходить, а если увидит рысь, волка или медведя, в бой с ними не вступать, а громко кричать: «Ку, ку-ку!» По этому сигналу по экспедиции объявляется тревога. Все немедленно бегут на помощь Феде, кроме дедушки Сергея Егорыча, который обязан сторожить Савраску, и еще одного дежурного, который остается в лагере следить за обедом. Дежурят все по очереди — по три дня. Первая очередь — Наташи.

Еще постановили: отдать Федору компас Евгения, чтобы не заблудился в разведке».

Паша остановился передохнуть.

— Тяжело писать приказы!.. — сказал Боря, не без удовольствия слушая товарища и соображая, откуда у того слова берутся: так и летят.

— Да, тяжеловато, — скромно согласился Пашка. — Ничего не поделаешь, в экспедиции никак нельзя без приказов и планов.

Последнее слово заставило Боря насторожиться, но Паша уже читал дальше:

— «Пункт 5. Начальником экспедиции единогласно назначен Евгений Котышев. Слово его — для всех закон. Он еще обязан вести дневник экспедиции, вечером устраивать место для постелей, помогать тому, кто не успеет сделать свою работу.

Пункт 6. Заготавливать дрова на привалах всем, кроме главного повара, по указанию начальника экспедиции.

Пункт 7. Дедушка Сергей Егорыч, по его просьбе, назначается не начальником экспедиции, а особым советником-специалистом. Его работа: назначать привалы, охранять Савраску от зверей и быть главным советником начальника, повара, помощника, разведчика и портного».

— Правильно, дедушка, про вас написал? — спросил Паша.

— Совершенно правильно! — важно кивнул головой Сергей Егорыч. — Прямо сказать, всем приказам приказ: и чином никого не обидел, и слог очень хорош.

— Еще не все про вас, — довольный похвалой, скромно улыбнулся Паша. — Дальше читаю:

«Как главный особый специалист дедушка дает клятву, что не вернется домой, пока не найдем падь Золотую, открытую красными героями, бесстрашными и великими партизанами дядей Сережей и дядей Васей. Началь...

Паша не успел закончить. Вдруг раздалось:

— Ку, ку-ку!.. Ку, ку-ку!..

Это зывал о спасении Федя. Звери!

Если бы внезапно рядом раздался выстрел пушки, он не произвел бы на ребят большого впечатления. Вот оно, уже началось!

Ребята застыли в том положении, в каком захватил их сигнал о помощи. Не мигая, они безмолвно переводили взгляд с одного на другого. Потом, не дыша, обернулись к лесу.

Солнце уже скрылось за горой. Вокруг все изменилось, помрачнело. На небе потухли яркие, веселые краски; алый закат подернулся синевой; синева обволакивала небо и уже разливалась по земле. Строго и четко вырисовывались линии гор. Сами горы точно приблизились. Казавшаяся светлой и безобидной за полчаса до этого глубина леса наполнилась настороженным сумраком. Ни одного звука не раздавалось — даже птицы и те попрятались.

Значит, звери не нападают днем, звериное время наступило только сейчас. Из нор и лесных трущоб вышли они на добычу и вот уже напали на Федю.

— Ку, ку-ку!..

Повторный сигнал о помощи вывел ребят из оцепенения. Они схватились за ружья. Дедушка невозмутимо курил трубку.

— Дедушка, берите быстрее ружье! Бежим Федьку выручать.

— Очень хорошо! — Дедушка недовольно пожевал губами, отчего колючие усы его сердито зашевелились. — Савраску караулить мне? Главным советником и особым главным специалистом — тоже мне? Нагрузка немалая, но раз по приказу, то не возражаю. Что полагается, то полагается. А если разведчик закуковал, то бежать мне не положено. Так в приказе сказано — я должен оставаться на месте, возле Савраски.

— Это, дедушка, особый случай! Это общая тревога! — с жаром возразил Паша. — Когда звери нападают, тут должны все...

— Что-то, кажется мне, память у тебя больно коротка стала. Ну-ка, прочитай еще раз, что кому делать по тревоге...

— Там неправильно написано! Мы исправим!

— Как? Как? — привстал дедушка. — Постановление первого общего собрания экспедиции неправильное? Говорили, голосовали, записали — и неправильно? Я с тобой, герой, не согласен? Так прошу и в дневник записать. Не согласен!

Показывая, что разговор окончен, Сергей Егорыч отвернулся и занялся палаткой.

Ребята смятенно глядели в темнеющую глубь леса. Что сейчас творилось там?

— Ку, ку-ку!

— Эгей! Фе-дя! Держи-ись! — сложив руки рупором и отдельно выговаривая каждый слог, крикнул дедушка. — Сей-час мы го-ло-со-вать бу-удем! По-тер-пи!..

— Ку, ку-ку! Ку, ку-ку! Ку, ку-ку! — сердито донеслось в ответ из леса.

— Скажи пожалуйста! Люди думают, а он там еще и сердится, — удивленно развел руками дедушка.

Женя твердо выступил вперед. Он был бледен, но спокойно, привычно поправил галстук.

— Пашка, становись в середину! — тихо сказал он. — Мы, Боря, по краям...

Когда ребята скрылись, Наташа вскрикнула. Они забыли патроны и ушли с незаряженными ружьями. Ушли к зверям беззащитными и даже не взяли топориков и ножей. Молча, зажав ложку в дрожащей руке, смотрела Наташа в сторону ушедших друзей.

— Подержи-ка, Наташа, колышек, — услышала она голос.

Девочка неприязненно взглянула на дедушку и опять обернулась к лесу. Она не видела, как Сергей Егорыч некоторое время смотрел на нее, растерянно моргая глазами, потом нахмурился, тяжело вздохнул и вновь склонился над палаткой.

Ребята меж тем, осторожно продвигаясь вперед, приближались к речушке.

— Дома вон какой хороший был, а тут... нас одних к зверям посылает... — прошептал Паша, испуганно озираясь.

— Замолчи! Тут и так... — оборвал Женя. — Правильно он рассердился. Постановили, значит, надо выполнять. Да чего мы, ребята, боимся? Помните, с пикой хотели идти? А сейчас три ружья. Как дадим!..

Ребята, осторожно пробираясь вперед, приблизились к речушке. Шум стремительно

перекатывающейся на быстринках воды раздавался все ближе. Федя должен быть здесь, но почему-то не подает больше никаких признаков жизни. Ребята молча переглянулись. У всех мелькнула одна ужасная мысль: «Неужели опоздали?»

— Не бойтесь!.. Нет зверей, — вдруг неожиданно близко послышался голос Феди.

Ребята остановились, удивленно озираясь. Совсем рядом говорит Федя, а не видать его.

— Куда смотрите? Вот я! — раздалось сверху.

Только тут ребята увидели его. Главный разведчик висел на лиственнице, зацепившись подолом рубахи за сучок. Он был в самом смешном и беспомощном положении и походил на куклу, подвешенную за спину на новогоднюю елку.

— Оглохли вы, что ли? Долго мне тут висеть? Сигнал подаю, а они там голосовать придумали. Подожди, Пашка, вот только слезу, так нападдам! Ведь договорились, чтобы по сигналу сразу бежать! — напустился Федя на ребят. — Долго мне так висеть? Ползут как черепахи!

Пожалуй, никогда ребята не слушали Федино ворчание с такой радостью, как сейчас.

— Ой, Федька, ты живой? Только тише, не кричи... Тебя зверь на дерево загнал?

— Вот молодец, Федька! Разведчик так разведчик! — сказал Паша. — Сразу догадался прицепиться к дереву, чтобы не упасть и медведю не достаться. Много их было?

— Ни одного... Не видел даже! — хмуро буркнул Федя сверху.

— Ни одного?.. — недоверчиво протянул Женя. — А сигнал? Как же ты?.. — Женя не договорил. Даже не верилось, чтобы Федор, непревзойденный разведчик, мог попасть впросак из-за пустяков.

— Что, Пашка, рот разинул? — вместо ответа сердито крикнул Федя. — Думай быстрее, как меня спасать! По сухим лиственницам, ребята, не лазьте, — миролюбивее, стараясь скрыть смущение, добавил он. — Сучки толстые и, если посмотреть, совсем крепкие, а на самом деле, как хворостинки. На лиственнице у меня наблюдательный пункт был. Сначала ничего не видел, потом смотрю — и вдруг... Ох, ребята, что я увидел!

— Стаю волков?

— Да нет. Спасайте скорее, расскажу.

С большим трудом сняли разведчика с лиственницы. Надев слетевший картуз и таинственно оглядывая ребят, Федя прошептал:

— Дым...

— Что?

— Дым...

Ребята недоуменно переглянулись.

— Ага. Дым. Далеко, километра три отсюда. — Федя переводил испуганные глаза с одного на другого. — Сначала густой, потом поменьше, а потом и совсем не стало. Я, как увидел, хотел быстрее с наблюдательного пункта спуститься, да тут сучок и обломился.

Понимаете? Дым!

— Понятно, — кивнул Паша. — Ясно. Некоторые вулканы перед извержением дымятся и...

— Катись ты со своим вулканом! — перебил его Федя. — Женя, ты понимаешь?

— Что-то не понимаю. Дым и дым...

— «Дым»! — пренебрежительно повторил Федя. — А ты понимаешь, мы вслух читали Майн Рида? А что дедушка говорил? Разведчику все замечать надо. И думать, что означает дым.

— Кто-то костер разжигал.

— Ага. Вот видишь. А кто разжигал?

— Человек, конечно, — вставил Паша.

— Вот именно... человек! А какой человек?..

Федя умолк и вопросительно посмотрел на всех.

— Алька, вот кто! — неожиданно выпалил он.

— Алька-а?!

— Он! Честное слово, он!

Сообщение потрясло ребят.

Но в это время речка зажурчала как-то по-особенному, точно кто переходил через нее. Ребята вспомнили, что они одни, совершенно одни в тайге. Подстегнутые страхом, они со всех ног помчались назад, только около табора перевели дух и оглянулись. Странно — ни один зверь не преследовал их.

Глава III БЕСПОКОЙНАЯ НОЧЬ. КРИК ЧЕЛОВЕКА

Итак, неужели впереди Алик? Эта мысль захватила сейчас ребят и не давала покоя.

Если действительно Алик, то, видимо, он очень торопится... Недолго посидел у костра, затушил его и пошел дальше. С момента, когда Федя увидел дым, прошло около часа. Алик за это время мог пройти не меньше четырех километров. Завтра он будет идти быстрее ребят — экспедицию задерживал медлительный Савраска — и еще больше опередит их. Несомненно, если не предпринять решительных мер, Алик придет на хребет раньше ребят, овладеет «Описанием» дороги в падь Золотую, и тогда все кончено: его не догнать, он затеряется в тайге, как песчинка в море.

Хотя ребята провели в горной тайге всего один день, они убедились, насколько она необъятна и запутанна. Во всех направлениях ее прорезали бесчисленные междугорья — пади и распадки. Каждая падь походила на лежащее ветвистое дерево: от нее, как ветви от ствола, расходились распадки. Последние, в свою очередь, разделялись на всё более узкие многочисленные ответвления. Видимо, и там, за хребтом, тайга такая же. К какой из сотен распадков направит Алика «Описание»? Ни один даже самый проникательный человек не сможет найти без «Описания» падь Золотую.

Ребятам оставалось только одно: нагонять Алика, пока дорога у них одна, и обязательно догнать его до поляны с фонтаном, где закопано «Описание».

Первым решением ребят было немедленно сняться с табора и пуститься в погоню. Но уже наступила ночь, и это само собой отпало.

Молчаливые и растерянные, ребята то подходили, то отходили от Жени. Женя, уперев подбородок в колени и обхватив руками ноги, смотрел неподвижно перед собой. Неужели и здесь, в тайге, им стал поперек дороги этот тихий чистюля, всегда действовавший ребятам наперекор! Больше всего злила мысль, что Алик может оказаться победителем. И Жене уже представлялась невинная, слащавая улыбка на тонких губах, а в глубине презрительно прищуренных глаз торжествующее злорадование.

Раздались, правда, и благоразумные голоса. Боря первый высказал мысль, что такой трус, как Алик, побоится один, — совершенно один, — отправиться в падь Золотую. Федя возразил, что из-за злости Алька может даже смелым стать. В падь Золотую, возможно, и не пойдет, а выкопает «Описание» и обратно домой: сам не найдет и им не даст. Женя молча слушал

спорящих. Сейчас он был уверен, что именно Алик, и никто другой, сломал сундук.

— А если сказать дедушке? — неуверенно проговорила Наташа.

— Еще что придумала! — возмутился Федя. — Мы проворонили, а дедушка будет советовать? Сами виноваты, что Алька украл тайну пади Золотой, и сами должны придумать, как поймать его. Не хватало еще, чтобы дедушка гонялся за Алькой!

— Плохо, что сейчас следопытов нет, как Кожаный Чулок! — вздохнул Паша.

— Почему — плохо?

— Как — почему? Увидел ты, Федя, дым и затвердил: «Алька, Алька!», и мы все поверили. А может, совсем не Алька? Настоящий следопыт сразу бы все точно узнал. Помните? Посмотрит на землю и все расскажет: какой человек шел — молодой или старый, высокий или низкий; когда проходил, что дорогой делал... Всё по следам!

— Дедушка в следах не хуже понимает, — сказал Федя. — Зимой мы с ним ходили на базу. Я увидел след, говорю: «Наверное, волк пробежал», а дедушка сказал: «Собака». И правда, прошли немного — собаку увидели.

— То зимой! На снегу каждый охотник след прочитает. А летом нет, трудно... Если это Алька костер разжигал, значит, он впереди нас, по нашей же дороге шел.

И дедушка, если бы он был следопытом, посмотрел бы на след и сразу сказал: мальчишка впереди идет!

— Ужин, ребята, совсем переварится, — напомнила Наташа.

— Ладно! — выпрямился Женя. — Завтра с тобой, Федя, встанем чуть свет и пойдем вперед. Бегом побежим, но догоним — никуда не денется! Дедушке скажем, что на разведку...

Сергей Егорыч, бесшумно и неторопливо шагая в своих длинных броднях, заканчивал последние приготовления к ночлегу, изредка взглядывал на встревоженных ребят, но ничего не спрашивал. А они, сославшись на усталость, после ужина сразу улеглись.

Повозившись, ребята затихли. Только разведчик экспедиции долго ворочался. Ведь во всем виноват он один. Не проговорись тогда Алик, все бы хорошо было. Да и как разведчик он сегодня сплоховал. Кому, как не ему, полагалось определенно узнать: что за человек впереди? Дедушка еще сидел у костра. Сначала курил, потом, держа далеко в вытянутой руке книгу и шевеля губами, читал. «Жюль Верн», — с трудом разобрал Федя на обложке. И мысли его опять вернулись к Алику.

Наконец уснул и дедушка. Он лег не на постель, а по вечной привычке таежника — у костра. Спину накрыл телогрейкой, босые ноги протянул к огню. Потухшая трубка выпала изо рта.

Толстые полусырые кряжи, положенные особым образом, едва тлели, изредка вспыхивая слабым пламенем, но источали сильное, равномерное тепло. Дедушка назвал такую укладку дров «кабанчик». На два кряжа, положенные один на другой стенкой, кладутся поперек еще тричетыре кряжа, так что образуется подобие навеса. Под ним и разжигается костер. Дров уходит совсем мало, а жарко.

Тайга словно ждала, когда уснет дедушка. Сразу же треснул сучок под чьими-то осторожными шагами. Миготом отлетели мысли об Алике.

— Не бойся, Наташа... — прошептал Женя.

— Я не боюсь.

Вот кто-то жалобно вскрикнул, застонал и заплакал, как ребенок.

— Женя, это волк?

— Не знаю.

— Наверное, он... Дедушка, волки! Вот-вот... Слышите? Сейчас они Савраску... Вставайте!

Но дедушка спал. Он даже не пошевелился и сочно, со свистом всхрапывал, так что усы шевелились.

— Сергей Егорыч! Дедушка!

— Иди разбуди... — послышался чей-то шепот.

— Сам иди...

Вдруг кто-то близко от табора громко закашлял, хрипло, сердито: «К-хы!.. К-хы-ы!»

— Наверное, рысь...

— Или медведь...

— Дедушка, звери! Давайте патроны, скорее! Проснитесь!!

Спит. Даже не пошевелится. Похрапывает. И Савраска подстать дедушке: стоит около костра, дремлет, уши развесил, даже глаз не откроет. Умный конь бы заржал, захрапел, ногами затопал, чтобы разбудить беззаботного хозяина.

— Женя, голубь здесь?

— Вот он... Наохлился, спит.

Прошло десять — двадцать минут. Тишина, молчание... Что же такое было?

— Ребята, — прошептал Паша, — может, звери испугались нас, услышали голоса...

— Боятся?

— Честное слово, боятся! Ведь день шли — ничего. За Федькой мы отправились — никто на нас не напал. И сейчас звери только издали рычат, к нам не подходят. Конечно, боятся!

Но, словно в опровержение его слов, случилось такое!.. Рядом, совсем в нескольких шагах, что-то страшно ухнуло, закричало, захохотало. Потом хохот резко оборвался, и в наступившей жуткой тишине раздался страшный щелк: кто-то свирепо и кровожадно лязгал чудовищными зубами. Голубь в клетке забился и захлопал крыльями. Ну, всё, конец!..

— Наташа, не бойся...

— Дедушка!

— Борька, ты слышишь?

— Не-не знаю...

Женя с Федей, не говоря ни слова, начали одновременно вылезать из-под одеял.

— Женя, Федька, куда?

— Куда?! — сердито откликнулся Федя, на шаривая картуз. — На разведку.

— Сейчас мы, Наташа, всё узнаем, — застегивая воротник, сказал Женя.

— Не ходите! — вцепилась в обоих Наташа. — Вам говорят, не ходите!

— «Не ходите!» — буркнул Федя. — Ты портная, а я разведчик. Потом сама скажешь, что приказ не выполняю, свою работу забыл.

— Ложись сейчас же! — ничего не слушала Наташа. — Федька... отколочу! Думаете, не справлюсь? Ну? Ложитесь!

Оба покосились на Наташу, смущенно переглянулись, затем, не глядя друг на друга,

легли.

Страшный шелк и хохот меж тем удалялись. Гукнуло еще раз, и все стихло. Ребята подняли головы и переглянулись. Все — бледные, но целые и невредимые. Так же, как вечером, потрескивает костер. На столе в порядке сложены посуда и продукты, в изголовьях — составленные пирамидой ружья. Спокойно дремлет Савраска и похрапывает дедушка. Совсем успокоился и спит в клетке голубь. Только темнее стало вокруг. Тайга будто теснее обступила, и звезды на небе переменили положение.

Ребята снова переглянулись. Может, правда, таежное зверье боится человека? Или звери нападают лишь в глухой тайге? А здесь еще не глухая — Монгон недалеко...

Вдруг снова раздался так напугавший ребят страшный хохот и гуканье, но уже очень далеко. Сейчас это не произвело никакого впечатления. Вслед за хохотом вдали крикнул какой-то другой зверь — звонко, протяжно...

Должно быть, на этот раз кричал кто-то действительно очень опасный, потому что дедушка сразу вскочил и повернулся в сторону звуков. С лица его исчез сон. Будто он и не спал.

— Дедушка! — подскочил к нему Паша. — Вы спите, а мы никак не могли вас разбудить. Кругом звери...

— Тише, тише, герои! — оборвал дедушка окруживших его ребят и стал настороженно прислушиваться к тишине ночи. — Что-то там, правда, неладно...

Через несколько мгновений ребята опять услышали протяжный, странный крик.

— Человек кричит! — вздрогнул дедушка. — Человек!

— Алька! — разом ахнули ребята.

Дедушка, приложив к ушам ладони, продолжал вслушиваться, но крик больше не повторялся. Потянул влажный ветерок, раздувая костер; ночь словно отступила, и смутно замаячили невидимые до этого разлапистые сосны.

— Так... — К дедушке вернулось обычное спокойствие. — Принуждать вас не буду, а только хотел бы я знать вашу тайну. Какой Алька? Что Федя вечером на разведке видел? А знать мне нужно. Неладное что-то в тайге творится, а я, прямо сказать, не понимаю...

Наклонив голову и пощипывая ус, Сергей Егорыч слушал сбивчивый рассказ.

— Дьявол бы меня побрал с этим походом! Так и знал, что до добра не доведет! — заворчал он. — Дуралей старый! Говорил ведь я... «Фантастика»! Тоже мне жюльверны! Скажи пожалуйста, попал в историю... Тьфу! — в сердцах плюнул дедушка. — А вы-то, вы-то как такими растяпами оказались? Добро бы друзьям рассказали — пусть бы шли с нами, — а то какому-то дуралею открылись. Не умеете вы тайну хранить, вот что вам скажу!

Смущенные ребята посмотрели на Федю. Тот сучочком ковырял землю.

— Мы нечаянно... Со всеми, дедушка, ошибки бывают, — поспешно сказал Женя.

— «Нечаянно»! — Дедушка сердито пожевал губами. — Чей этот Алька? Кто его отец? Из-за чего у вас с этим Алькой война пошла?

— Вы, дедушка, Алика не знаете. Отец у него инженер деповской. Алька с нами не дружил и к вам никогда не ходил. Он всегда нам вредил и сейчас навредить хочет. Надо его догнать.

— «Догнать»! — передразнил дедушка. — А как догнать? Вся загвоздка в том и получается, что по этой тропе из Монгона последний человек проходил месяц назад. Не шел Алька нашей дорогой. Вот и думай, где он, а вы «догнать». Гм... Хорошо, если он на поезде до Листянки доехал да листянской тропой в хребет идет. Испугался немного — так это еще полбеда. А вдруг это не он? Где тогда ваш Алик? Придется возвращаться домой да искать его, коль падь Золотая всему причиной... Тьфу! Ну, а сейчас, герои, спать, спать! — решительно сказал дедушка, видя, что ребята готовы засыпать его вопросами.

— Дедушка, только мне ответьте! Мне по работе! — взмолился Федя.

— Ну, давай, коль по работе, да только скорей.

— Как вы узнали, что последний человек проходил по тропе месяц назад?

— Здравствуй! Какой же я лесник буду, если не узнаю, ходил ли кто по тайге или нет?

— И можете определить, кто шел, когда и в какую сторону?

— А как же?

— Здорово! Вы, значит, следопыт!

— Гм... Вот про это, признаться, не знаю. Разведчиком в партизанах был да так себя разведчиком и считаю... Хватит, хватит! Сегодня я, герои, сердитый. Спать! Утречком чуть свет подниму. Спокойно спите, никто вас не тронет, я уже выспался, посижу.

«...Алик? Не Алик? Следопыт... Медведи... Золотая падь...»

Ребята наконец погрузились в крепкий после всех треволнений сон. Сергей Егорыч то и дело отходил от костра, прислушивался. Тихо... Тайга спала. Но тревога не сходила с морщинистого и загорелого, кажущегося от отблесков огня бронзовым лица дедушки.

Глава IV ПО СЛЕДАМ

Экспедиция, выступив до восхода солнца, задержалась у развилины тропы. К тропе, по которой пришли ребята, подходила с запада вторая — от станции Листвянка. Ее-то и рассматривали ребята.

Сергей Егорыч своей неторопливой, скрадывающей походкой прошел рядом с тропой, остановился у березки, под которой человек, видимо, отдыхал — трава около нее была примята. Внимательно, ни к чему не прикасаясь, оглядел это место, потом нагнулся и поднял конфетную бумажку. Подольше задержался у двух лиственниц, росших рядом. Тропа обвивалила их, но человек, должно быть, прошел между ними. Дедушка тщательно осмотрел кору и нижние сучки лиственниц. Федя, стараясь повторять все движения дедушки, шел рядом. Остальные следовали за ними по пятам.

— Ну, герой, что разведал? — спросил дедушка у Феи.

— Здесь он прошел. Под березкой лежал... съел конфету. И дальше пошел. Правильно, дедушка?

— Что правильно, то правильно. Только задача наша, прямо сказать, поважнее. Интересует нас: Алик это или не Алик. Как ты думаешь, а?

— Думаю, дедушка, так: если бы по монгонской тропе шел след, то был бы Алька, а раз по листвянской — значит, не Алька, потому что хоть он и поездом уехал, но в другую сторону...

— Ага. Рассуждаешь ты для первого раза хорошо. Сначала и я так думал, а вот сейчас немного по-другому. Здесь проходил мальчик, как ты. А что, подумай, ему здесь делать? Не цветы же собирать за двадцать верст пришел. Если сказать, что к Михеичу идет — к пожарному сторожу, так его внучата в тайгу в тапочках не выйдут... Сейчас я расскажу, что заметил, а вы соображайте... Ты, Федя, не смущайся — наука разведчика так быстро не дается... Проходил, стало быть, мальчик ростом с Пашу, но пошире в плечах, потолще. Правая нога у него немного загибается, чуть вихляет, как, к примеру, колесо с восьмеркой у велосипеда. Есть у него ружье: двустволка. Видать, очень дорогое. Затыльник у приклада не стальной, как у наших, а костяной, с резными узорами, И тут есть особая примета: уголок затыльника отбит... Не похоже на Алика, а?

— Он, дедушка, он! И ходит так; мы его косолапым дразнили. Он!.. Федька, какое у Алики ружье, помнишь? — затараторил Паша.

— Наверное, такое. Он хвастал, что в Монгоне лучше нет. Двустволка, красивая, только затыльник не заметил... Дедушка, вы все это по следам узнали? — Федя чуть не со священным ужасом смотрел на дедушку.

— По следам.

— А почему я ничего не увидел? Из всех сил смотрел.

— Почему? А потому, что хорошие глаза у тебя, но только еще не совсем так, как надо разведчику, смотрят. Этой наукой мы с вами под займемся... А еще, герои, у меня вот какое сомнение, — продолжал дедушка. — Вы все говорите: вор Алик, такой-сякой. Но мальчик, который впереди, не вор. Не воровать он идет. Страшно ему одному здесь вечером было, а он смело шел, молодцом. Плохие мысли человеку храбрости не придают. О хорошем думал мальчик...

— Нет, дедушка, тогда это не Алька! — облегченно вздохнули ребята. — Алька о

хорошем не будет думать. Значит, только похожий на него мальчишка шел.

— Ну ладно, Алик или не Алик, а надо вам его догонять. Как бы он не попал в беду.

Тропа вела серединой пади. Утреннее солнце начало пригревать. Влажная земля дышала легким, тающим в воздухе паром. Умытые росой трава и лес сочно зеленели. Одинокое ночное облачко, не успев укрыться, робко застыло на сияющем голубом небе над белой вершиной Цаган-Хада.

Вскоре ребята дошли до места, где мальчик хотел ночевать. К тропе он натаскал дров. Полусгоревшие спички, пустая коробка, пепел от бумаги, слегка обугленные сучки и помятая вокруг трава — все показывало, что мальчик долго бился, чтобы разжечь костер. Сырые гнилушки, которые он натаскал, так и не разгорелись.

— Не мог разжечь костер! Что это за мальчишка!

С помощью дедушки ребята узнали всё, что здесь произошло. Когда мальчик истратил все спички, он залез на толстую сучковатую лиственницу и решил на ней провести ночь. Его напугал страшный крик и хохот. Мальчик спрыгнул с дерева, закричал и, вне себя от страха, побежал по тропе, спотыкаясь и падая.

Экспедиция сделала короткий привал на обед и, не задерживаясь ни минуты лишней, отправилась дальше по следам. Всех волновала судьба неизвестного мальчика. Дедушка поражался его настойчивостью: несмотря на испуг и усталость, он упрямо продолжал идти к хребту. Многие на месте этого мальчишки давно повернули бы назад, к дому. Что же его так привлекало на хребте? «Описание» дороги к пади Золотой? Но даже Федя и Женя сейчас не думали, что впереди Алик. Алик был трус, он ни разу не вступил в открытый бой, делал все исподтишка. Откуда у него могли взяться настойчивость и смелость?

Падь становилась все более узкой. Высокие и крутые горы теснее сжимались с обеих сторон. Вершина Цаган-Хада скрылась за ними. Речка превратилась в небольшой заболоченный ключ, густо заросший ивой и ерником, кое-где над кустарниками возвышались низкорослые, корявые ели. Иногда попадались еловые рощицы. Ели здесь были высокие и стройные. Ребята засматривались на их вершины. Там во множестве висели крупные, как большой огурец, красивые шишки почти правильной цилиндрической формы. Но никто не подумал задержаться из-за них.

Солнце жгло. Разморенные зноем, в глубине леса лениво перекликались кукушки.

Следы говорили, что мальчик свернул с тропы в мелкий березняк и, измученный бессонной ночью и большим переходом, уснул. Проснулся он, по утверждению дедушки, за три часа до их прихода. Умылся водой из ямы и, вместо того чтобы идти к тропе, пошел в противоположную сторону.

— Заблудился? — испугались ребята.

— Заблудился. Ничего, ничего, герои, все хорошо будет! — успокоил дедушка.

Ребята с волнением следили за каждым его движением и шагом. Если на тропе и они видели кое-где отпечатки ног, то в лесу, на земле, покрытой хвоей и старыми листьями, не замечали ничего.

Посасывая трубку, Сергей Егорыч спокойно двигался вперед, только шел медленнее обычного и казался более суровым. Глаза его не отрываясь шарили по земле. Чувствовалось, что он весь поглощен отыскиванием невидимых для ребят следов мальчика. Изредка дедушка показывал Феде то на сломанный или стронутый сучок, то на едва заметную царапину на стволе дерева, на согнутый кустик, неестественно поникшую травку, неразличимую обыкновенным глазом вмятину на слое хвои и листьев. Заметить все это было так трудно, что у Феде зарябило в глазах и заболела голова. Но наконец он увидел сам, без подсказки, надломленную вершинку багульника.

Как хорошо, что дедушка оказался следопытом! Что стало бы с мальчиком без него?

След вначале вел прямо по мелкому березняку, в глубокую котловину между гор. Видимо, мальчик был уверен, что возвращается к тропе. Но вскоре, не встречая ее, он забеспокоился: свернул в сторону, в другую, повернул было назад, но опять вернулся. После этого след начал беспорядочно петлять — вел туда, сюда, крутился почти на одном месте. По поведению дедушки ребята поняли, что не сбиться со следа здесь труднее всего. Он то и дело останавливался, приседал, возвращался назад, трубка давно уже потухла; дедушка, должно

быть, забыл о ней.

Так продолжалось очень долго. Наконец Сергей Егорыч выпрямился и пошел прямо, все прямо.

Солнце склонялось к вечеру.

Дедушка обернулся к ребятам, достал из кармана кисет и вытер рукавом вспотевшее лицо.

— Ну, можно отдыхать, — устало проговорил он. — Мальчик совсем заблудился...

— Как же отдыхать? Он забредет куда-нибудь! Пойдемте быстрее! — крикнула Наташа.

— Никуда не забредет. Сейчас он сам придет сюда.

— Придет?

— Придет... — медленно садясь на валежину и освобождаясь от рюкзака, сказал дедушка. — Коль мы уж стали таежной науке учиться, то надо вам знать: если заблудится человек, то, пока еще не совсем потерял надежду, он петляет, мечется. А потом, когда так устанет, что ни думать, ни соображать не может, он начинает по большому кругу ходить. Ему-то кажется, будто прямо идет, а на самом деле он кружит и кружит...

— И если бы мы не пришли сюда?..

— Он бы и ходил по кругу, пока сил хватило. Поэтому не надо за ним сейчас идти: мы за ним, он от нас. Да, герои, тайга ни с кем не шутит. Подчиняется тому, кто знает ее. А нет — измучает, да и умертвит. Жалости у нее нет. Ну, а сейчас ложитесь да отдыхайте. Только не шумите, чтобы не напугать его.

Прошло несколько томительных часов. Ребята прислушивались и, хотя успели убедиться в опытности дедушки, начали уже сомневаться в его словах. Вдруг не придет сюда мальчик?

Дедушка устало полулежал, смежив глаза.

— Наконец-то... Идет, — проговорил он приподнимаясь.

Савраска перестал щипать траву и насторожился. Треск сучков раздался совсем близко. Раздвинулись кусты. Ребята невольно вскрикнули.

Перед ними стоял Алик...

Но какой! Оборванный, поцарапанный, с запекшейся кровью на щеке и на руках, с опухшими от слез глазами. На его лице сначала не отразилось никаких чувств. Он еще продолжал по инерции медленно, вяло шагать, опустив, как плети, руки. Наконец поняв, что перед ним люди, что он спасен, Алик закрыл лицо руками и заплакал.

Глава V ЧТО ДЕЛАТЬ С АЛИКОМ?

— Эй, ты! — крикнул Федя. — Чего расселся? Ужинать будешь, так помогай Пашке картошку чистить.

— Он тебе мешает? — вскипела Наташа. — Уходи в свою разведку! Тут без тебя обойдутся.

— Я тебя, Наташа, не трогаю. Больно ты задаваться стала! Потихе! — Федя сдвинул картуз на затылок.

— А что ты лезешь к Алику? Иди куда собрался. Иди, иди! — Наташа бесцеремонно оттолкнула Федю от костра.

Федя растерялся от неожиданности и поспешил удалиться. Алик был оставлен в покое. Он безучастным взглядом смотрел на огонь костра, изредка тяжело, судорожно всхлипывая.

Ночь надвигалась быстро. Ребята решили устроиться на ночлег тут же, где встретили Алика. Сегодня работа шла быстрее. Федя разведкал неподалеку в кустах пробивающийся между мхом и камнями ключик. Пока Паша ходил за водой и разжигал костер, Боря нарубил колышки и жердину для таганков, сделал стол и развернул свое кухонное хозяйство. Женя натянул палатку и приготовил подстилки для постелей. Наташа помогла Боре заложить продукты в котелки и принялась за починку Феединой куртки.

Сергей Егорыч отпустил Савраску пастись, с помощью ребят приволок толстые кряжи для «кабанчика» и отправился по следам Алика, чтобы найти потерянную им двустволку. Алик не мог рассказать толком, где и как он ее потерял. Федя, конечно, не упустил случая лишний раз поучиться искусству следопыта и увязался за дедушкой.

Прошло немногим больше часа, и все было готово. Табор принял уютный, обжитой вид. К ароматам смолы, лиственницы и багульника уже примешивался аппетитный запах супа, каши и поджаренного на масле лука. Вернулись с ружьем Алика дедушка и Федя.

Ужинали молча. Ребят будто стесняло присутствие Алика. Только перед чаем Паша спросил:

— Почему, Борька, по две конфеты, а не по три?

— Альку на довольствие взяли, — хмуро ответил Боря.

Федя хотел было сказать что-то едкое, но покосился на Наташу и смолчал. Женя неприязненно посмотрел на Алика и продолжал рассеянно есть, о чем-то думая. Поужинав, долго катал меж пальцев хлебный шарик. Ребята выжидательно поглядывали на него.

— Пошли, ребята, к костру, — поднявшись, сказал Женя. — Алька тоже... Будем тебя судить. За всё...

Алик, сторбившись, сел на указанную колодину. Дедушка посасывал трубку и, казалось, не обращал на ребят внимания. Над лесом в бледно-розовом, уже угасающем небе резвились черные стрижи. Пролетела, шелестя крыльями, ворона. Прогудел запоздалый шмель. Похолодало.

Алик отвечал на вопросы тихо, устало, безразличным голосом.

— Возьмите меня с собой! — неожиданно громко закончил он. — Я с вами хочу!..

— Понятно, — сказал Женя. — Значит, ребята, Алька сознался, что ночью пробрался в штаб, сломал сундучный замок, переписал дневник и срисовал чертеж дороги к поляне с фонтаном. Узнал от отца, что на Цаган-Хада ведет еще одна тропа, от станции Листвянка. У матери отпросился — будто съездить в гости к бабушке... Взял ружье, будто пойдет там на охоту со своим дедом. А сам пересел на другой поезд, доехал до Листвянки и оттуда пошел на хребет. Там, на поляне, он хотел сам тайком вырыть «Описание», дожждаться нас и уже вместе с нами отправиться в поход. Он говорил, что давно просился в наш поход, да Федька не принял. Вот он и подумал: «Описание» найти очень трудно — оно глубоко в земле. А если я сам его добуду, то удивлю всех, обрадую, и меня возьмут в поход»... Федя, теперь ты говори. Рассказывай, как дело было.

— Женя, дай мне слово! — потребовала Наташа.

— Нет, — сухо ответил Женя, — твое слово потом... Говори, Федя! Просился у тебя Алька?

— Врет он! — возмущенно ответил Федя. — Ты, Женя, зря его слушал. Разве так по-хорошему просятся?..

И Федя рассказал о разговоре между ним и Аликом на берегу Тихой.

— Его судят, и то он правду не говорит! — гневно закончил Федя.

— Не вру я... Так только первый раз было, — тихо проговорил Алик. — Я еще раз хотел. А потом подумал, что «Описание» сам найду и после этого вы меня примете...

— А ты по-русски говорить умеешь? — прищурил глаза Женя. — Наговорил так, что не поймешь. «Было, хотел, подумал»!

— Разреши-ка, Женя, и мне слово, — вмешался дедушка. — Ты, Женя, немного недопонял. Разговор о походе у Алика с Федей на самом деле был... Но есть у меня, Алик, вопрос к тебе. Сначала ты хорошо, дружно с Федей говорил. Еще немного, и вы бы договорились. А почему потом стал кричать, угрожать? Тут я тебя, прямо сказать, не понимаю. Почему так, а? Может, сначала тебя Федя обидел, а ты налетел на него уже потом?

— Нет...

— Так почему же поссорились?

Алик умоляюще посмотрел на дедушку.

— Говори, герой, говори! — мягко, но настойчиво потребовал дедушка. — Спрашивают тебя товарищи. Надо всю правду сказать,

— Мама подошла, — тихо проговорил Алик.

— Ну и что? Мама подошла, и поэтому с Федей по-хорошему уже нельзя говорить? Так, что ли?

— Мама... Мама хорошая! — вдруг крикнул Алик и с вызовом посмотрел на всех.

Сергей Егорыч прищурился, задумался, пожевал губами:

— Так... Пстой, тут что-то я того... Ага, все понял! Значит, ты хотел помочь найти «Описание». Немного не так сделал, но хотел нам помочь... Да ты подвинься к огоньку-то поближе. Вишь, какой хиус — ветерок холодный — потянул... А сейчас, ребята, чтобы совещание не затягивать, предлагаю обсудить просьбу Алика. Я за то, чтобы взять его в поход.

— Взять? Вы его, дедушка, плохо знаете! — Черные глаза Феде гневно блестели. — Да еще верите, что он помочь хотел. Как же, хотел! Украсть «Описание», вот что он хотел!

— Я сказал свое мнение, ты выкладывай свое. — Дедушка прикурил трубку от уголька и поправил костер. — Говори прямо. Послушаем. А что Алик хотел нам помочь, в это я верю. Вчера еще говорил, по следам видел, что с честной мыслью парнишка идет. И сейчас повторю то же. Как разведчик я редко ошибался. Кое в чем вы уже убедились и недаром, должно быть, следопытом прозвали. У меня всё!.. Женя, води совещание.

— Давай, Федя, свое мнение, — сказал Женя.

— Неправильно! — вскочила Наташа. — Почему Федьке второй раз слово даешь, а мне ни разу?

— Твоя очередь после Пашки. Говори, Федя.

— Не принимать! Я против, — решительно начал Федя. — К нему, дедушка, даже наука следопыта не подходит, потому вы и ошиблись. Какой он честный? Вор он! Сундук сломал. Разве партизаны ему письмо послали? Я был в ссоре с ребятами и с ним нечаянно подружил. А он тут как тут: меня подговаривал дневник и чертеж вытащить. Наташе за голубя выкуп не отдал и тоже подговаривал украсть. Хорошо так? Когда он в поход просился, я ему поверил. Я... может... я чуть не пожалел его. А он что? Никогда, ни в чем я Альке больше верить не буду! Не принимать!

Федя нахлобучил картуз на глаза и сердито повернулся к Алику спиной.

— Правильно!.. Теперь ты, Боря, — сказал Женя.

Борис неторопливо поднялся.

— Я против! — смотря на Алика прямо в упор, твердо сказал он. — Лодырь ты! В колхоз колоски собирать не ходил, больным притворился. Садик в школе садили — не работал. Пять рублей Петьке дал, чтобы за тебя ямки выкопал. Радиоприемник мы с Володией сделали, антенну натянули, а кто-то на нее курицу дохлую повесил. Не уследил за тобой Федька, и ты повесил. Некому больше. Я против!

— Правильно!.. Павел, твоя очередь...

Паша смущенно улыбнулся.

— Вот интересно, ребята, — начал он. — Сам не могу я свое мнение понять. Дрянный человек Алька, против я. А жалко его... Он, дедушка, ни на одного мальчишку не похож. Я даже план придумывал, как обезвредить его, и тот не помог. Помните, ребята, как он Борьку подвел?

— Расскажи-ка, Боря, чем тебя Алик подвел, — попросил Сергей Егорыч.

— Лучше я расскажу, — предложил Паша. — Борька пока расскажет — три часа пройдет. Он тугодум, тихо думает и говорит... У нас, дедушка, в классе все сильные помогают отстающим. Алька же никогда никому не помогал. Да никто у него и не просил. Какой-то он такой... Вот я и придумал план...

— Женя, а ведь Пашка меня оскорбил! — вдруг угрюмо проговорил Боря.

Все посмотрели на него, не понимая, в чем дело.

— Ну и оскорбил! — сообразил Паша и рассмеялся. — Я сказал только, что ты тугодум... Так вот, дедушка, я придумал такой план, чтобы из Алика человек получился. Жене рассказал, он похвалил. По плану Борьке надо было притвориться, будто он не выучил стихотворения, «Родную речь» дома оставить и попросить Альку, чтобы он помог. Хороший план? Конечно, хороший! Борька сначала упирался, а потом так и сделал. Только он перевыполнил план — взаправду стихотворения не выучил. Подошел к Альке и просит: «Помоги». Тот взял бумагу, написал. Мы обрадовались. «Вот, думаем, и Алька будет помогать нашему классу первое место занять». Написал Алька стихотворение. Оно легкое — Борька его до урока, не подумав, не посмотрев в книжку, наспех вызубрил. И как раз Мария Павловна первым вызвала Борьку.

Он и бухнул: «Солнце зеленеет, ласточка блестит, и с весною травка в сени к нам летит». Все засмеялись, а Мария Павловна рассердилась и сказала: «Как тебе, Боря, не стыдно! Садись!

Не ожидала от тебя». Альке даром это не прошло. Женя ему за весь класс наподдавал. Да и Федька подбавил.

— А может, Алик сам неправильно выучил? Может, он и не виноват? — тихо спросил дедушка.

— Не виноват?! Когда Борьку посадили, Алька руку поднял и на «отлично» ответил.

— Так... Разрешите мне еще слово, — попросил дедушка. — Ты, Женя, староста класса. Все вы пионеры. Алик, прямо сказать, плохо сделал. А ошибается человек — надо помочь. Понять надо — почему человек от людей отбил, озлился. Спросить надо: «Почему так делаешь?» Иногда и поругать полезно, да покрепче, с песочком, чтобы понял человек свои ошибки. А вы помогали Алику? Говорили с ним? Обсуждали на собрании, а?

— Нет. И обсуждать его трудно: на уроках он сидит тихо, ни с кем не дерется, всегда чистый, учится хорошо. Что Мария Павловна попросит, он бегом. Ну его! Поэтому, когда вредил, так мы его сами... чем ябедничать.

— Так... — Дедушка недовольно пожевал губами. — Продолжай, Женя, собрание.

— Какое же твое мнение? — спросил Женя у Паши.

Алик все это время не поднимал головы. Порой гримаса кривила его крепко сжатые губы. Не понять было, отчего она: от боли, от стыда или от злости. Побледневшее лицо точно окаменело. Ребята избегали смотреть на него. Только Наташа изредка поглядывала в его сторону и теребила косички, переброшенные на грудь.

— Я, ребята, воздерживаюсь. Ни против, ни за. Воздерживаюсь, — смущенно улыбнулся Паша.

— Трус! — вскочила Наташа. — Трусые вы все! Испугались, что Алька пойдет с нами в поход! Он просится к нам, а вы? Хорошо это, по-пионерски? Может, ему самому плохо, что он такой. Вот! Я — за Альку. Принять! — крикнула Наташа, сердитым движением головы отбросив косички назад.

— Трусое здесь нет, Наташа! — Женя строго сдвинул брови. — Нет трусов! И смотреть нечего на него. Насмотрелись. Всё про него правильно говорили. А одно забыли. Кто был врагом тимуровцев? Алька! На лужайке с маленькими ребятами мы возились — кто нас «няньками» дразнил, «бабушки» кричал? Алька! Когда больной тете Мартыновой картошку из склада решили привезти, кто велосипеда не дал, чтобы мешок наложить? Алька! А сейчас просится. Заботливым представился. Помочь хотел... А кто радовался, когда тимуровцев не стало? Тоже он. Рано ты радовался! Опять будут тимуровцы, будут! Принять такого?! Пашка, пиши приказ!

— Подожди-ка, Женя, постой-ка минутку. Тут, мне кажется, надо Алику слово дать.

— Какое ему еще слово?

— А вот какое... — Дедушка заметно оттягивал время. — Что-то у нас сегодня костер плохо горит... Вот какое слово. Алик всю жестокую правду про себя выслушал. И надо его спросить: может, он уже сам не захочет с нами пойти?

— Не буду я его спрашивать!

— Тогда позволь-ка мне... Прошу тебя, Алик, ответь: не передумал ты, с нами пойдешь или домой? Дадим тебе продуктов, проводим немного, путь тебе знаком... Как?

— С вами... — едва слышно прошептал Алик.

— Учти, Женя, последнее слово Алика, — спокойно, однако чаще обычного попыхивая трубкой, сказал Сергей Егорыч.

— Нечего учитывать, дедушка... Пашка, бери тетрадь!

— Двое против, двое за, один воздержался. Стало быть, Женя, твой голос решает судьбу Алика. Подумай... — опять проговорил дедушка.

Пожалуй, ни это, ни какое другое предостережение не подействовали бы на Женю. Перед ним был извечный старый враг, враг тимуровцев.

— Пиши! — твердо повторил Женя.

Но тут взгляд его упал на Алика. Отрешенностью, горьким одиночеством веяло от всей фигурки этого мальчика. Он съежился, как перед ударом.

Женя растерянно оглянулся на дедушку.

— Подумай сам, Женя, — негромко сказал тот.

Женя побледнел, поправил галстук.

— Пиши... «Большинством голосов постановили... — Женя замолчал, все еще колеблясь, и опять посмотрел на Алика. — ...постановили Альку взять в поход». Добавь, Пашка: «Нашего врага!» — почти крикнул он.

Женя отбежал от костра. Скверно, очень скверно чувствовал он себя. Он вспомнил покосившийся домик на берегу Тихой, вспомнил, как хорошо бывало там и как ухитрялся этот чистюля и тихоня омрачать их самые веселые, дружные дни. И еще... Никогда не забыть Жене той ехидной улыбки, скользнувшей по тонким губам Алика, когда тот узнал, что тимуровской команды нет, что на штабе повешен замок.

Женя вспомнил всё. Но сейчас он все-таки не мог мстить Алику: такой тот был слабый, побитый...

— Ну, что ты, Женя? — незаметно подошла к нему Наташа.

— Ничего...

— Правильно ты сделал! — проговорила девочка.

Глава VI ВСТРЕЧА В ЧЕРНОЙ ТАЙГЕ

— Гуля... Гуля... Гуленька! — не поднимаясь с постели и просунув руку в клетку, ласкала Наташа голубя. — Боря, давай обменяемся: я тебе дам пшена, а ты сечки. Может, лучше поклюет. Ладно?

— Он, Наташа, рассчитывает, сколько с тебя придачи взять, — пошутил над завхозом Федя. — Да, Борька?

Весело и живо, прерываемый вспышками смеха, прошел завтрак. Утренние лучи едва проникали сквозь нежное и бисерное кружево молодых листьев березок, окружающих табор. Веяло свежестью и бодростью. Далеко вокруг расстилалось чистое и ровное редколесье. Всюду уходящие вдаль стволы и стволы: белые — березок, золотисто-желтые — сосен, темные — лиственниц. Вкрапинками лиловели редкие цветочки на кустах багульника. И всюду мирная прохлада и тишина. Только распевают птички. Такой тайги, значит, нечего бояться. Третий день идут, убедились.

В веселом настроении ребята стали готовиться к выходу. Ведь сегодня они дойдут до поляны с фонтаном. Выкопают «Описание», и уже будет известно, в какой стороне, за сколькими хребтами и перевалами находится падь Золотая. И сегодня вечером или завтра чуть свет полетит голубь, унося победную весть всему Монгону.

Ребята торопливо мыли и протирали посуду, свертывали постель, укладывали палатки, заливали костер. Но дедушка, снимая палатку, все чаще останавливался, хмуро поглядывая то на ребят, то на сидящего в стороне Алика. Когда тот отошел далеко в сторону и прикорнул на мягком мху под деревом, дедушка поманил ребят к себе.

— Что-то я вчера и сегодня приказа по экспедиции не слышал, — заговорил Сергей Егорыч. — Не писали, Женя, что ли?

— Все приказы, дедушка, есть, — ответил за него Паша. — И Женя подписал. Вечером прочитаю. Сейчас некогда.

— Некогда... Больно заторопились. Как я понимаю, приказы пишутся для всеобщего сведения и читаются немедленно.

— Кончай работу, ребята! — закричал Женя. — Паша приказ зачитывать будет. Небольшой — недолго.

— Он совсем короткий, — сказал Паша, — про Альку. Я хотел подлиннее, да Женя поправил: нечего зря слова на него тратить. И правда. Читаю.

«Приказ № 2

Нашли Альку. Устроили собрание. Голосовали.

Постановили: Большинство голосов нашего врага Альку считать членом экспедиции».

Все...

— Ладно, — махнул рукой дедушка. — Хорошо не хорошо, а тебя не переспоришь... Хочу, герои, вот о чем поговорить. Приказ написан, и надо полагать, что он имеет полную законную силу. Так?

— Так.

— Ага. А что значит: «Считать членом экспедиции», а?

— Ну, что? Считается — и всё.

— Эге! Оказывается, полной ясности нет. Вот тут-то, вижу, вам без советника не обойтись. И, поскольку я назначен главным советником, вынужден по долгу службы разъяснить. «Считать членом экспедиции» — значит, он пользуется всеми правами — раз. Принимается на полное вещевое и продовольственное снабжение — два. И вот какие замечания я, как советник, делаю. Непонятно мне, почему главный повар за завтраком повторил, что Алику из нашего пая питание выделил, когда Алику, согласно приказу, полагается свой законный пай? Почему главная портниха видит, что у Алика куртка порвана, и не принимает мер? Почему начальник экспедиции даже бровью не повел, когда Наташа сказала, что у Алика тапочки совсем порвались, не в чем идти? Вот так! Что полагалось главному советнику, я сказал и иду ловить Савраску. А дальше — мое дело маленькое.

— Договорились!.. — присвистнул Паша.

— «Договорились»! — передразнил Федя. — Выходит, ему все свое отдать! А он бы нам отдал?

Раздались голоса:

— У маленьких девчонок копилки выманил — тоже для Алика?

— Порвать приказ, а его прогнать!..

— Хватит!.. — перебил Женя, бросив в ту сторону, куда ушел Алик, злой взгляд. — Боря, выдай ему запасные бродни да покажи, как портянки заворачивать. Он, конечно, не умеет. Наташа, помоги куртку зачинить... И ты, Боря, больше не говори, что из нашего пая...

— Что же я скажу? — уныло возразил Боря.

— Ничего не говори — и всё.

— Чем я его кормить буду?

— Ну, чем... Немного лишних продуктов ведь есть?

— Нету. А если, Женя, сказать дедушке, да и переголосовать?

— Нельзя, Боря, — невесело улыбнулся Женя. — Давай лучше пересчитаем продукты. Может, найдем лишнее.

Считать пришлось недолго. У Бори был образцовый порядок: все продукты, полагающиеся на день, сложены в отдельном мешочке. Двадцать дней похода — двадцать мешочков; два уже опростались. Был еще один мешочек, всех больше. В нем оказалось самое лучшее: белые сухари, шоколадные конфеты, баночка какао, рис. Это, как объяснил Боря, неприкосновенный запас. Предназначался для самого безвыходного положения и питания больных.

— Видишь? Нет лишнего!.. — твердил Боря.

Правда, запас был, и Боря с Женей о нем прекрасно знали. Если читатель помнит, путешественники закупали продукты по таежному закону: «Идешь в лес на день, собирайся на два». Но никому не хотелось и заикаться об этом запасе. Закон есть закон.

— Нету лишнего. Не буду кормить. Скажи, что приказ недействительный! — стоял на своем Боря.

Женя вдруг серьезно посмотрел на него:

— Вчера мы Альку обсуждали? Решение приняли?

Всё! Слово свое нельзя нарушать. Если хочешь, чтобы мы болтунами оказались, — не корми...

Боря стал молча укладывать мешочки в сумы.

Наконец экспедиция тронулась и скоро вышла обратно на тропу.

Падь кончилась. Долгое время тропа вела по каменистому распадку. Камни поросли лишайниками разного цвета — темного, серого, белого, отчего распадок казался пестрым. Под

камнями журчала вода. Ключ здесь, как выразился дедушка, «ушел под землю». Только в некоторых местах, где журчание слышалось особенно громко, звуки были такие, точно вода вливалась в бутылку, — через щели в камнях можно было увидеть стремительно скатывающиеся светлые струи. Выше по распадку ключ, видимо, иссяк: журчания не стало слышно. Как всегда бывает, когда нет воды, сразу захотелось пить. Сергей Егорыч посоветовал «послушать» камень. Ребята отчетливо услышали слабые шорохи и всплески. Стоило приподнять голову от камня, и звуки прекращались. Дедушка рассказал, что таежникам в засушливое время иногда приходится таким подслушиванием находить воду. Скоро и ребята нашли исчезнувший ключ — он протекал у самого подножия горы, глубоко под россыпью.

Распадок все теснее сжимался горами. У самой кромки леса под надежной защитой от холодных ветров нежились под солнцем кусты черной смородины с будто прозрачными стебельками и широкими душистыми листьями. Смородина цвела, около беленьких цветочков кружились, сердито жужжа, осы и дикие пчелы.

Ребята легко перепрыгивали, а где нельзя было обойти, шагали по кустам так, как мальчишки осенью, когда пробуют по реке первый лед.

Потом тропа повела на гору. Начался такой лес, какого еще ребята не видели. Сосны встречались всё реже, но лиственницы, березки, ольховник и удивительно высокий — выше дедушки — багульник росли так густо, что в нескольких шагах ничего не было видно. Вверху над тропой ветви переплетались, и ребятам казалось, что они идут по зеленому туннелю.

Уже через несколько минут настоящая тайга дала о себе знать. В чаще что-то метнулось, затрещало, затопало и сразу стихло. Все немедленно остановились. Дедушка, осторожно раздвигая ветви, силился сквозь чащу рассмотреть насторожившегося зверя. Вскоре опять затрещало — на этот раз зверь убежал далеко.

— Козочка, — вполголоса сказал дедушка.

Ребята сразу успокоились, но почувствовали, что события надвигаются. Это был первый настоящий дикий зверь, встреченный экспедицией. Значит, в этом-то лесу живут и рыси, волки, медведи...

Все притихли.

Скоро стали попадаться первые кедр. Ребята с невольным уважением посматривали на них.

Кедр! Суровый властитель северных лесов!

Пока попадались еще только небольшие кедр-подростки. На первый взгляд они походили на сосну, но стоило приглядеться внимательнее, как всякое сходство пропадало. У сосенок ветви задорно и радостно тянутся вверх, к солнцу; сосенки всегда кажутся веселыми, жизнерадостными. Приятно пройти по сосняку: там светло, сухо, почти не умолкают птичьи голоса. Не то — кедрач!

Кедрач встречает пришельца глухим безмолвием, предостерегающим шумом ветра в вершинах, мрачным полусумраком. Даже в маленьком кедре нет ничего радостного, детского. Он точно сразу родится стариком, безучастным ко всему веселому. Ребятам казалось, что каждое дерево следит за ними с холодной отчужденностью и скрытой враждебностью.

Взрослые кедр производили впечатление чего-то еще более дикого и угрюмого. Хвоя на них была такой густой, непроницаемой, что совсем скрывала верхнюю часть ствола. Нижние ветви, а у более старых деревьев и ствол обросли лишайником, похожим на распушенные длинные седые волосы.

Постепенно кедр вытеснял остальной лес. Но это была еще смешанная тайга. Кедрач иногда прерывался островками березняка, мелкой лиственницы и ольховника. Однако таких светлых островков становилось всё меньше и меньше. Чувствовалось, что экспедиция вступает во владения одного кедра.

Начиналась черная тайга. Более дремучего леса невозможно даже представить. И, конечно, здесь происходили те кровавые драмы, слухами о которых полна земля.

Начался такой лес, какого ребята еще не видывали.

Тропа петляла, обходя столетние могучие великаны, валежины, пни.

Ребята с нетерпением посматривали вперед, надеясь вот-вот увидеть поляну, на которой закопано «Описание». Подгоняли Савраску, торопясь пройти страшное место. Но дедушка сказал, что до поляны еще не менее десяти километров.

— Следы! Кто-то проходил! — крикнул Федя, который, подражая дедушке, пристально смотрел под ноги.

— Точно, Федя, — сказал дедушка. — Давай-ка, герой, будем думать, кто проходил...

— Ого! Следы так следы! Больше ваших. Взрослый охотник проходил. И тоже к поляне.

Ребятам стало даже веселее от этих слов. Сознаться — в кедраче даже днем было по-настоящему страшно. И то, что где-то рядом есть еще люди, придавало им бодрости.

А дедушка вел себя совсем спокойно. Ружье на плече, назад даже не обернется и все свою трубку посасывает.

— Гм... — прищурился он. — Для начала, Федя, можно сказать, неплохо. Посмотрим еще, да получше. Должны мы узнать, как этого охотника звать.

— Звать? — удивился Паша. — Тут уж, дедушка, никак не узнаешь. Если бы он расписался...

— Не лезь, затопчешь! — остановил его Федя, рассматривая след с видом знатока.

— А он и расписался, — продолжал дедушка. — Расписываются, брат, не только в приказах. Сейчас роспись найдем. Так... так... Вот видишь?

— Ой, когти!

Федя испуганно взглянул на дедушку.

— Совершенно правильно: когти. Быть тебе следопытом! Ну, а дальше? Кто тут с когтями шлялся?

— Зверь!

— Как говорится, не в бровь, а в глаз. Ну, а какой зверь?

— Может... не хищный? — стараясь казаться спокойным, проговорил Паша.

— «Не хищный»! — передразнил Федя. — Такие когти, да не хищный? Козочка, по-твоему, с когтями бегают?.. Это рысь! — оглянувшись на дедушку, вполголоса сказал он.

— Маленько ошибся. Поднимай, герой, выше.

— Волк?

— Еще чуть повыше. У волка след небольшой, на собачий походит.

— М-медведь? — не решаясь сказать это грозное слово, пролепетал разведчик.

— Вот это да! Медведь! — набивая трубку, подтвердил дедушка. — Вот и узнали имя охотника. А дальше я тебе немного помогу: сказать прямо — не медведь, а загляденье, пудиков на пятнадцать. Хо-ороший медведище! Определяем дальше. Давно он здесь бродил?

Федя был один у следа. Ребята сгрудились сзади дедушки. Женя подвинулся и подтолкнул Наташу, так что она оказалась между ним и Борей. Алик, не решаясь подойти или, может быть, не в силах тронуться, стоял отдельно ото всех. Женя, не глядя на него, за рукав потянул его и поставил рядом с Наташей. Все как зачарованные усталились на большой и широкий отпечаток лапы с глубоко вдавленными в глину изогнутыми когтями.

— Ну, ну... Определяй, — поторопил дедушка.

Федя посмотрел на ребят, тяжело вздохнул. Вдруг от общей группы отделился Женя и стал рядом. У Феде чуть отлегло от сердца.

Он наклонился и поковырял землю рядом со следом, чтоб посмотреть, насколько он высох, и по этому признаку определить, давно ли проходил зверь. След был совсем свежий.

— С час назад... — проглотив слюну, прошептал Федя.

— Много, герой. Тут ты ошибся — не учел, что ветер дует и солнце припекает, влага быстро высыхает. За десять минут перед нами медведь проходил здесь.

— За десять минут?!

Федю с Женей точно сдуло от следа.

— Дедушка, что будем делать?! — Все заговорили шепотом.

— Что? Придется, герои, опять по приказу. Куда от него денешься? Там сказано: «По тревоге... все немедленно бегут, кроме дедушки...» Я, стало быть, должен охранять Савраску, сзади с ним пойду, а вы впереди. И будут у Савраски две защиты: сначала вы, а потом я. Только попрошу себе на помощь Наташу. Может, Савраска запах медвежий почует, и мне с ним одному не справиться.

— Неправильный, дедушка, тот приказ! — сделав отчаянное лицо, сказал Паша. — Зачем Савраску охранять? Он и так не убежит. Пошли, дедушка, вместе.

— Что не могу, то не могу, — с искренним сожалением ответил дедушка. — Я за приказ голосовал. Как же, скажи пожалуйста, мне его нарушить?

— Не мог по-другому приказ написать! — толкнул Федя Пашу.

— Не знал я... Знал бы, что так случится, иначе бы написал!..

— Я с вами не пойду, дедушка! Не пойду! — неожиданно выступила Наташа. — Все равно вы неправильно делаете. Как самое опасное, вы к своему Савраске, а ребят вперед! Нехорошо так! Не пойду с вами, с ребятами пойду!

— Наташа! — строго проговорил Женя.

— Неправильно, дедушка! Нехорошо!

Дедушка, растерянно и обиженно моргая, смотрел на Наташу. Потом нахмурился и наклонил голову, тербя ус.

— Приступаем к выполнению приказа, — смотря поверх ребят, сухо заговорил он. — Приказ есть приказ. Написан, подписан, мое дело выполнять. Так... Как главный советник, излагаю план обороны.

Дедушка выдал каждому по заряженному пулей патрону. Наконец-то! План обороны был таков. Когда медведь будет близко, дедушка подаст сигнал криком кедровки. Он тут же очень искусно передал крик этой небольшой пестрой птицы. По сигналу все останавливаются и ждут, пока зверь выйдет на тропу или чистое место.

По второму сигналу ребята все сразу громко закричат для того, чтобы зверь повернул голову. И, когда зверь бросится на них, — прицеливаются и стреляют. Стрелять нужно только в

голову. Чехлы топориков расстегнуть! Пока зверь не появится, патроны вкладывать в ружья ни в коем случае нельзя: таковы правила групповой охоты.

— Когда появится, тогда и заряжать? Мы ведь не успеем...

— Успеем! — усмехнулся дедушка. — Понятно?

— Понятно... — раздался чей-то неуверенный голос.

— Ну, трогаем! Да смелее, смелее, герои!

Наташа сердито отошла от дедушки и стала рядом с Женей.

— Смелее! — проворчал Паша. — Хорошо так говорить... сзади-то...

— Ничего я, ребята, не понимаю! — прошептал Женя. — Наверное, правильно дедушка говорил, что звери не нападают.

— На него, конечно, не нападают... Врут, что ли, все люди? Помните, сколько газет тогда ему принесли? Пастухи, путевые обходчики, всякие рабочие описывали, как на них волки нападали. Волки! А тут медведь. Вот сейчас нам даст...

Осторожно, стараясь даже не дышать, с ружьями наизготовку шагали ребята по тропе. В некотором отдалении шел дедушка. Сзади всех плелся Савраска.

Невидимые в чаще, то и дело с шумом взлетали рябчики. Сердито зафурчала белка и, легко, как на крыльях, перескочив с дерева на дерево, затаилась в ветвях. Черный, как уголь, тетерев-косач взлетел из-под самых ног с таким грохотом, — будто взорвался, — что ребята на мгновение присели. Дичи становилось все больше. Однако ребятам было не до нее. Они вздрагивали от каждого шороха...

И вдруг крикнула кедровка! Дедушкин сигнал.

Ребята мгновенно остановились. И сразу же увидели, как впереди, метрах в пятидесяти, сильно заколебались вершины ольховника и березок. Там шел он. Ближе... Ближе... Что-то тяжелое глухо упало на землю: видимо, он отшвырнул колодину. Послышалось сопение, чавканье.

Шум на минуту прекратился. Это было еще страшнее. Значит, зверь почуял людей, сейчас бросится, сейчас!.. Зарядить бы ружья, но почему не шевелятся руки?

Кусты опять затрещали, заколебались, и на тропу вышел... медведь.

Не замечая ребят, неуклюже ковыляя, он подошел к муравьиной куче, ударом лапы разворотил ее и, высовывая длинный красный язык, чавкая и облизываясь, принялся слизывать муравьев.

Медведь был такой могучий, огромный и страшный, что все прежние представления о нем показались ничтожными. Да, это самый сильный, самый кровожадный и свирепый зверь. Вот она наконец, неизбежная встреча. Савраска вскинул морду и попятился. Дедушка закрыл ему фуражкой глаза и одной рукой сильно натянул узду. В другой он держал свое знаменитое ружье.

Ветер дул от медведя. Не замечая и не чувствуя людей, он лакомился муравьями, даже урчал от удовольствия.

Крикнула кедровка. Сигнал, приказ!

— А-а!.. О-о!.. У-у!.. — хрипло и вразнобой закричали ребята.

Дальнейшее произошло мгновенно, как во сне или как в кино, если лента быстро-быстро побежит. Словно кошка, если ее напугают сзади, медведь подпрыгнул на всех четырех лапах, жалобно рывкнул и, увидев людей, быстро — быстрее лошади, мчащейся галопом, — смешно подпрыгивая куцым задом, бросился удирать вверх по тропе. Потом, не останавливаясь, оглянулся. Вид у него был, как у собаки, которая, поджав хвост, убегает в ожидании, что ее вот-вот ударят палкой. Жалобно рывкнув еще раз, медведь метнулся в чащу.

Несколько мгновений доносившийся до ребят треск показывал, что зверь продолжает убегать сломя голову. Все это длилось восемь — десять секунд, не больше...

— Хо-хо-хо! — поджимая живот, смеялся дедушка.

— Ха-ха-ха! — до слез, радостно и весело, смеялись ребята.

С их глаз точно упала пелена. Страх уже отступил однажды, когда в сумерки они побежали одни выручать Федю и ничего не случилось. Отступил и во второй раз, когда дедушка крепко спал, а кругом ходили и кричали звери, но ни один не тронул их. Страх совсем исчез сейчас, будто убежал вместе с медведем. И как сразу хорошо стало!

— Ну, а сейчас, герои, давайте мириться, — сказал дедушка, подходя к ребятам и пряча под прокуренными усами виноватую улыбку.

— Мириться? — переглянулись ребята, уже о многом догадываясь.

— Да, да. Говорил я вам, что не трогает зверь человека? А вы не поверили. Наслушались да начитались разных сказок, идете да озираетесь. Нам надо начинать тайгу изучать, наукам таежным учиться, а у вас голова всякой чепухой забита. Страшна бывает тайга, верно, но не тем, чем думаете. Да-а... Ну, а бегай я везде с вами, вы бы до сих пор считали, что не вас, а меня звери боятся. До самой пади Золотой пугались бы.

...Тропа, извиваясь, вела все выше и выше. Смешанная тайга сменилась сплошным кедрачом. Такой тайги нет даже на картинках. Кедр, высокие и могучие, стояли один к одному. Солнечные лучи не проникали сквозь густую хвою, и, несмотря на полдень и разлитый в воздухе зной, здесь было прохладно. Мелкий кустарник и ольховник встречались редко, и от этого тайга казалась чистой, будто подмели ее. Земля была устлана ровным слоем темно-зеленого мха, какого ребята нигде не встречали: стоило сойти с тропы, и нога мягко погружалась в него по щиколотки.

Ребята оглашали лес звонкими голосами. Они отбегали далеко в сторону, чтобы ближе посмотреть на белку или рябчика. Рябчики были совсем непугливыми. Пестренькие от головки до кончика хвоста, эти птицы вполне оправдывали свое название — они были правда рябенькие. Рябчики подпускали почти вплотную. Они начинали беспокоиться только тогда, когда ребята подходили совсем близко, взлетали, но тут же садились на дерево. Издавая красивые звуки — будто шелестит сухой лист осины при ветре, — они вытягивали шеи, перепархивали с сучка на сучок.

Федя увидел крупную, больше индюка, черную птицу.

— Ребята, глухарь! — крикнул он.

Глухарь степенно отходил от людей, щелкая клювом и ворочая головой, на которой выделялись красные, точно нарисованные кровью брови. Ребят озадачила такая смелость птицы.

По рассказам охотников они знали, что глухарь самая осторожная из птиц. Паша решил, что это раненый глухарь; так или иначе он попадет в зубы лисе. Паша предложил поймать его и зажарить на обед.

Впервые Пашин план сразу понравился Боре. Подсчитывая в уме, сколько можно будет сэкономить продуктов, и представляя, как обрадуется этому Женя, он первый, растопырив руки, побежал к глухарю. Боря был уже в нескольких шагах, как вдруг глухарь тяжело поднялся и полетел. Главный повар с таким несчастным видом смотрел вслед полупудовой птице, что Наташа, а за нею и остальные покатались со смеху. Не смеялся один Женя. Боря растерянно обернулся к Наташе, посмотрел на Женю и огорченно покачал головой. Потом хмуро сказал, что уж больше никогда и ничего он не будет делать по Пашиному плану.

Посмеявшись над охотником, дедушка объяснил странное поведение глухаря. В это время они линяют и очень неохотно, только в случае крайней необходимости, поднимаются на крыло.

Как ни интересно было идти сейчас по тайге, ребята всё с большим нетерпением и волнением посматривали вперед: скоро должна быть поляна.

Экспедиция шла по кедрачу от места встречи с медведем уже больше двух часов и все время, правда чуть заметно, поднималась в гору.

Наконец сплошная стена леса оборвалась, открылось чистое место, ярко залитое солнечными лучами. Ощущение у ребят было такое, словно в полутемной комнате распахнулись ставни и туда ворвался яркий дневной свет. Глаза невольно щурятся.

— Поляна! — крикнул Федя. — Пришли!

Глава VII «ОПИСАНИЕ»

Это была, видимо, та поляна, о которой писал в своем дневнике партизан Сергей. Посреди поляны из камней высоко бил фонтан. Струя воды взлетала над землей метра на три и сверху, потеряв силу, тысячами брызг и струек ниспадала обратно.

Ребята залюбовались. Стройный водяной столб не колебался. Струи легко, ровно неслись вверх. Если бы не однообразный шум тысяч падающих капель, можно было бы подумать, что здесь расцвел хрустальный, невиданной формы и красоты цветок, поднявшийся над землей на тонкой хрустальной ножке и распутившийся высоко в воздухе. На поляне не росло ни одного деревца и кустика, зато буйно разрослась молодая трава. Проголодавшийся Савраска, отмахиваясь хвостом от слепней-паутов и мух, жадно щипал ее.

— Не та поляна! Дом! — раздался вдруг голос Феде. — Женя, не сюда пришли!

Это известие будто ударило ребят. Они оставили выюки и бросились навстречу Феде.

— Вон дом! Не та поляна! — кричал тот.

В самом деле, на краю поляны, почти совсем укрытый молодым кедрачом, виднелся дом с крышей, трубой и окнами. В дневнике о нем не упоминалось. Даже наоборот — партизаны писали: «Льет дождь... Холодно... Ни одного домика, ни одной землянки от самой пади Золотой...»

Ребята ошеломленно смотрели на главного советника.

— Как же так? — растерянно проговорил Женя. — Вы говорили, что другой поляны с фонтаном нет.

— Говорил.

— Что же получается? В дневнике совсем про другую поляну написано. Дома не должно быть...

— А получается то, что наш разведчик сплеховал. — Дедушка посмотрел на Федю. — Не узнал толком и закричал: «Дом! Не та поляна!» А дом-то когда построили? Сколько лет стоит?

Узнай, определи. Правило разведчика: семь раз проверь, а потом докладывай. Ведь дневник-то двадцать шесть годов назад писали.

Федя смутился и побежал к дому. Ребята — за ним.

Дедушка оказался прав. Самый неопытный человек по первому взгляду мог убедиться, что дом построен недавно. Бревна еще не очень потемнели. Федя облазил, его со всех сторон и сообщил ребятам точную дату постройки. На одном бревне было вырезано — «1940 год».

Значит, та поляна.

Ребята бегом вернулись к фонтану. Федя определил по компасу направление точно на восток. Женя отмерил двадцать пять шагов.

— Здесь! — стукнул он лопатой и сразу же принялся копать.

Все окружили его и, суетясь, толкая один другого, бросились помогать. Феде стало тесно, он оглянулся — рядом работал Алик.

— Уходи ты! — сквозь зубы процедил Федя.

Алик покорно отошел. И в ту же минуту от сильного толчка в грудь Федя полетел на спину. Он мгновенно вскочил, разыскивая обидчика, и опешил. Перед ним стояла Наташа и смотрела гневно, в упор.

— Что ты? — оторвался от работы Женя.

— Ничего! — буркнул Федя. — Упал я нечаянно...

Скоро лопата стукнулась о камень. Как ребята ни расширяли яму, везде был камень. Он оказался таким большим, что, несмотря на общие усилия ребят и дедушки, не трогался с места. Стало ясно, что «Описания» здесь нет.

— У партизан шаги большие, а мы отмерили маленькими, — подумав, сказал Боря.

Ребята ухватились за эту мысль, но их ожидала новая неудача. Под тонким слоем дерна опять оказался сплошной камень. Все устали, исцарапали руки. Женя с Пашей перечитывали дневник.

— Может, «Описание» уже давно кто-нибудь выкопал? — высказал предположение Алик. Никто ему не ответил.

— Стоп, Женя, — крикнул Паша, — не там копаем!

— Почему, Паша? Тут всего шагов десять будет.

— Ну да, десять шагов... Боря говорит — больших шагов. А мы. Женя, забыли, что партизаны были раненые, кое-как шли. Значит, шаги у них особенные. Сейчас мы точно узнаем. Дедушка, представьте, будто вы партизан, будто вы, раненый и больной, закопали «Описание» и измеряете, сколько шагов от фонтана. Все представьте, как в дневнике написано. Только шаги чуть побольше делайте. Партизаны выше вас ростом были.

Дедушка молча подошел к фонтану и, не обращая внимания на летящие брызги, полуприкрыл глаза, задумался, наклонил голову. Потом оперся на двустволку, как на костыль, и тяжело шагнул. Вторая нога его волочилась.

Он останавливался, с трудом переводя дыхание, припадал к земле, поднимался, опираясь на ружье и, точно преодолевая страшную боль, с неимоверным усилием передвигал волочившуюся ногу.

Ребята и не думали, что дедушка может так представлять, словно актер. Готовый было вырваться у них смех замер. Как бывает в кино, им вдруг показалось, что все это правда, что великий герой, да, сам великий красный партизан дядя Сережа, только сейчас закопал «Описание» и измеряет до него расстояние. Вот он запишет в дневник количество шагов и, окончательно лишившись сил, рухнет в траву. Он сделал все, что мог: рассказал своим товарищам, советским людям, как найти сказочную падь Золотую. Ему самому больше уже никогда не суждено ее увидеть...

Дедушка выпрямился и сказал обычным голосом:

— Копайте-ка, герои, здесь.

Однако ребята не трогались с места. Далекое прошлое, вставшее перед их глазами, не исчезло. Ведь, может, на том месте, где они стоят, лежал дядя Вася. Партизаны лежали долго. Лил холодный дождь. Наконец дядя Сережа очнулся. «Пойдем, Вася... Вдруг „Описание“ не найдут... Пропадет тогда Золотая падь...» И пошли. Поползли, припадая, цепляясь за мокрую, скользкую землю, живые только одной мыслью: «Дойти!»

А осенний дождь все лил, лил. Глухо шумел темный кедр. Тоскливо подвывал ветер.

— Где же они сейчас? Где? Неужели так никогда не узнаем и не увидим?..

— Ну, полно, полно! — пощипывая ус, приговаривал дедушка. — Экий я дуралей... устроил спектакль. За работу, за работу! Копай-ка, Женя! Скажи пожалуйста... Начальник экспедиции, что раскис, а?

Наконец Женя, сделав над собой усилие, начал рыть.

— Помогайте, ребята! — строго сказал он.

Работа и вновь появившийся азарт мало-помалу отогнали нахлынувшие мысли.

Скоро лопата опять стукнулась о камень. Но, когда ребята расчистили дерн, они увидели, что на этот раз камни были мелкие, не такие, как в первых ямах. Под камнями виднелось гнилое дерево.

— Здесь!

Они осторожно разобрали камни и выбросили рассыпающиеся от прикосновения гнилушки. Под ними было еще что-то, похожее на круглый плоский булыжник. Когда ребята вгляделись, то увидели, что это не булыжник, а заржавленная, почерневшая фляга.

— Нашли! Вот оно!..

Паша от нетерпения глотал воздух и силился что-то сказать. Боря хлопал себя по бокам и приплясывал. Женя широко улыбался и размахивал руками над головой, будто молча кричал «ура».

— Пойдемте, герои, в дом. Там и прочитаем, — предложил дедушка.

Ребята столпились у стола. Фляжку пришлось разрезать. Проржавевшая до дыр, она резалась легко, как тонкий картон. Скоро из нее был извлечен темный матерчатый сверток. Женя осторожно разматывал слой за слоем — видимо, «Описание» было замотано в бинт. Наконец показалась бумага. Смахнув выступивший на лбу пот, Женя долго разворачивал слежавшийся, покрытый пятнами плесени лист.

Все следили за каждым его движением.

— «Описание... дороги... Золотой...» — прерывающимся голосом прочел Женя. — Оно, ребята! Только много слов стерлось, трудно разобрать. Берите карандаши, сразу перепишем. Во второй раз бумагу не развернуть, рассыплется.

Общими усилиями ребята разбирали каждую букву. Когда записали все, что могли разобрать, получилось так:

Описание дороги Золотой отплысеер через гольцы ошркой пади сер Мертвое озо
версевсер Кислый Сев запад север восток обхдалеком пям себелягра сразу зайпдьол.

— Вот тебе на!

— Шли, шли...

Ребята удивленно переглянулись и опять уткнулись в бумажку, силясь вникнуть в смысл этой тарабарщины.

— Ну что? — первым заговорил Федя, обращаясь к Алику. — Воровал и зря! Выкуси-ка Золотую падь!.. Смотри-ка, он уже и голубя держит! Тоже письмо Володе послать собрался? Зачем голубя взял? Твой он?

— Мешает тебе Алька?! — вскипела Наташа. — Я ему голубя дала. Федька, в последний раз предупреждаю...

— Мешает! — крикнул Федя, сдвинув картуз на затылок. — И ты не заступайся, а то...

— Ну, скажи — что!

— Федька, не задирайся! — неожиданно вспылил и Паша.

— Эх ты, планщик! Ну-ка, придумай сейчас план! Что, нос повесил?

— А ты разведай!

Обида от неожиданной неудачи готова была вылиться в общую ссору. Минута — и началась бы потасовка.

— Дай ему, Федька! А ты, Пашка, чего смотришь? Начинайте драку! — перекрыв шум, раздался спокойный голос.

Сразу притихнув, все обернулись на него.

Женя, сдвинув светлые брови, сурово смотрел на ребят.

— Что же вы не деретесь? Подеритесь! Легче будет, поможет падь Золотую найти... Драться? — прищутив глаза, тихо продолжал Женя. — При дедушке? При этом... Альке? Другого места нету?

Драчунов точно холодной водой облили.

— Из-за вашего Альки все и получается! — пробурчал Федя, отходя к столу.

Паша, смущенно улыбаясь и поправляя свой хохолок, уткнулся в «Описание».

— И думать нечего. Сам черт не разберет... — пропыхтел через несколько минут Федя.

— А ты, Пашка, чего в угол уставился?

— Эх, Женя! — вздохнул Паша. — Первый раз в жизни удалось по-настоящему разозлиться, и то ты не дал. А сейчас, наверное, больше никогда не получится.

— Ты над «Описанием» думай.

— А что тут придумаешь? Какие-то буковки — и всё...

Женя сердито отвернулся от ребят:

— Дедушка, а вы почему не разгадываете «Описание»?

— Чему не мастер, Женя, тому не мастер, — развел руками дедушка. — У меня для разгадок всяких таких закорючек склад ума не подходит. Не могу.

— Вы следопыт, дедушка. Вы по следам не найдете Золотую падь?

— Нет, Женя. По следам, прямо сказать, не найти. Двадцать шесть лет такой срок, что ни одного следа не осталось.

— Что же делать?

— Ума не приложу... Ничем помочь не могу! — вздохнул дедушка.

Ребята опять понурились. Женя, прикусив губу, молча уставился в «Описание».

— Ребята, Пашка, как же так?! Паша, ты дома любые кроссворды разгадывал, а тут!.. — вдруг выкрикнул он.

— Кроссворды? — поднял голову Паша.

— Там же труднее. Ни одной буквы нет. А здесь столько букв, да еще и слова.

— Кроссворд! Кроссворд! — вскочил Паша. — Ура, ребята! — Он закружился по комнате. — Всё разгадаем! Как это я не подумал?... Федя, дай твой карандаш, мой сломался... Разгадаем, ребята, разгадаем!

Все вскочили и окружили Пашу.

— Кроссворд... — бормотал Паша. — Так... так... Неправильно мы, Женя, переписали. Надо не подряд буквы ставить, а с пропусками, как в «Описании». Тогда будет видно, сколько букв пропущено, сколько не хватает, и разгадать легче.

Действительно, когда мы переписали так, как предложил Паша, получилось совсем другое.

«Описание дороги . . . Золотой . . . от п . л . . ы . а с е . е р , через гольцы . о ш . р . к . й
пади . . с . . е р Мертвое оз . . о . . вер . . . с е в с е . р Кислый С е в . . . -запад . .
. Север . . . Восток обх далеко м п . я м . . . с е . . . б е л . я г . р а сразу за . . . й п д ь .
ол ».

Да, это уже совсем, иное дело. Поставившее ребят в тупик первое слово «отплысееер» состояло, оказывается, из четырех слов: от п . л . . ы . а с е . е р . После недолгого раздумья Паша первый поставил недостающие буквы, и получилась настоящая понятная фраза: «от поляны на север».

Точно и ясно! Курс к пади Золотой.

Дальше оказалось еще проще: «через гольцы до широкой пади... север Мертвое озеро... север... север Кислый».

Здесь они задумались. Слово «Кислый» понятно, но неясен был его смысл. К чему в тайге применимо оно? Ребята называли различные предметы, но тут же отвергали их. Щавель, зеленая голубица, красная смородина — все было не то.

— Ну, герои, как дела? — спросил дедушка. Он выходил убирать Савраску.

— Разгадали! Больше половины разгадали. Смотрите, как понятно. Только какой-то «Кислый»... Непонятно...

— Гляди-ка, — прищурился дедушка, рассматривая бумагу, — все честь-честью. А я уж было приуныл. «Кислый»... Гм... «Кислый». Но до него, наверное, далеко. Главное — знать, куда завтра курс держать.

— Завтра узнаем. На север, через гольцы, до широкой пади. Только не знаем, что такое «гольцы».

— А это самая вершина хребта, макушка. Там леса нет, голо, потому и назвали так: «гольцы».

— Это там, где и летом лежит снег? Еще из Монгона видать: самая вершина горы голая, без лесу, а на ней снег.

— Во-во! Они и есть, гольцы.

— Через ледники и пропасти завтра пойдем, ребята! — сказал Паша.

— Не пора ли, герои, обед готовить? — заикнулся дедушка.

— Ну что вы! «Описание» нашли, почти всё разгадали, да обед? Надо скорее письмо Володе отправить. Знаете, как он обрадуется? Весь Монгон обрадуется.

Наташа уже хлопотала около клетки. Насыпала голубю по щепотке пшена и сечки, сбегала на поляну и наловила козявок. Голубь, к огорчению девочки, очень мало ел.

— Мало... — проворчал Боря. — С утра до ночи клюет! Все мало. Как не лопнет!..

— Молчи уж. Скупердай!.. Гуля... Гуленька...

— Много не давай, — вдруг сказал Алик, — голубю вредно.

— Не твой он, и ладно! — отрезала Наташа.

— Я не говорю, что мой, — опустил голову Алик, — Лучше ведь хочу. Сытому голубю труднее лететь. Может не донести письма.

Женя с Наташей переглянулись.

— Ой, правда! Забыли мы, Женя.

Женя выдал каждому по маленькому листику папиросной бумаги. Не глядя, подал Алику.

— Маме пишешь, Алик? — подсел к мальчику дедушка.

— Маме.

— Ну, пиши, пиши. И мне надо... почтальону, своему другу, пару слов черкнуть.

Письма быстро написали, потому что в распоряжении каждого был только крошечный кусочек бумаги, немного больше спичечной коробки.

Женя аккуратно свернул письма, сложил в сделанную Володей гильзу. Гильзу надели голубю на лапку.

Все вышли проводить крылатого почтальона. Голубь крутил головкой, перешагивал крохотными шажками по Наташиной руке.

— Ну, лети, лети! — сказала Наташа, легонько сталкивая голубка. — Привет всем передай!

Голубь вспорхнул и широкими кругами закружил над избушкой, то набирая высоту, то опять снижаясь.

— Вдруг не полетит! — испугался Боря. — Клевал, клевал, и зря...

— Как же, не учила я его, что ли? Свистнуть надо... Женя, свистни — у меня руки грязные.

Женя пронзительно засвистел. Голубь взмыл вверх, сделал последний круг, будто прощаясь, и вдруг направился прямо на юг — домой.

Через минуту он скрылся за вершинами кедров.

Увы, ребята поторопились послать победную весть. Они даже не догадывались, какие испытания еще ожидают их впереди.

Глава VIII В КЕДРАЧЕ

Дом на поляне, где обосновались ребята, был таежной охотничьей избушкой-зимовьем. Осенью сюда, в тайгу, приходят колхозники. До открытия охотничьего сезона они здесь добывают орехи, а зимой промышляют пушного зверя.

Раньше летом дом пустовал, но вот уже второй год, с весны до осени, в нем живет пожарный сторож Михеич, о котором дедушка упоминал, когда встретили следы Алика.

— Так все лето один и живет? А что он караулит? Скоро он придет? — заинтересовались ребята.

— Про это он вам сам расскажет. Наскучал без людей — с весны не видел. То-то будет рад поговорить! А подойти — к вечеру подойдет.

В избушке были две комнатки. Посредине стояла каменная, с чугунной плитой печь. У стен расставлены рядами железные кровати. К каждой комнатке табуретки и стол. Вторую, меньшую, занимал, видимо, Михеич: одна кровать была заправлена, а на столе, накрытые полотенцем, лежали продукты и посуда.

У изголовья кровати в жестяной банке красовался букет уже увядших красных лилий. Цветы эти растут в Забайкалье запросто, не на клумбах, а на полянках, в любом уголке тайги. Напротив, на стене, — портрет Ленина в самодельной, удивительно красивой раскраски рамке. Дедушка объяснил, что рамку никто не разрисовал, а сама древесина кедрача имеет такой красивый узор. Недаром она ценится очень дорого. Под портретом на полоске обоей бумаги лозунг: «Да здравствует мир!»

В большей, первой комнате на полке были сложены пачка папирос, махорка, курительная бумага, спички и такие же, как у Бори, мешочки и наколотые лучины. Дедушка рассказал про старинный таежный обычай. Уходя из избушки, каждый охотник обязательно оставляет в ней запас самых необходимых продуктов, ружейных припасов, табаку, спичек и лучин. Любой человек, заблудившийся в тайге или попавший в другую беду, оказавшись в спасительной

избушке, может брать все, что оставлено. Однако, следуя тому же обычаю, таежник без крайней нужды не возьмет даже крошки.

Убранство комнат довершали две керосиновые лампы и шкаф с надписью «Аптечка».

Все в этом доме показалось ребятам замечательным. В самом деле, как ни хорошо в тайге, а приятно оказаться в чистой комнате, пообедать за настоящим столом, полежать на кровати. А каким бы раем показался этот дом раненым партизанам, дяде Сереже и дяде Васе, если бы он тогда, двадцать шесть лет назад, стоял здесь! Обсушились бы, обогрелись, перевязали раны, поспали в тепле. Было еще рано, можно бы идти дальше, но дедушка отсоветовал. Засветло не успеть пройти гольцы, а ночевать там нельзя: нечем кормить Савраску и плохо с дровами.

Ребята отдохнули, взяли ружья и пошли побродить по хребту.

Хребет оказался обширным плоскогорьем, поднятым высоко над окружающей местностью. Здесь не было крутых спусков и подъемов. Пологие увалы, подчас едва заметные и однообразные, следовали один за другим. Всюду, куда ни глянешь, стояли один к одному могучие кедры. Изредка попадались одинокие березки и лиственницы, казавшиеся нарядными, но робкими и маленькими гостями, случайно попавшими в царство молчаливых и хмурых великанов.

Несколько разнообразили местность длинные, но узкие — пять-шесть метров шириной — каменистые россыпи. Было похоже, что здесь когда-то со страшным грохотом катился длинный каменный поток. Камни сталкивались, вздыбливались, огромные каменные «брызги» летели в стороны. Вдруг неведомая сила сразу остановила все. Камни так и застыли — вздыбленные, наползающие друг на друга, накренные вперед, точно готовые в любую минуту ринуться дальше.

На мягком и упругом ковре из брусничника и мха люди не оставляли за собой никаких следов.

Ребята очень скоро потеряли всякое представление о том, куда они идут, куда зашли. За стеной могучих кедров не было видно ни солнца, ни далеких гор, ни падей — ничего, что помогло бы хоть приблизительно ориентироваться.

Но Сергей Егорыч, попыхивая трубкой, своей скрадывающей походкой спокойно шел впереди.

На мху лежало много кедровых шишек. К огорчению ребят, все они были пустые, без орехов.

— Ничего, герои, — успокоил дедушка, — орехов наберем, потерпите.

— Где достанем?

— Правду сказать, по-честному-то их сейчас трудно получить. Не успели. А в этих старых, что лежат, не ищите. Тут столько лакомок, что ни одного орешка не оставят. Как только шишки станут с кедра падать, начинается пир. Мыши тащат себе, бурундуки — себе, белки и птицы — себе. Медведи и кабаны издалека приходят, чтобы жиру на орешках нагулять. Такая работа идет! Можно сказать, кипит все вокруг... Да и человек не отстает: бить шишку с дерева нелегко, так он тоже торопится паданки собирать.

— А как шишки бьют? — спросил Женя.

— Да... — Дедушка недовольно пожевал губами. — Работа, прямо сказать, тяжелейшая. Не приложили еще ученые рук к кедрачу. Подумал, пождал я — да написал в Москву. Забыли, мол, кедрач. Везде машины, а тут по-старому — дубинка. Ну, ответили: «Не беспокойтесь, папаша. Скоро пришем и в кедрач машину». Да что-то задержались...

Разговаривая так, дедушка подвел ребят к странному предмету, похожему на очень большой деревянный молоток. Рукоятка его длинная — около двух метров. К ней прикреплен толстый чурбан. Молот, или, как его называл дедушка, «колот», оказался таким тяжелым, что ребята, взявшись все вместе, едва приподняли его.

— Вот она, наша техника! — поморщился дедушка. — «Скоро пришем»! — сердито передразнил он. — Посмотрели бы, как люди пупы надрывают, так поторопились бы. Орешками небось и внучат побаловать любят, да и сами не прочь... Вот этой дубиной и бьем. Хоть спина трещит, а орешками снабжаем.

— Да, техника так техника! — огорчились и рассмеялись ребята.

Дедушка поставил колот стоймя рядом с кедром, отвел его и с силой толкнул вперед.

Чурбан ударил по стволу так, что кедр содрогнулся.

— Осенью, когда шишки поспевают, от такого удара они и падают. С иного дерева легко — с одного удара около сотни, а то и больше свалится. А к другому подойдешь, бьешь, бьешь, до поту, а шишка не идет! Как сидела, так и сидит. Не падает, и всё! А с чего, и то сказать, она упадет, когда кедр в два обхвата и ему мой удар — тьфу, ровно ничего! Он и не шелохнется. Так шишка и останется зверушкам.

— А сейчас, дедушка, шишки не упадут? Вот они, видно их.

— Сейчас не упадут. Зеленые крепко сидят.

— А может, упадут?

Дедушка ударил колотом еще. В высоте что-то прошуршало, послышался нарастающий шум, как при быстром полете приближающейся птицы. Что-то быстро мелькнуло. Боря охнул, вскрикнул и схватился за голову. В мох, отскочив от Бориной головы, упала здоровенная шишка!

— Экая оказия... Больно? — забеспокоился дедушка.

— Больно... — растирая голову, проворчал Боря.

— Стал бы ты, Борька, сюда, и не попала бы в тебя шишка, — уверенно сказал Паша.

— Куда? — подозрительно уставившись на Пашу, спросил Боря.

— Сюда...

— «Стал бы»! Откуда я знал?... А вы, дедушка, говорили, что не упадут, — сказал Боря, усердно потирая голову.

— Не сердись, герой. Тут я немного виноват. Не подумал, что на кедре может остаться прошлогодняя шишка. Застряла, видать, между сучками, нас дождалась.

Ребята ошелушили шишку. В ней оказалось почти полстакана орехов. Ребята поделили их и с удовольствием шелкали.

— По-справедливому, — сказала Наташа, — все орехи надо бы Боре отдать. Во-первых, шишка прямо на него упала. Во-вторых, он контуженый, а раненым полагается отдавать все лучшие запасы. Ну, а теперь я буду лечить тебя, Борька! — закончила Наташа и решительно шагнула к нему.

Боря неуклюже, но удивительно быстро отскочил в сторону, перестал растирать голову и со страхом посмотрел на Наташу:

— Ну-ну, выдумала, ничего я не контуженый. Скорее делите все орехи, мне даже больно не было!

Ребята дружно захохотали. Все вспомнили знаменитую игру «в наступление и оборону», когда Боре залепили в лоб гнилой картошкой, и он — как положено было по правилам — вышел из игры. Тут-то и взялась за него Наташа, медсестра. Она уложила Борю на землю и вымазала ему пол-лица настоящим йодом. Потом три дня ходил Боря полосатый — наполовину белый, наполовину коричневый.

— Вы, дедушка, сказали, что орехов достанем, — напомнил Паша. — Этих мало.

— Достанем, достанем. Только придется нам заняться грабежом.

— Грабежом?

— Самым настоящим, можно сказать, грабежом. А ограбим мы бурундука.

Бурундуки, маленькие полосатенькие зверьки, называемые иначе земляными белками, попадались очень часто. Они бегали по земле, но, заслышав людей, проворно взбирались на деревья, издавая особенный резкий свист. За одним таким зверьком, держась от него на почтительном расстоянии, ребята начали следить.

Бурундук ни на минуту не оставался на месте. Он то копошился в брусничнике, то забирался на кусты ольховника, что-то откусывал и, видимо, складывал за щеки. Ребята не замечали, чтобы он ел, но щеки его все больше раздувались.

Вот, подняв хвостик над спинкой, бурундук стремительно пробежал по валежине, на мгновение приподнялся на задние лапки, пискнул, юркнул в брусничник и скрылся. Через несколько минут он появился опять.

Дедушка подошел к тому месту, куда исчезал зверек, и показал ребятам узкое, искусно спрятанное в зелени отверстие — норку. Следуя рукой по ее ходу, дедушка докопался до небольшого шаровидного углубления. К удивлению ребят, оно было заполнено чистыми, без единой соринки, кедровыми орехами. Здесь же — почки и побеги ольховника. В этой же норе, чуть подальше, оказалась вторая кладовая. В ней тоже было много орехов, причем половина из них — очищенные от скорлупы. Даже непонятно, как такой маленький зверек смог столько натаскать.

— Трудолюбивый зверюшка! — с уважением сказал дедушка. — Да вот беда: охотников до его запасов много. Первое дело — медведь. Самое его разлюбезное занятие: найти норку бурундука да разграбить.

— И мы в нору забрались, как воры, — смущенно сказал Женя.

— А мы по-честному сделаем: половину ему, другую нам. Хватит с него шелушенных: за зиму и их не переест. Тоже и за жадность проучить не мешает. Хватит ему — перехватит, а он все тащит. Иной год из-за него поважнее зверьки без орехов остаются.

Разыскав и наполовину опустошив еще две норы, ребята набили орехами все карманы.

Одна Наташа возмущенно отказалась от бурундучьих запасов:

— Он маленький, полосатик, весь день трудится, его и так все обижают, а тут еще мы пришли. Несправедливо! Бурундучьи дети зимой голодать будут!

Как ее ни убеждали, что зверюшка заготавливает запасов в два-три раза больше, чем ему нужно, что впереди еще осень, богатая шишками, Наташа упрямо стояла на своем и ни единого орешка не взяла.

— Вы, дедушка, говорили, что с сегодняшнего дня будем в цель стрелять, — напомнил Федя.

— Говорить-то говорил... — ответил дедушка, пожевал недовольно губами и посмотрел на Наташу. — А ну-ка, садитесь, герои.

Не понимая, в чем дело, ребята уселись на мягкий мох. Дедушка, шевеля усами, начал:

— Вот, ребята, отправили мы с письмами голубка. Летит он, никого не трогает, домой торопится. И вдруг — трах! — падает на голубка ястреб, только перышки полетели. Подцепил когтями, да и был таков... Нет, нет, Наташа, это я к примеру говорю. Думаю, что хорошо обошлось и голубь наш уже дома. А только и так могло случиться... Этих разбойников воздушных хватает. Они без разбора всякую птицу бьют: и жаворонка, и гуся, и голубя не пропустят. Так вот, хочу спросить: что с таким душегубом делать?

— Убить! Убить! — закричали ребята.

— Что же Наташа молчит?

А Наташе представилась страшная картина — ее миленького гулька безжалостный ястреб на лету хватал острыми когтями, терзает клювом.

Наташа содрогнулась.

— Убить! — горячо воскликнула она.

— Правильно, Наташа! — сказал дедушка. — Убить, чтобы он сам больше никого не убивал. А сейчас, ребята, посмотрите-ка на кедровок... — Резкие, гортанные крики этих

небольших пестреньких птиц повсюду раздавались в кедраче. Иные кедровки подлетали совсем близко к ребятам. — Смотреть, будто красивенькая птичка, всем хороша, — продолжал дедушка. — Правда, когда их немного, они в самом деле полезны: орешки кедровые по тайге разносят, кедр расселяют. Но очень много их развелось. И вреда сейчас они приносят намного больше, чем пользы. Потому закон и велит их уничтожать. Ведь что получается? Не успеет орех поспеть, а она, негодница, налетает на шишки не хуже, чем ястреб на голубя.

— Ну и что же? Орехов много, пусть ест! — сказала Наташа.

— Пусть, да не пусть... Добро бы, вежливо ела. А она, жадюга, в сто раз больше перепортит, чем съест. Налетит их на иной хребет тьма — откуда только соберутся! — и недели не прошло, как ни одной шишки на кедрах не найдешь. Всю сгубили. Как саранча: на пшеницу опустилась — и пропал урожай. А на орешки надеялись белки, и соболи, и медведи, И щенки бурундучьи, которых ты, Наташа, пожалела, тоже без корма остались. И бывает, что сотнями, тысячами от такой вот птички гибнут. Что с такой птицей делать?

— Конечно, тоже стрелять! — снова закричали ребята.

— Стрелять... — менее уверенно согласилась и Наташа.

— Правильно! Хорошо побеседовали. — Дедушка довольно пощипал свой ус. — Значит, по пням да деревьям стрелять больше не будем. Постреляли дома для учения — и хватит. Будем по живым целям стрелять — по врагам и вредителям нашей тайги. Сначала по сидячим, а там начнем и влет.

— Вот это да! Вот это здорово! — ликовали ребята. — Будем стрелять по-настоящему, по врагам! Вот это придумал так придумал дедушка!

Скоро в кедраче загремели выстрелы. Кедровка оказалась птицей совсем не бестолковой и не так-то просто подпускала. Дедушка, следуя за очередным стрелком позади, учил искусству скрадывания.

К тайному удовольствию ребят, Алик оказался самым худшим стрелком. Самым лучшим оказалась Наташа. Она одна из всех первым же выстрелом свалила птицу наповал. К сожалению, у нее вдруг заболела голова, и она не могла принимать дальнейшего участия в охоте.

Незаметно подкрался вечер. В сумрачном и без того кедраче стало совсем мрачно. Нигде ни одного просвета. И только над головой, сквозь лохматые ветви, виднелось далекое небо.

— Шабаш, охотники! Славно поработали! — весело крикнул дедушка. — Сейчас, пожалуй, и домой пора. А ну, кто скажет, куда идти? Заблудились или нет? Где дом?

— Там... — нерешительно сказал Женя, показав рукой направо.

— Как же там? — возразил Паша. — Вон откуда мы пришли!

Боря поддержал Пашу, Алик — Женю. Наташа неопределенно махнула рукой. Федя сурово смотрел на компас. Пошли они от дома на запад, значит, дом отсюда на восток. Но куда это показывает стрелка? Совсем не там север — там юг. Федя повернул компас. Нет, все равно неправильно показывает...

— Сюда идти... — сказал он, сердито сунув компас в карман. — Что-то, Женя, компас испортился.

— Гм... — прищурился дедушка. — Сколько умов — столько дорог. Чтоб никого не обижать, пошли-ка, герои, сюда.

На обратном пути случилось происшествие. Федя, как подобает разведчику, появлялся то сбоку, то впереди группы, однако был все время на виду. И вдруг он исчез. У Паши от изумления открылся рот, он протер глаза. Только сейчас был Федька, и вмиг его не стало.

— Федька! — крикнул он.

Никакого ответа.

— Федька! — встревожились ребята. — Федька!..

Опять никакого ответа.

— Ку, ку-ку! — наконец глухо откликнулось откуда-то.

Все бросились в ту сторону. Нигде не видно разведчика, будто растаял.

— Да где ты, Федька? Опять на дереве?

— «Где, где»! — сердито донеслось в ответ. — Почем я знаю? Под землей где-то. И вылезти не могу.

Ребята громко захохотали. Но они сразу присмирели, и лица у них вытянулись, когда дедушка сказал, что Федя упал... в медвежью берлогу.

Дедушка по очереди спустил ребят в нее. И, хотя все знали, что в этом нет ничего опасного, сердца их екнули и заколотились. Все-таки не шутка побывать на квартире у самого Михаила Ивановича...

Федя, прихрамывая, плелся позади. Опять попал! Да еще и смеются все. Тяжела работа разведчика — прямо не знаешь, куда смотреть: и вверх, и вниз, и в стороны — везде видеть надо... Наверное, при такой жизни ничего путного не получится. Чересчур много неприятностей. С дерева падать — ему, в медвежью берлогу лететь — тоже ему. Думаете, очень весело так: идешь по делам, правильно идешь, как разведчик. И вдруг ни земли, ничего под тобой нет, куда-то летишь, потом стучаешься и оказываешься неизвестно где: ничего не видно, чем-то воняет... Пашка радуется, что завтра через ледники будем проходить, пропасти там есть. Пожалуй, лучше, если бы пропастей не было: они поглубже, чем берлоги...

Зафурчала, вскочив на кедр, белка. Федя насторожился, глаза его заблестели. Поддерживая одной рукой картуз, второй — ружье, он, припадая на ушибленную ногу, побежал к кедру.

Путь к дому показался ребятам долгим. Дедушка шел своим обычным, неторопливым шагом, не оглядываясь ни назад, ни по сторонам, будто не по кедрачу он шел, а по улице Монгона.

Нет, все-таки неправильно они идут... Увала этого не было, кедрач не так густ был, через такие камни не проходили. ..

И вдруг совсем неожиданно среди темных стволов забелела крыша дома. Звонко заржал соскучившийся Савраска.

— Ну... дедушка! — восхищенно посмотрели ребята на главного особого советника экспедиции.

— Хозяин тайги! — выступил вперед Паша. — Мы вас будем звать хозяином тайги. Так и в приказе запишу.

— Постой, постой! — сказал дедушка. — Мне чинов и так хватает. Главный особый специалист, главный советник, следопыт... Какие ты, брат, всё слова любишь! «Хозяин»! Если уж хочешь, то так: работник тайги. Во, это слово для меня подойдет.

— А работник разве не хозяин? Хотите — сейчас докажу?

— Гм... Нет уж, пожалуйста, уволь. С тобой спорить — надо вперед пуд соли съесть...

— А как, дедушка, вы дорогу находите? — прервал Федя этот интересный спор. — Без компаса, по сторонам не смотрите, следов не видно, а привели прямо к дому.

— Во, это разговор по моей части, — повернулся дедушка к разведчику. — Тут герой, просто. Идешь... Постой. Гм... — Дедушка растерянно смотрел на Федю — Вот задачу задал так задачу! Думал, что просто, — и на тебе. Будто и дороги не замечаю и не думаю, как иду: на восток или на север. А куда надо, туда и выйду. Гм... — рассуждал про себя дедушка. — Ну, это мы подумаем да рассудим. Это по нашей части, только слова сразу не приходят.

— И что ты, Федя, спрашиваешь? — удивился Паша. — Помнишь, я у тебя ночевал? Захотел ночью на улицу выйти, посмотреть, не светает ли, не пора ли на рыбалку. Пошел спокойно к двери, вдруг — хлоп! — налетел. Пощупал — печка. Пошел направо — опять хлоп, опять печка. А она не мягкая! Больше, думаю, стучаться не буду, пойду налево. Иду, иду — снова хлоп. Я и щупать не стал, и так почувствовал, что печка. Пришлось тебя кричать. А ты и глаз не раскрывал, сразу двери нашел, потому что ты — хозяин комнаты. Так и дедушка в тайге ходит, потому что он — хозяин тайги.

Все рассмеялись.

— Экий ты, право, бесенок! — тоже смеясь, сказал дедушка.

Глава IX ХОЗЯИН ЗОЛОТОГО ХРЕБТА

К ночи собралась гроза. Потемневшая и притихшая тайга озарялась вспышками молний. Гремел гром. Потом налетел и закрутил, словно вырвался из засады, ветер. Кедровые все разом

закачали вершинами, зашумели ворчливо, замахали недовольно лохматыми лапами, точно отталкиваясь от врага. Зашлепали редкие крупные капли.

На этом и кончилось. Иссиня-черная туча, бросаясь огненными стрелами, величественно и грозно уплыла на юг. Выглянули звезды, стих ветер. Ничто не напоминало о налетевшей было грозе. Только сразу похолодало, от частых зарниц безмолвно трепетало небо, да растревоженный кедрач долго не мог успокоиться — то затихал, то поднимал глухой ропот.

Пожарный сторож Михеич все еще не приходил. Хотя дедушка и сказал, что ничего с ним не случится — он первейший следопыт, — но ребята нет-нет, да и выскакивали на крыльцо. В темноте уже ничего, даже ближайших кедров, не было видно.

Что за человек долгие месяцы живет здесь в тайге один? Какая сила его держит?

Ребята устроились в домике отлично. Протопили печь, вымели пол. Наташа промыла добела столы, которые показались ей недостаточно чистыми, выбросила увядшие лилии и взамен их собрала (когда было светло) на поляне у фонтана большой букет незабудок, маков, лютика и ириса. Горели обе лампы. Готов был чай. Ужинать не садились, ждали хозяина.

Ребята живо обсуждали события прошедшего дня, когда двери распахнулись и в комнату почти вбежал низенький, коренастый старичок. Это, видимо, и был Михеич. Одет и обут он был так же, как наши таежники, только на голове вместо фуражки — белая тюбетейка. Белая курчавящаяся борода, белые усы, белые нависшие брови придавали ему вид сказочного елочного деда.

Не выпуская ружья из рук, Михеич плюхнулся на табуретку. Щурясь от света, улыбаясь и подмигивая, оглядел он гостей и вдруг рассмеялся, тихо и почти беззвучно, но так весело, что ребята, замолкшие при его появлении, тоже засмеялись.

— Эвон, сколько гостей у меня, а? — заговорил он тоненьким, быстрым говорком. — С какими, думаю, ребяташками друг Сережа прошел? След-то ваш после полудня пересек. Медведя не испугались? Конфетами угощались? Ишь ты, как прибрались в доме! Наверное, все внученька? — Михеич все говорил, говорил, не дожидаясь ответа. — А здравствуйте, кажись, я еще не сказал? Фу, устал! В ногах так и гудит. А за кедровок-то спасибо, развелось негодниц, сладу нет... Тебя, внучек, как звать-то, а?... Пашка? Ну-ка, Паша, полезай в сундук, вон-вон под кроватью, тащи-ка конфеты, угощайтесь... А ты, внучек, что заскучал? Как тебя?... Алик? И дорогой все скучный шел. Не заболел? Знать, о маме заскучал?... Вот праздничек, так праздничек у меня!..

С приходом дедушки Михеича в домике стало еще уютнее. Казалось, свет исходит из его добрых, смеющихся глаз, из каждой морщинки не по-старчески румяного лица. Хотя и приятными, но немного странными показались ребятам его почти детская радость, его неумолчный разговор. Дедушка Михеич точно почувствовал это.

— Что, внуки? Думаете: «Вот, мол, разболтался да разрадовался дедка»? Живешь один, ходишь-бродишь день за днем по тайге один и вроде привык. А увидишь человека — так-то радостно! Сколько?... Да уже больше месяца в глаза никого не видел — все один, как сыч.

— Больше месяца один? Бр-р-р!.. — поежился Паша. — Ох, и скучно, дедушка! А вы бы не жили здесь.

— Э-э, милый! Она, работушка, не спрашивает. Она, милая, везде. Кому-то и кедрач караулить надо, а я плох, что ли? — Дедушка Михеич опять весело и беззвучно засмеялся. — Работа, она, внуки, везде хорошая, везде нужна...

Хозяин засуетился с ужином. Проходя семенящими шажками мимо ребят, он не мог утерпеть, чтобы не погладить кого-нибудь по голове или не сунуть еще по конфетке, и все говорил, говорил...

На столе появились холодное мясо, картошка, залитая маслом, пряники и какое-то незнакомое кушанье: круглые светло-желтого цвета малюсенькие колобки. Особенно ребятам понравилось масло. Удивительное масло. Цветом оно походило на растопленное сливочное, но гораздо вкуснее и ароматнее.

Пряники по запаху и вкусу тоже напоминали это масло. Пахло очень знакомым, но ребята никак не могли понять чем. Пряники оказались такими сытными, что, как ни были они вкусны, больше двух никто не мог съесть. Боря приглядывался к ним и так и этак, стараясь раскрыть секрет выгодного кушанья.

— Ешьте, ешьте! — угощал Михеич. — А молочко? Почему чай без молочка пьете?

— Молоко я люблю, — оживился Боря.

— А где у вас корова? — спросила Наташа с любопытством. — Мы почему-то ее не видели, и коровника нет,

— Хе-хе-хе... Коровушек у меня много. Им стойла не надо: они ни холода, ни дождя не боятся. Белите, белите.

Боря застыл с протянутой рукой, оглядывая стол. Никакого молока и в помине не было. Как ни старались ребята сохранить серьезность (все-таки они были в гостях), но никто не мог удержаться от смеха при виде растерянного и огорченного лица главного повара.

— Ничего, Борька, похуже бывает, — сказал Паша. — Нас с Федькой однажды еще смешнее угощали. Помнишь, Федька, в гостях у бабушки Голубчихи были? Старенькая она, видит плохо, поставила сковородку с картошкой и говорит: «Кушайте, ребятки, пельмешки». Мы что? Конечно, едим: не очень вкусно, а едим. Когда пельменями угощают, картошка почему-то невкусной кажется. А бабушка все: «Кушайте, кушайте пельмешки». Ели мы, ели. Потом я и говорю: «Никогда таких пельмешек не ели. Вы бы, бабушка, сами попробовали». Бабушка и попробовала: «Ай, батюшки-светы! Сослепу я вам не ту сковородку поставила. Тьфу-тьфу, сгинь, сатана!» И правда, картошка сгинула, а пельмени появились. Это, дедушка, не про вас, а про бабушку Голубчиху, — поспешил Паша успокоить хозяина.

Но дедушка Михеич понял, в чей огород камешек.

Однако он совсем не смутился, а, посмеиваясь, поддел колобок ложкой, бросил в Пашин стакан и размешал. Боря даже привстал от изумления. На глазах у ребят кипятком сначала помутнел, затем слегка побелел, потом сильнее, сильнее — и вот в стакане оказался напиток светло-шоколадного цвета, как какао со сливками. Смутившийся Паша попробовал и зажмурился.

— Вот это да! Вот чай так чай!

— Хе-хе-хе... — посмеивался Михеич. — Хотел меня подцепить да сам подделся!

Конечно, ребята хором попросили объяснить это чудо. И оказалось, что всё — и сытные пряники, и чудесное масло, и чудодейственные колобки — все приготовлено из... кедровых орехов. Теперь ребята удивлялись, как об этом сами не догадались: от продуктов исходил аппетитный запах поджаренных ореховых ядрышек.

— А простыми орехами нельзя чай белить? — спросил Боря, что-то соображая.

— Можно, можно. Почему нельзя?

Дедушка Михеич истолок горсточку орехов, всыпал в стакан, залил кипятком. И опять на глазах у ребят получился замечательно вкусный забеленный чай.

Боря на этот раз соображал удивительно быстро. В свободный мешочек он пересыпал орехи из своих карманов и бесцеремонно, не говоря ни слова, вывернул карманы у ребят. Все поняли и одобрили его. Лучше до самой пади Золотой пить чай с молоком, чем за один-два дня сощелкать орехи.

— А сейчас, Михеич, попросим тебя вот о чем, — сказал дедушка. — Интересуемся мы, зачем это ты забрался в такую глушь, да и живешь здесь? Расскажи нам, пожалуйста.

— Интересуетесь, значит? — рассмеялся своим беззвучным смехом дедушка Михеич.

Смешно помахивая руками, точно сгоняя в кучу цыплят, он пригласил ребят к себе, сел среди них и, все так же ласково улыбаясь и подмигивая, спросил:

— Знаете, что я тут охраняю а?

— Что?

— Золотой хребет!

— Зо-олотой?

— Хе-хе-хе... Не верится? Золотой, золотой! Масло ели? Молоко пили? Печенье кушали? А ну-ка, я вам сейчас по арифметике докажу. Хорошо знаете арифметику? Берите бумажки. Пишите. Дает у меня один кедр килограмм масла да два с половиной килограмма пряников.

— Это целый большой кедр?.. — разочарованно протянули ребята. — Мало...

— Считайте, считайте. Арифметика только начинается. На гектаре растет двести кедров. Сколько с гектара масла да пряников получается?

Все завозились, наклонившись над бумажками.

— Двести килограммов масла! Пятьсот килограммов пряников! — удивились ребята.

— Эге! Уже не мало? Но это еще не всё! Кедрача на моем хребте не меньше пяти тысяч гектаров. Ну-ка, сколько с пяти тысяч получается?

Тут ребята задумались. Арифметика оказалась нелегкой.

— Миллион килограммов масла! А пряников два с половиной миллиона!

— Видите, куда шагнули? До миллионов добрались. А сейчас так. Переведем всё на коровушек. Сколько коров колхозникам надо поить, доить, сена на них косить, чтобы столько же масла взять? Понятно, никакое коровье масло с моим не сравнится — где ему! Ну, да так и быть: скидку сделаем... А пряники-то знаете из чего делают? — отвлекся дед Михеич. — Масло из орешков выжмут, а останется сбойня — по-нашему так называется, — из нее-то пряники и пекут и чаек ими вместо молока белят... Ну-ка, считайте. Положим, что наша забайкальская коровенка может дать пятьдесят килограммов масла в год. Сколько коров мой хребет заменяет, а?

— Двадцать тысяч! — первым подсчитал Женя. — Двадцать тысяч коров!

— Хе-хе-хе... — не меньше ребят радовался дедушка Михеич. — И ни сена, ни поила, ни пастухов — ничего не нужно, приглядывай да собирай — и делу конец. А зверей забыли? Белок, медведей, лисиц, соболей? А рябчика, тетерева, глухаря? Всем им тут пищи от кедра хватает! Разве не золотой хребет? Вот какой я сторож! А вы говорили: не надо жить здесь.

В самом деле, хребет оказался кладовой бесценного богатства. Железнодорожный состав великолепного масла, около трех составов печенья, десятки тысяч белок, сотни медведей, бессчетное число птицы! А сама древесина кедрача — прочная и красивая, какой нет нигде равной!

Дедушка Михеич показался ребятам настолько значительным человеком, что даже Паша почувствовал робость. — А как вы его охраняете? — спросил он.

— Как? Очень просто. Иду, к примеру, сегодня. Глядь, следы! Стоп, Михеич, смотри в оба! Кто в хребет прошел? Какой человек? Оно, конечно, иди, пути не заказаны, а только мне знать надо, потому что главный враг у моего хребта — огонь. Сгори кедрач — и орешки, и звери, все пропало. Нахожу, стало быть, след и смотрю: что за человек, не заронит огонька? Сегодня глянул: друг Сережа проходил, а с ним ребяташки — вы, значит. Ну и идите. Где Сережа — тут дело надежное. А попадись незнакомый след, я ему наперерез, да сразу после «Здравствуй!» и говорю: «Гулять-то, мол, гуляй, коль душа захотела, а с огоньком не балуй. Смотри, под землей найду!» Да не я один охраняю. Не один. Самолет пожарный видели? (Ребята действительно каждый день видели самолет, летающий над тайгой.) Он с высоты оглядывает: не появится ли где дымок? Обязанности у нас будто разные, да все к одному. Мое дело — не допустить пожара, а его, коль уже загорелось, быстрее помочь потушить. Так все лето и работаем...

Одно плохо, друг Сережа, — обратился он к дедушке, — вечерами тоска заедает. Раньше из тайги годами не выходил, уголь на богатеев жег, и ничего. А тут в городе пожил да грамоте обучился — и не могу. На кровать лягу, глаза закрою, за окном лес шумит, а мне представляется, будто я в кино или в театре; электричество горит, людей вокруг много, и музыка играет. Встану и как подумаю, что один я на весь хребет, кругом — на сколько верст! — ни человека, ни жилья, и так засосет под сердцем, так засосет! Хуже всего — читать нечего. Газеты больше месяца в руках не держал. Прямо без чтения не могу. В библиотеку перед уходом сюда пришел, а меня на смех: «Нельзя, папаша, на полгода книги, только на десять дней даем». Хорошо хоть от колхозников одна книжица осталась. Так я, знаешь, как сделал? По пять страничек распределил. Приду, повечеряю да на закуску — право, как дитятко малое конфетку, — и прочитаю их. Вечер-то весело с вами провел, так не читаю. Зато завтра — сразу десять страничек! Видишь, я и про новости, что на белом свете делается, не спрашиваю: утречком расскажешь. Мне и хватит на весь день.

— Я тебе, Михеич, подарок маленький захватил, — сказал дедушка, доставая пачку газет.

Дедушка Михеич, не спуская с них глаз, на цыпочках, точно боясь кого-то спугнуть, подошел к Сергею Егорычу. Осторожно взял один номер. Лицо его стало серьезным, почти сердитым. Торопливо шарил он по карманам. Наконец нашел завернутые в тряпицу очки, надел их, нащупал ногой табуретку и, вцепившись глазами в газету, сел.

Прошло много времени. Дедушка Михеич читал. Он забыл обо всем. Не пропуская ни строчки, он прочел первую страницу.

Никогда ребята не видели ничего подобного.

Оторвавшись на минутку от газеты, несмело спросил:

— Может, друг Сережа, ты и книжку какую принес, а?

— Книжки, Михеич, не принес, — виновато ответил дедушка. — Признаться, есть с собой одна, Жюля Верна. Только она не моя, почтальона, и дал я слово ее прочитать. Не больно нравится — охотник я больше до жизненного, — да слово дал, надо прочитать. Обратно пойдем, тогда уж отдам.

— Ну-ну... Ты меня извини... — Михеич принялся снова за газету.

Сергей Егорыч подошел к ребятам и сел с ними.

— А вы, герои, радовались: хороший, мол, дом, — заговорил он. — Не такие дома сейчас нужны тайге. Железные кровати, даже аптечку привезли и, должно быть, решили: очень хорошо. А поживи-ка месяц-другой без газеты да книги! Об этом-то забыли. Забыли, что не прежний дикий таежник в тайге живет. Он Чайковского и Глинку слушать хочет. Ему книгу да газету свежую на досуге почитать хочется. Он не только в кино, он и в балете разобраться может. Да... А подумаешь, и обвинять некого. Тысячи таких домиков в тайге. К каждому почтальона не пошлешь, если идти до домика три дня. И театр сюда, к одному человеку, не поедет. Да и библиотеку в каждом домике тоже не сделать. Не хватает еще, герои, у нас на все рук...

Дедушка задумался, наклонив голову и посасывая трубку.

Ребята, забравшись на кровать, заговорщически перешептывались. Скоро у каждого, кроме Алика, появилось по книге. Самые любимые, которые собирались читать по вечерам у костра.

Алик, со стороны наблюдавший за ребятами, вдруг шагнул к ним, но, встретив холодные взгляды, остановился.

Женя что-то зашептал. Ребята согласно закивали головами. Нет, они не отдадут книги сейчас. Утром, когда дедушка Михеич уйдет на работу, они положат их на стол, на самое видное место. Поздно вечером усталый дедушка Михеич вернется домой, зажжет лампу и остановится, пораженный.

«Книги!» — прошепчет хозяин Золотого хребта.

А пока каждый на своем подарке, на первом чистом листе написал: «Дедушке Михеичу и колхозникам-охотникам от пионеров Монгона».

В освещенное окно билась, трепеща бархатными буро-серыми крылышками, бабочка — капустная совка, и тянулись, точно погреться просились, лохматые ветви кедров.

Ребята нырнули под одеяла, очень довольные своей выдумкой.

Часть третья ПО ДОРОГЕ ГЕРОЕВ

Глава I ЧЕРЕЗ ГОЛЬЦЫ

— На север! Через гольцы, через вечные снега! Пойдем по дороге великих героев-партизан! — размахивал руками Паша.

— «Великих, великих»! — передразнил дедушка. — Что за болтушка ты, скажи пожалуйста. Посмотри на Боря: человек как человек — делает дело да помалкивает.

Дедушка был чем-то с утра расстроен и хмуро сосал трубку.

У ребят все было собрано к выходу. Они тепло распростились с дедушкой Михеичем. Тот, едва встало солнышко, оглядываясь и, помахивая тюбетейкой, скрылся в кедраче, даже не подозревая, какой подарок ожидает его вечером.

Экспедиции оставалось навьючить Савраску.

— «Великие»... — ворчал дедушка. — Попрошу я тебя, герой, вот что, — обратился он к Алику: — замени, будь добр, меня — поймай Савраску. Надо напоить его. В общем, все как следует сделай и сюда приведи. Мне вроде нездоровится... Сможешь?

— Сможет он, как же! — презрительно бросил Федя. — Давайте мы с Пашкой! Мигом!

— Сходи, пожалуйста, Алик, — не обратив внимания на слова Феде, повторил дедушка.

Он выбил из трубки пепел, насыпал табаку и, проводив Алика взглядом, повернулся к ребятам.

— А сейчас буду с вами, герои, говорить. По-настоящему говорить. Плохо у нас получается... Надо бы хуже, да некуда!

— Почему плохо? Что плохо? — растерялись ребята.

— А вот что: почему Алик все время в стороне? Приняли мы его? С нами он идет? Так почему он среди нас как чужой?

— А что он — наш, что ли? — возразил Федя. — Женька с Наташей голосовали за него только из жалости. Разжалобились! Не наш он, Алька!

— Не наш? А я, как следопыт, вам повторяю: с хорошей мыслью Алик в хребет шел. Не воровать шел. Правду он сказал, что хотел «Описание» найти и нас обрадовать.

— Обрадовать!.. Не догнали б, то так бы обрадовал! Ничему, что он говорит, не верю.

— А я верю. Хочет он с нами быть, а вы отворачиваетесь. Так, герои, прямо скажу, не пойдет.

— Жалко мне его, — тихо проговорила Наташа, — так, дедушка, жалко!.. А не люблю. Не за что его любить. И слов не находится с ним говорить. Вчера он про голубя правильно сказал, а меня почему-то зло взяло...

— И меня тоже — как на него посмотрю, сразу злой делаюсь, — сказал Паша.

— Ходит вокруг, а дела не найдет, — добавил Боря. Женя промолчал. Он уже не раз раскаивался, что поддался чувству жалости и голосовал за него. Нет, не мог он простить Алику прошлого.

— Так... — Сергей Егорыч хмуро щипал колючий ус. — Ну, герои, вот что: дружба на войне, в походе, ну и в каждой работе — первейшее дело! А у нас где она?. Нет ее! Вы сами держите парнишку на отшибе, не подпускаете к себе. Путь далек, случиться всякое может, а без дружбы до греха недалеко. И решил я: раз дружба у нас не ладится, дальше я в поход не пойду.

Угроза дедушки ошеломила ребят.

— Из-за Альки?

— Из-за него не пойдете?

— Вот так... — сухо повторил дедушка. — Не пойду!

— Что ему надо? — сердито сказал Федя. — Я его ни разу даже не стукнул. А дружить... не буду дружить!

— Никто его, дедушка, не обижает, — растерянно проговорил Женя. — Борька и

продукты на него выделил. Бродни выдали. Наташа одежду помогла починить. Спит он со мной. А как с ним дружить? Не знаю я. Научите... «Описание» нашли, голубя с письмом отправили, и вдруг обратно идти!

— «Научите»! — хмуро повторил дедушка. — Знал бы, так давно научил. Что я — учитель или пионервожатый? Они там всякие книги читали, учились — то да се; знают, как с вашим братом ладить. А мне где? Лесник я — все тут. Мое дело вас таежной науке учить, а не всякие эти... Тьфу ты, скажи пожалуйста, вот попал!.. — Дедушка сердито отмахнулся от вившейся около лица осы и несколько минут молчал, смотря перед собой. — Ну ладно, не вешать носы! — Он посмотрел на убитые лица ребят и продолжал: — Пойдем в падь Золотую. А с Аликом, я думаю, вот что: дадим ему какую-нибудь работу. Нехорошо, что он у нас вроде гостя. И в виноватых все ходит. Пришибает его это. Что правда, то правда: насильно мил не будешь. Но раз приняли, все старое забыть надо и виду не показывать. Что спросит — ответьте, сами слово скажите. Хотите, чтобы Алик настоящим товарищем стал, так сами повернитесь к нему, как к ровне.

Закончив эту длинную речь, дедушка молча принялся разжигать погасшую трубочку.

Только бы дедушка пошел дальше! Ребята готовы были принять любое его предложение. Однако Женя осторожно напомнил, что и в школе и дома Алик никогда не работал.

— Гм... Говоришь, в школе не работал? — раздумывая вслух, проговорил дедушка. — Это, герои, как сказать... Учится ведь он неплохо, а без работы пятерки в дневник не валяются. Выходит, работал он не худо. А вот в школьном саду, или по дому, или для общего ребячьего дела — тут отлынивает, норовит, чтобы другие за него работали... Так я понимаю? Значит, для себя только старается, о себе только думает...

Тут дедушка окутался дымом из трубочки, и, когда сквозь табачное облако вновь показалось лицо его, он раздумчиво сказал:

— Одиночкой-то в советскую жизнь не въедешь. Ошибается его мамаша. Наш-то ученый не белая косточка. Не примет такого народ, хотя бы весь в пятерках был. В науке бо-о-льшая дружба с народом требуется! Без черной работки дружно с друзьями-товарищами опять же не обойдешься. Чистенькая тетрабочка — это еще полдела. Ежели парнишка лопату и топор в руках держать не умеет, да леса не знает, да руки в машинном масле не попочкает, то не человек из него получится, а так, недомерок... Так-то, уважаемая гражданочка!.. — продолжал дедушка, как бы ведя спор с матерью Алика. — Ну, вот что, герои, попробуем приспособить Алика к делу. Хуже не будет. А парнишка он цепкий...

— Все равно бесполезно, — сказал Федя. — Для себя он, конечно, работал. А тут для всех надо.

— Опять ты, Федя, в драку лезешь! — Дедушка обиженно пожевал губами. — Давайте попробуем, проверим, подберем ему дело.

Хотя ребята не разделяли уверенности дедушки, но делать нечего — надо подчиняться. Зашел разговор, какую работу поручить Алику.

— Вместо Пашки его, — предложил Боря.

— Почему вместо Пашки? Плохо он помогает тебе? — удивился Федя.

— Хорошо. Только планы сочиняет. — Боря недружелюбно взглянул на Пашу. — Пять планов уже сочинил.

— Эх, Борька! — даже обиделся на такую неблагодарность Паша. — Для тебя же старался.

— Как же! «Старался»! То ужин из восьми блюд, то суп с компотом, то компот с картошкой. Вчера посуду не хотел мыть. В муравейник придумал положить, сказал, что муравьи облизут, еще чище будет. А утром сегодня говорит: «Давай продукты экономить. Очень хороший план. Саранчу поджарим на обед». Я сначала обрадовался, а потом меня затошнило...

— Саранчу?!

— За такой план... — Федя передвинул картуз на затылок.

— Вот так придумал! — с отвращением отплюнулся Женя.

Наташа шагнула к главному помощнику повара. И на этот раз несдобровать бы ему.

— Женя, голосуй быстрее! — крикнула она. — Выгнать его из помощников! Он все равно

Борьку перехитрит и чем-нибудь накормит. Выгнать! Голосуй! Я — за.

— Видишь? — показал Женя на дружно поднятые руки. — Достукался, Пашка!

— Это они, Женя, ошиблись. И ты ошибся, — спокойно заговорил Паша. — Надо было раньше меня послушать. Без этого голосование недействительно. Думаете, отравились бы? Даже не почувствовали бы ничего! Я читал, что в Африке саранча самое вкусное блюдо. А мы бы еще проверили. Вперед бы Борька попробовал, потом я, уж потом...

— Пашка, молчи! — Наташа, бледная, двинулась на него. — Еще говорит: голосование недействительно! Попробуй подойди сейчас к кухне — честное пионерское, поколочу!.. Дедушка, скажите ему.

— Однако, герой, так... — заговорил дедушка, усердно пыхтя трубкой. — Раз твоя инициатива не встретила одобрения, тут ничего не поделаешь: надо подчиняться. И от себя скажу: я тоже не одобряю. Такие африканские кушанья для сибирского желудка — яд. Тьфу, пакость... А к кухне тебе в самом деле не надо подходить. Мы тебя, конечно, не увольняем, а только переводим. Сообразительный ты парень. Кто к «Описанию» дороги ключ подобрал? Паша. И потому предлагаю назначить его главным разгадывателем «Описания». Наиважнейшая работа! Будет он у нас вроде штурмана на самолете. И еще: кто специалист приказы сочинять? Опять-таки Паша. Будет он у нас вроде полкового писаря. И историю похода пусть пишет, дневник. Наиважнейшее дело. Как думаете? А для Алика бывшая Пашина работа будет самая подходящая. Пусть-ка посуду помоем да картошку почистит...

Предложение было принято единогласно.

Когда Алик привел наконец Савраску, Паша выступил вперед и прочитал приказ. На этот раз приказ был написан довольно сухо. Паша огорчился...

Как ни почетна работа штурмана, как ни золотил пилюлю дедушка, Паша прекрасно понял, что с должности помощника повара его просто выгнали за саранчу.

В приказе подробно перечислялись обязанности Алика. Про себя Паша написал очень коротко: «За африканское кушанье переведен штурманом экспедиции».

Дедушка незаметно наблюдал за Аликом. Тот, едва дослушав приказ до конца, подбежал к Боре и торопливо, неумело начал помогать увязывать котелки.

— Ну, герой, ждем штурмана. Все дело за тобой! — весело сказал дедушка.

Паша вскочил и, подавив вздох, бодро ответил:

— Сейчас. Вот перечитаю еще раз «Описание».

Наверное, у Паши в этот момент мелькнула мысль: какая интересная штука — дисциплина! Только сейчас совсем ничего не хотелось делать, а как напомнили об обязанностях, так и плохое настроение и обида — все пропало.

Глубокомысленно морщась, он перечитал «Описание».

— На север, через гольцы, до Широкой пади! — прозвучала его команда.

Экспедиция тронулась. Поляна и охотничья избушка остались позади.

Тропа незаметно поднималась в гору. Тайга постепенно редела, кедровые стланики становились мельче. Все чаще попадались странные маленькие деревца, каких ребята еще не видавали. Они росли кустиками, как черемуха, но стлались по земле. Это был особый вид горного кедра — кедр-стланик. Шишки стланика, как объяснил дедушка, небольшие, орехи мелкие, но жира в себе содержат много больше, чем орехи обыкновенного кедра. Их собирают специально для получения масла.

Скоро большие кедровые стланики совсем перестали попадаться. Вместе с ними исчез мягкий моховой покров. Его заменила каменистая россыпь. Стланик, точно радуясь, что никто ему не мешает, привольно разросся на камнях и, переплетаясь, образовал местами настоящие заросли. В сообществе с ним появились растения, также не знакомые ребятам. Это были ягодные кустарники сибирского можжевельника, рябины и пахучей смородины.

Дедушка назвал всю эту обширную часть хребта звериной и птичьей кормушкой. Осенью любая птица и любой зверь находят здесь в изобилии самые различные и любимые лакомства. Полакомиться ягодой рябины сюда прибегают даже забайкальские олени — изюбры.

Ветер потянул сверху, с гольцов. Сразу почувствовалась близость вечного снега и, быть может, ледников. Похолодало. Ребята надели тужурки.

Над низкорослым стлаником и ягодниками кое-где возвышались каменистые глыбы. Некоторые скалы удивляли ребят своим фантастическим видом: одни походили на покосившуюся древнюю башню, другие — на огромный гриб или развалины дворца.

Ребят особенно поразила одна скала. Она имела форму почти правильного столба, вершина ее увенчивалась камнем, очень похожим на животное.

— Попалась в беду, дурочка? — сказал, внимательно всматриваясь в скалу, дедушка. — Кабарга. Видите, вон на самой вершинке стоит.

— Это и есть кабарга? — удивились ребята. — Как камень, даже не пошевелится. А почему она не убегает? Нас не видит?

— Ну, как не видит! Почему не убегает? Не иначе, ее волк на скалу загнал, да и караулит.

— Волк? Волков ведь можно всегда уничтожить. Застрелим его!

— Да, неплохо бы. Но не убить сейчас. Хитер разбойник, не подпустит на выстрел.

На всякий случай дедушка зарядил двустволку пулями и велел ребятам идти осторожнее. Ветерок тянул от скалы, и, может быть, удастся увидеть зверя.

Но как ни хотелось ребятам рассмотреть поближе свирепого хищника тайги, это им не удалось. Они лишь издалека заметили среди камней легкое движение. На мгновение на темном фоне скалы показался сероватый, похожий на большую собаку зверь. Ребятам запомнился его хвост — прямой, как дубинка. Дедушка с сожалением опустил ружье: пуля не долетит. В ту же секунду волк прыгнул и исчез в стланике.

— Хитер подлец! Подожди, еще попадешься мне!

Ребята ожидали, что сейчас и кабарга последует примеру волка. Но ничуть не бывало. Они подошли уже к самой скале, а кабарга спокойно и даже с некоторым любопытством поглядывала на людей.

Ребята первый раз видели лесное животное так близко: всего в нескольких метрах. Кабарга была ростом с домашнего козленка. Стройная, с тоненькими, точно выточенными ножками и грациозно поднятой маленькой головкой, она походила на изящную игрушку, стоящую на высоком постаменте.

— Красивенькая какая!..

— Вот глупая! От волка спасается, а к нам сама в руки лезет.

— Глупая? — переспросил дедушка. — Глупых зверей, запомните это, нет. Каждый на свой манер умный. Говорите, в руки лезет? Попробуйте возьмите ее, ну-ка!

Ребятам казалось, что кабаргу поймать очень легко. Они окружили скалу и попытались залезть на нее. Но скоро убедились, что это невозможно. Скала не имела уступов, не за что было ухватиться. Кабарга без страха наблюдала своими живыми черными глазами за суетливой возней ребят.

— Что, обожглись? — смеялся дедушка. Вот вам и глупая! Умная зверюшка. Как почует за собой опасную погоню, она прыг на остой, на скалу то есть, и стоит. Волк туда-сюда — близко, рядом, можно сказать, а не возьмешь. И крутится он, как лисица около винограда. Бывают, понятно, упрямые волки: сутки-двое караулят, ждут, не прыгнет ли. Волк не уходит, а кабарга стоит. Кто настойчивее — тот и победит. Только редко волк возьмет. Надоест серому ждать — он и уйдет.

— Это так, дедушка, а человек сейчас ее и дробью бы убил...

— Экий ты, Паша! Сравнил кабаргу с человеком.

На то он и человек. И не такие умные да хитрые звери есть. Возьми-ка соболя. И тот от человека не уйдет.

Алик что-то говорил Боре. Боря отрицательно мотал головой, но тоже поглядывал на кабаргу.

— Что-то наши повара вроде на кабарожку смотрят да облизываются, — усмехаясь, сказал Сергей Егорыч.

— Я, дедушка, предлагаю убить ее. Такой бы обед из свежего мяса приготовили! А консервы сберегутся, — вдруг проговорил Алик.

Ребята с удивлением посмотрели на него. Первый раз за всю дорогу Алик заговорил громко и смело.

— Хорошо, Алик, ты придумал, очень хорошо! — живо обернулся к нему дедушка. —

Только я ребятам уже говорил — тебя не было, — что сейчас, летом, птицы и звери плодятся, детенышей выводят. Вот почему в это время охота запрещена. Убьем одну кабаргу, а несколько ее детенышей погибнет. Выходит, не одну кабаргу мы убьем, а целый выводок. Если так, без всяких правил, охотиться, то очень скоро можно всех животных в тайге перебить, уничтожить. Ни один настоящий охотник не нарушит охотничьих правил. Придумал ты правильно, о нашей кухне заботишься. Но не все, что легко в руки дается, брать надо.

— И ни одного зверя до пади Золотой не застрелим? — поинтересовался Алик, довольный похвалой дедушки.

— Ну, как не убить? Что можно — возьмем. Есть у меня разрешение на отстрел изюбра. Может, еще что попадется. Вот тогда наваришь мяса сколько душе угодно. От мяса мы не откажемся — это не саранча...

Экспедиция отошла уже далеко, а кабарга по-прежнему неподвижно стояла на скале.

Стланик становился ниже и реже. Видимо, ребята достигли такой высоты, какой не любило даже это неприхотливое растение.

Экспедиция остановилась на короткий привал. Дедушка велел поднять повыше голенища бродней и застегнуть тужурки. Впереди был снег. Необычно было видеть его летом. Он так сверкал под солнцем, что слепил глаза. Ни дерева, ни кустика впереди — одна голая белая сверкающая равнина. Разноголосο журча, из-под снега вытекали ручейки и терялись в камнях. Между ними кое-где робко голубели подснежники. Да, здесь, почти на вершине хребта, еще только начиналась весна.

*Ребята жадно смотрели на север. За какой горой, где она,
Золотая падь?*

Паша был удивлен и разочарован. Не оказалось ни ледников, ни отвесных подъемов, ни пропастей. Не нужно было привязываться веревками, вырубать топориками ступеньки. Перед ними лежал только снег, который в самом глубоком месте едва доходил до колен. Да и тот ничем не примечателен, потому что лежал здесь не вечно, а только до середины лета. Но ничего, Паша, путь далек, опасностей впереди еще много.

К полудню экспедиция поднялась на вершину.

Невольный крик восхищения вырвался у ребят. Какой великолепный открывался вид! Разноцветными искорками переливался на солнце снег. Ниже, за снегом, зеленела тайга. Кедрач выделялся темным цветом. Дальше, до самого горизонта, одна за другой тянулись волнистые линии гор. Самые дальние горы были едва видны. Они казались голубыми, как небо, и почти сливались с ним. Кое-где среди тайги виднелись редкие, крохотные лоскутки степи. Стеклышками поблескивали озера. И воздух был особенной прозрачности: будто его и нет совсем. Так раздвинулись все дали! Так ясно вокруг! Столько яркого света!

Ребята жадно смотрели на север. За какой горой, где она, падь Золотая?

Движущаяся точка внизу привлекла внимание путешественников. Не сразу они поняли, что летит самолет. Интересно его было видеть ниже себя. Это, видимо, совершал обычный осмотр тайги воздушный пожарник.

— А наверное, ему случается и над падью Золотой пролетать, — пришла вдруг Жене неожиданная мысль. — Пожалуй, случается.

— Пролетит летчик над ней и даже, конечно, не подумает, что под ним такая падь — Золотая!

— Да... А вон и Монгон, — повернулся в другую сторону дедушка.

Далеко на юге, меж гор, стлался легкий дым. Но ни одного дома ребята не могли рассмотреть, как ни старались.

— Смотрите, смотрите! Савраска!

Савраска стоял, насторожив уши, и тоже смотрел в сторону Монгона. Наташа потрепала его по шее. «Соскучился, наверное... А может, мама сейчас сюда смотрит...» — мечтательно подумала она.

Все помахали руками — до скорого свидания! — и начали спускаться с гольцов.

— Ребята! — торжественно провозгласил Паша. — Кроме геройских партизан дяди Сережи и дяди Васи, здесь не ступала нога ни одного человека!

Все со значительным видом переглянулись.

Солнце стояло еще высоко, когда экспедиция вышла в широкую падь, к первому пункту, отмеченному в «Описании».

Глава II У ПАСТУХОВ

Падь раскинулась в ширину километра на четыре. Посреди нее чернели кусты, видимо, там протекала речка. Вспугнутый людьми, оглашая воздух пронзительными, тревожными криками, взмыл и полетел вдоль пади большой кулик-кроншнеп. Мелодичным, успокаивающим посвистом ему откликнулась другая птица. Пустельга, часто трепеща крыльями, неподвижно висела в небе, словно привязанная за ниточку. Важно вышагивали, переключаясь, как ягодницы в лесу, журавли. Призывно кричала, даже охрипла от усердия, кряковая утка.

— Вот дичи так дичи! — закричали ребята.

— Еще бы, — важно сказал Паша, — тут не ступала нога человека!

Федя с Женей быстро разведали местность и нашли удобную полянку для ночлега и ручеек. Было еще рано, и Женя решил сбегать с Федей на разведку. Приготовить постель еще успеет. Но его остановил Боря.

— Что-то надо сказать, — проговорил он.

— Ну, Боря, вон Пашке скажи! — отмахнулся Женя. — Я хоть раз с Федькой в разведку сбегаяю.

— Пашке? — Боря подумал. — Нельзя Пашке. Чего он понимает?

— Ну, говори! — Женья с сожалением посмотрел вслед Феде и обернулся к Боре.

— Про продукты. Убывают очень быстро. Уже на два дня перерасходовали... — огорченно прошептал Боря.

— На два дня? — удивился и задумался Женья.

— На два. Сами едим больше, да и лишний... — Он кивнул на Алика. — Так пойдет — плохо будет...

— Подожди. Дедушка ведь сказал, что убьем изюбра и еще что-нибудь. Когда мясо будет, мы и сэкономим. Ты не горюй.

Ребята, разговаривая, продолжали бивачные работы. Наташа чинила шаровары. Женья устраивал постель. Алик неумело, но старательно чистил картошку. Боря придирчиво следил и поучал нового помощника: толстую кожуру срезать нельзя, картошки мало. Он усердно налаживал таганки. Дедушка возился около Савраски.

Паша молча лежал на животе в траве. Наконец он вздохнул и сел:

— Женья, никак не отгадаю, что значит «Кислый». Двенадцать «кислых» придумал, и ни одно не подходит.

— Попался? Это тебе не саранчу на обед жарить, — подкусила Наташа.

— И написано почему-то с заглавной буквы, — продолжал Паша, не обращая внимания на нее. — Партизаны только большие предметы указывали: «Широкая падь», «Мертвое озеро», «Белая гора». «Кислый»... Щавель и зеленая ягода тоже кислые, но они растут везде. Какая это примета?.. — задумался Паша и вдруг закричал: — Федька бежит! Со всех ног! Что-то случилось.

— Гонится за ним кто, что ли? — встревожились ребята.

— Дедушка, звери! — крикнул, едва отдышавшись, Федя. — Много!

Ребята схватились за ружья:

— Какие звери? Где?

— Тут, дедушка, недалеко. Где моя маршрутная карта?.. Вот здесь, около речки. — Федя торопливо вывел на карте кружок. — Штук... штук тысяча.

— Тысяча? Гм... А какие они из себя, Федя? На кого походят?

— На четырех ногах, дедушка. Настоящие звери! Дикие! А кричат по-бараньи!

Ребята так и покатались со смеху:

— Звери на четырех ногах? А где ты видел зверей на двух? Может, это бараны и есть?

Федя обиделся:

— Как же, бараны! Откуда они возьмутся, если здесь не ступала нога человека! Бегу я к речке рыбу разведать, немного не добежал, смотрю — они. Видимо-невидимо. Я и рассудил: людей здесь нет, поэтому звери непуганные, стадом ходят. Правильно?.. Подбежал я, как вы меня учили, чтобы ветер от них на меня дул.

— Рассудил, можно сказать, правильно. А на следы посмотрел?

— Зачем же смотреть? Я и так всё видел.

— Всё, да, наверное, не всё... Что же, герои, сходим посмотрим на невиданных зверей, а?

— Сходим! Сходим! На всякий случай патронов побольше взять надо. Звери неизвестные, могут и напасть, кто их знает, — разом заговорили ребята.

— Если невиданные, то одного убить можно, — подумав, рассудил Боря. — Шкуру в музей сдать, там чучело сделают.

— А мясо? — посмеиваясь в усы, спросил дедушка.

— Мясо, какое мясо? — смутился Боря, выдав свою тайную мысль.

— Вот, Борька, сразу и попался! — с укором сказал Паша. — Ответил бы: «Тоже в музей сдать». Дедушка бы возразил: «В музей мясо не берут». А ты бы вздохнул: «Вот беда какая! Неужели не берут? Что же делать? Ну, давайте тогда все мясо мне».

— Давайте все мясо мне! — живо повторил Боря. Грянул такой смех, что Савраска вздрогнул и вскинул морду. Боря недоуменно оглянулся, потом покосился на Пашу и молча отошел к костру. Ребята быстро собрались.

— И я с вами! — вскинулся Алик и покраснел.

— Нет уж, ты, брат, оставайся: дело ведь у тебя серьезное — Борису помогать, — сказал дедушка. — Каждый свою работу выполнять должен, а не ту, что поинтереснее покажется.

Обед для всех сварить — дело нешутейное. Оставайся с Борисом.

Алик смутился и тут же начал усердно орудовать с котелками.

— Что он... работает? — удивленно спросил Федя, когда все отошли от табора.

— Работает, — нехотя ответил Женя. — Я за ним все время смотрю. Про все у Борьки спрашивает. И слушается: что Борька скажет — он сразу...

— Воды принес, картошку чистил, ложки и кружки песком прочистил, — подтвердила Наташа.

Федя недоверчиво посмотрел на них.

— Подлизывается! — презрительно бросил он.

— А может, и нет? — сказала Наташа. — Но тоже непонятно...

Федя, не дослушав, надвинул картуз на затылок и побежал к дедушке.

Незнакомые звери, которых видел разведчик, оказались на прежнем месте. Еще раньше, когда дедушка вывел ребят на следы, отпечатки множества копыт были ясно заметны. Особенно хорошо отпечатались они на полянках с черной, покрытой белым налетом землей, кое-где встречающихся среди высокой, почти до колен, травы.

Большой табун животных пасся в низине. В нем было действительно не менее тысячи голов. В тихом воздухе разносилось разноголосое дружное блеяние.

— Вон они, дедушка! Видите сколько? И никаких людей нет. Какие же это бараны?

— Так... А все-таки главное-то для разведчика — след. Все может обмануть, след никогда не обманет. Увидел по следу, к примеру, что прошло десять человек. Догнал их, смотришь — всего пять. Но не верь глазам, следу верь: тут где-то и остальные должны быть. А ты на следы даже внимания не обратил и ошибся поэтому. Посмотри-ка сюда. Кто за твоими зверями шел?

— Люди... — упавшим голосом проговорил Федя, сконфуженно рассматривая землю, на которой ясно виднелись следы человека. — Из-за тебя всё! — Разведчик сердито посмотрел на Пашу. — С утра твердил, что тут нога человечья не ступала. А их сразу двое прошло! Болтушка!

— Я на основании документов говорил, на основании дневника великих героев, — спокойно ответил Паша.

— «На основании»! А зачем меня подвел?

— Штурман бараными следами не занимается. Разведчик занимается...

— Тебя не переспоришь. Ну тебя! Вот как отштурмую сейчас!..

— Я думаю, — вмешался Сергей Егорыч, — что спор между главным разведчиком и главным штурманом произошел по недоразумению. Разведчик правильно рассуждал, да и штурман тоже. Двадцать шесть лет назад тут, наверное, ни людей, ни баранов не было. Можно сказать, что обоих подвела история.

— А вон и люди, из-за увала вышли! — воскликнул Женя. — Ой, Федька, правильно: два человека! Как ты узнал?

Позади стада действительно показались два человека...

— Я как посмотрел на следы, так и узнал, что двое, — сразу повеселел Федя. — Смотри, Женя, один след большой, второй — меньше.

— Вот и давайте, пока они далеко, поучимся науке разведчика, — предложил Сергей Егорыч.

Федя с помощью дедушки определил по следу, что один из пастухов был старик, а второй — мальчик. Обуты в обувь без каблуков. Сложнее было понять утверждение дедушки, что старик большую часть жизни провел на лошади. След и след! С большим трудом и то очень смутно он заметил ту особенность в постановке ног, которую накладывает долгое пребывание в седле. Тут же определили, что люди эти были обуты не в обычные сапоги, а в какую-то особую обувь.

Пастухи, оставив отару, повернули к ним. Они были бурятами. Один — старик с безбородым морщинистым лицом цвета темной бронзы, с глазами-щелочками, в длинном, ниже колен, халате и остроконечной меховой шапке. Второй — мальчик лет двенадцати, небольшого роста, крепкий, широкоплечий, скуластый, с любопытными черными, как угольки, глазами, с особым, густым румянцем на смуглых щеках. Одет он был по-городскому и даже щеголевато для тайги: рубашка с ремешком, брюки, кепка — все наглажено, начищено.

Чабаны подходили неторопливо, внимательно оглядывая ребят и дедушку.

Первым, вытащив на минуту изо рта разукрашенную серебром трубку, поздоровался старик, затем мальчик.

— Сергей Маврин, — отрекомендовался дедушка, протягивая старику руку.

— А-а... — серьезно протянул старик. — Маврин... Лесник... Читал мало-мало про тебя в газете. Цыден Баржиев, — назвал он и себя, степенно пожав руку новому знакомому.

— Читал и про тебя, Цыден. И фотографию видел. Сразу узнал, — ответил дедушка.

— Было, — спокойно сказал старый Цыден. — Приезжал из города человек, все спрашивал да писал. Потом карточку снимал. — Пастух оглянулся и сел на кочку. — Устал, однако. Все на лошади пасу, а сегодня пешком — захромал конь что-то.

Ребята невольно переглянулись. Ну и следопыт дедушка!

— Однако, рассказывай новости, — продолжал старый Цыден. — Что на земле? Какое число последнюю газету читал?

Дедушка назвал.

— А-а... — разочарованно протянул Цыден. — Такое число у меня есть. Однако, худо получается. Пять дней газета ходит, только на шестой доходит... Ну, пошли ко мне. Гостями будете. Барана резать буду.

— Далеко твой дом, Цыден?

— Километра два будет. Быстро собирайся. Ладно?

— Спасибо, Цыден. Придем.

— Базыр, приглашай гостей! — сказал старик, обратившись к мальчику.

— Приходите, ребята. Обязательно приходите! — сказал Базыр и улыбнулся, сверкнув белыми зубами.

Пастухи медленно пошли к своей огромной шумной отаре. Она паслась не遠деке, и ею нельзя было не залюбоваться. Бесчисленное множество животных, все белого цвета, двигалось тесной массой, покачивая широкими спинами. Будто белая лавина, волнуясь на поверхности барашками мелких волн, плавно растекалась по полю.

— Не пойдем к чабанам! — сумрачно сказал Федя.

Он тяжело переживал свое поражение. Хорош разведчик — принял баранов за диких зверей! Мало ли что Пашка мог наболтать. Слушать — слушай, а дело свое знай.

— Полно, полно, герой! — Дедушка положил руку на плечо мальчика. — Я больше полвека в тайге и все еще учусь. А ты еще ни разу не тонул, не горел и хочешь, чтобы тут тебе все сразу выложилось. Да-а... Тайга, глухая тайга была, а сейчас вон какие стада пасутся, люди какие живут! Расчудесно получается, Федя!

Через час, снявшись с табора, экспедиция подходила к жилищу пастухов.

За широким увалом, который издали был совсем незаметен, расположился крошечный поселок: два дома, навесы, изгороди. Рядом протекала речка. Над ней высокая металлическая мачта и наверху железное колесо с лопастями. Несмотря на тихую погоду, колесо беззвучно вращалось.

— Ветряк, — сказал Женя. — На картинке я видел.

Ребята заметили также, что на шестах, прибитых к крышам домов, натянута антенна. Женя укоризненно покачал головой. Боря недовольно хмыкнул, а Федя с Пашей рассмеялись. Ну и мастер! Руки отбить за такую работу. Антенна изогнута, провисла, как дуга, цепочка изоляторов расположена неправильно, чуть не касается крыши. Наверное, у Базыра маленький братишка — он и смастерил так.

За плотной изгородью, под длинными навесами, крытыми новым драньем, неумолчно блеяли бараны. Резко пахло перепревающим навозом и потной шерстью.

Два огромных лохматых цепника встретили экспедицию остервенелым, хриплым лаем.

— Собаки! — радостно крикнул Федя. — Ребята, собаки!

Никто не успел опомниться, как он уже подбегал к ним.

— Федька!

— Назад, Федя, разорвут! Назад! — кричал дедушка.

Не в силах предпринять ничего другого, он сдернул с плеча двустволку и взвел курки. Дедушка хорошо знал свирепость полудиких чабанских псов. Каждый из них легко справляется с волком, а когда рассвирепеет не слушается даже хозяина.

Но Федя был уже рядом с цепниками. Хриплый лай их перешел в страшный вой и визг. Потом стало тихо. Был слышен только скрежет натянутых, как струна, цепей и прерывистое дыхание громадных псов. Тихо приговаривая, Федя шарил по карманам и что-то бросал цепникам. Обезумевшие собаки с налившимися кровью глазами даже не замечали летящих к ним кусков.

Дедушка поднял ружье. На крыльцо выскочил с берданкой старик Цыден и тоже прицелился.

Федя, не останавливаясь, шагнул и протянул руки. Цепники вдруг отступили. Федя шагнул еще... Случилось невероятное. Цепники, видимо никогда не знавшие ласки, неловко завияли хвостами. Руки Феде опустились на их головы.

— Выпороть тебя, сукина сына, мало! Выпороть! — свирепо шевеля усами, крикнул дедушка, смахивая со лба капли пота.

— Э-э!.. — изумленно протянул старый Цыден, придя наконец в себя. — Ну, парнишка! Как так?.. Базыр, иди сюда!

Вышел Базыр и тоже изумленно уставился на Федю. Федя говорил собакам ласковые слова, почесывал у них за ушами. И вот уже одна неуклюже повернулась на спину, задрала толстые, сильные лапы. Вторая терлась о Федю лбом, да так, что чуть не валила с ног.

— А его, дедушка, и в Монгоне каждая собака знает, — сказал спокойно Паша. — Он говорит, что для разведчика-пограничника это самое важное.

— Борька, дай хлеба! — крикнул Федя. — Давай мою порцию, не буду я ужинать... Женя, скажи, чтобы дал. Ведь просил, чтобы хоть одну собаку в поход взяли. Иди вот без них. Вам-то хорошо...

— Дай хлеба! — приказал Женя Боре.

— Ну и парнишка! — повторил, подойдя к ребятам, дед Цыден. — Однако, сильно смелый... Ну, заходи в избу, Сергей. Проходите, парнишки. Коня оставь. Базыр его уберет.

Базыр, с любопытством поглядывая на ребят, отвел Савраску к изгороди, ловко снял вьюки и расседлал. Ребята вошли в дом. Федя, скормив собакам хлеб, пришел позже.

В сенях, у потолка, висела только что содранная, со следами крови, овечья шкура. В кухне на плите кипело и шипело. Вкусно пахло тушившимся мясом.

Старик провел гостей в комнату, очень чисто прибранную. В переднем углу в таких же, как у дедушки Михеича, рамках из кедра — портрет Ленина. Две никелированные кровати заправлены белыми покрывалами. У меньшей кровати вместо ковра лежала медвежья шкура, занимая почти половину комнаты. На тумбочке в строгом порядке сложены книги и толстая стопа газет.

Наташа, как водится у девочек, больше всего заинтересовалась рукоделием. Аппликациями и гладью были вышиты фиолетовый ирис, кудрявые красные лилии и голубые незабудки, здешние дикорастущие цветы. Наташа залюбовалась: очень искусная работа!

На столике, в углу, ребята увидели приемник, прикрытый скатеркой, и опять поразились неумелой работе. Даже подставка для приемника — толстая неуклюжая доска — была почти неотесана и неостругана. Неужели это Базыр делал? Савраску так ловко расседлал, по хозяйству все в руках кипит, а тут совсем неумеха.

Три маленькие электрические лампочки висели под стеклянным абажуром у потолка.

— Женя, откуда здесь электричество? — спросил удивленный Паша. — Ни электростанции, ни проводов нет.

— А от ветряка. Видал ветряк? — сказал Базыр, входя следом в дом за гостями.

— Базыр, ты делал радиоприемник? — спросил Женя. — Работает он?

Базыр смутился и промолчал.

— Нет, — ответил за него, появляясь с тарелками, дед Цыден. — Однако, всем хорош Базыр! Охотник хороший. Дома помогает хорошо. А немного болтун. Строил, строил, землю копал. Радио, говорил, будет. Де-тектор-ное, — по слогам выговорил трудное слово старик. — Сильно рад я был. Сильно охота сразу знать, что на земле случается. Инструмент купил, помогал, проволоку крутил. Долго ждал. И всё зря. Не говорит радио. Сказал да не сделал — хуже нет.

— Не сумел я... — потупился Базыр.

— А зачем обещал вперед?

— Ну, дедушка, — вступился за мальчика Женя и вспомнил хозяина Золотого хребта, — у вас и газеты, и книги, и электричество — не так скучно.

— Однако, парень, ты плохо понимаешь! — возразил старый Цыден и заговорил, больше обращаясь к дедушке. — Зимой один со старухой живу. День короткий, ночь большая. Пригонишь табун — куда вечер девать? Книгу читаешь-читаешь — глаза заболят. Со старухой поговоришь. Трубку покуришь. На улицу выйдешь. Придешь, а спать рано. Что делать? Я хочу музыку слушать, умный разговор...

— Я так и хотел сделать, — сказал Базыр, не зная, куда деться от смущения. — Забыл немного, антенну и «землю» правильно сделал, а схему забыл...

— Сильно много, однако, и не виноват, — смягчился старый Цыден. — Думаю я так: взрослые виноваты. Был я в клубе. В первом ряду сидел. На сцене Базыр выступал, много парнишек выступало. Поют хорошо. Пляшут хорошо. Кувыркаются по-разному... Гимнастика называется — тоже хорошо. Все надо, за это спасибо. А купил Базыру инструмент — рубанки, напильники, сверла и еще всякий. Он на них как баран смотрит. Почему парнишек работать не учат? Чему могу — охоте, по хозяйству — я сам учил. А парнишке надо привыкать железо рубить, дерево строгать, машиной управлять. Сильно недовольный я. В других колхозах был. В городе был. Везде парнишек плохо учат хорошей работе. Веселиться только. Тьфу! — Старый Цыден сердито плюнул.

Ребята обиделись — это они-то ничего не умеют делать, только веселиться? А кто делал санки, коньки, запоры к воротам? Кто сделал настоящий радиоприемник?

Паша решительно вскочил и направился к приемнику. Сейчас они наладят его в два счета

и докажут ворчливому деду Цыдену. Но Женя, дернув за рубашку, посадил его обратно.

— Завтра, завтра, — прошептал он. — Сейчас ни-ни...

— Ну, однако, хватит, — не заметив движения среди ребят, сказал старый Цыден. — Угощай, Базыр, гостей. Ужинать надо. А мы с Сергеем водку мало-мало пить будем.

Разговор за ужином сначала не налаживался. Базыр после проборки чувствовал себя неважно. Ребята думали о словах старого бурята и теперь мысленно соглашались с ним: кто из ребят во всей школе, кроме них, мог сделать радиоприемник или нарезать болт, склепать две железины, припаять ручку к кастрюле? А они и научились только потому, что им действительно выпало счастье: Володя!..

Разговор завел Паша.

— Базыр, — сказал он, — отгадай загадку: «Что в тайге есть кислое?» Дедушка Цыден, вы тоже можете отгадывать. Это самая трудная загадка на свете. Ее еще никто не мог разгадать.

— Базыр разгадывать мастер, — видимо, довольный, что ребята разговорились, сказал старый Цыден. — Он тебе быстро отгадает.

Действительно, Базыр засыпал Пашу словами. Но Паша на каждое его слово отрицательно качал головой. Цветы, деревья, ягоды, травы — этого партизаны не могли указать в «Описании». Остановки между ответами становились всё длиннее. Заметив это, стал помогать старый Цыден. Скажет слово и посмотрит вопросительно на Пашу.

— Вода, — назвал очередной предмет Базыр. — Мы с дедушкой раз пили — кислая-прекислая. Редко такая в лесу, но есть.

Паша опять сказал «нет». Было бы в «Описании» «кислая», а не «кислый».

— Трудная загадка! — сказал наконец Базыр. — Не могу разгадать. Ты мне скажи отгадку. Хочу нашим ребятам загадать.

— Отгадку?.. — протянул Паша.

Он смутился и растерянно взглянул на Женю. У наших ребят вытянулись лица. Смущенно зашевелил усами дедушка. Вот так попался Пашка!

Но замешательство длилось минуту, не больше. Ответ пришел, как всегда, быстро.

— Это, Базыр, загадка совсем особенная, — сказал Паша. — Она не имеет отгадки. Загадка без отгадки.

У Базыра и ложка в воздухе повисла. Он растерянно посмотрел на своего дедушку и совсем уж хотел было обидеться — зачем заставлял думать, если никакой отгадки нет, — но вспомнил, что он хозяин и обижаться на гостя нельзя. Он вежливо улыбнулся и опять принялся за баранину.

Но старый Цыден, видимо, обиделся за внука.

— Э-э... — протянул он. — Кто такие загадки задает, когда у нее отгадки нет? Какой это такой парнишка? — спросил Цыден у дедушки, кивнув на Пашу.

— Это наш главный и особый выдумщик, — ответил дедушка.

— А-а... Ну и, однако, главный и особый плут!

— Постой, постой, Цыден, — заступился дедушка. — Так уж сразу и плут!

— Ну, не сильно плут, а немного есть...

После ужина взрослые вышли на улицу посмотреть хозяйство. Ребята остались одни.

Базыру очень хотелось тоже огорошить Пашу загадкой без отгадки, тем более, что он видел, как засмеялась, конечно над ним, Наташа. Однако придумать такую загадку оказалось совсем не легко. Еще сильнее ему хотелось узнать, куда идут ребята. Но старинный обычай ни о чем не расспрашивать гостя, пока он сам не скажет, удерживал его от вопроса.

— А мы медведя испугали, — сообщил как ни в чем не бывало Паша. — Ты, Базыр, видел медведей?

— Видел, — просто ответил Базыр. — Нынче зимой убил одного.

— Убил? — изумился Федя. — Здоров ты сочинять!

— Сочинять? — не теряя спокойствия, сказал Базыр. — Я всего один раз про радио дедушке соврал... нечаянно. Больше никогда не врал.

Он небрежно подал Феде фотокарточку. На ней был изображен Базыр с берданкой. У ног его лежала огромная туша медведя.

— Вот это да!..

Базыр с удовольствием заметил, как Наташа прыснула, посмотрев на огорошенного Федю, а на него бросила быстрый любопытный взгляд. Свой авторитет Базыр считал восстановленным, но даже виду не подал.

Глава III ГОВОРIT МОСКВА...

— Федя, в кладовке около цепников — инструмент. Я вчера видел... — торопливо говорил Женя. — Принесешь сюда! Заметь, как лежит, чтобы потом положить так же. С Пашей наладите антенну. Следите в оба, чтобы зачем-нибудь не вернулись дедушка Цыден, Базыр или наш дедушка.

— Есть! — ответил Федя, блестя из-под картуза глазами.

— Есть! — ответил Паша, сияя остроносеньким лицом.

— Боря, сделать столлярный верстак! Быстрее, попроще, но крепкий. Ни одной доски не попортить. Сначала выстрогаешь подставку для приемника. Стружку сразу убирай в ямку, чтобы в случае тревоги сразу сделать все незаметным.

— Есть! — ответил Боря, широко улыбаясь.

— Наташа, распутай проволоку! Базыр всю перепутал. Отмеришь, сколько надо на обмотку. Катушку сделаю я. Монтировать будем вместе. Еще, Боря, тебе сделать «землю»... Всем работа?

Взгляд Жени упал на Алика, смущенно опутившего глаза. Женя нахмурился и переглянулся с ребятами. Те молча пожали плечами. Вдруг Боря молча показал рукой сначала на Алика, потом на себя.

— Ага... Алик, будешь помогать Боре... Итак, ребята, наша задача — успеть до вечера наладить приемник. Всю работу замаскировать так, чтобы ничего не было заметно. Наушники подвесим над кроватью дедушки Цыдена за портрет. Проводку спрячем за коврик. Приемник включим, когда все лягут спать.

Этот разговор происходил утром. Чабаны угнали свою шумную отару на пастбище. Дедушка ушел вместе с ними, чтобы походить, познакомиться со здешней тайгой. А ребята остались в пастушьем домике одни. Сегодня по графику похода, предложенного дедушкой еще дома, был выходной. Как ни хотелось всем быстрее найти падь Золотую, но без отдыха нельзя — тяжело.

— Всё понятно, ребята? — переспросил Женя.

— Всё!

— Иди, Федя, за инструментом. На часах постоим я и Боря. Как сделаешь, свистнешь.

— Ой, Женя, как тимуровцы! — взволнованно проговорила Наташа.

Женя зорко смотрел в окно. В широко раскинувшейся, залитой утренним солнцем степи не замечалось никакого движения. Темнели кусты, одинокие лиственницы. Вот, кажется, кто-то показался... Нет, это только пенек.

Раздались два тихих свистка.

— Паша, помоги Феде! — не отворачиваясь от окна, сказал Женя.

Через минуту вошли нагруженные инструментом Федя с Пашей.

— Все в порядке? Цепники пропустили?

— В порядке. Как же не пропустят!

Женя привернул к столу тисы. Выбрал из кучки принесенного железа нужный по размеру кусок. Зажал в тисы. Взял и внимательно осмотрел напильник.

Напильник Жене не понравился — крупная насечка. Взял другой. Этот как раз. Шершавая холодная сталь зашекотала руку. Женя на минуту задумался, вспоминая, как правильно стоять у тисов. Вот уже и забываться стало... Наконец сделал первое движение. Раздался звук стали по железу. Он радостно улыбнулся, вытер вспотевшее от волнения лицо и сказал:

— Ну, ребята, начали!

Работа закипела...

Поздно вечером, когда солнце уже закатилось и, убрав стадо, в дом вошли усталые старый

Цыден, Базыр и дедушка, здесь не было заметно никаких перемен: все оставалось так, как было утром. Ребята читали вслух книгу.

— Ну, герои, хорошо отдохнули? — спросил дедушка, снимая патронташ и вешая ружье.

— Хорошо! Давно так не отдыхали, — ответил за всех Паша.

— Купались? Рыбачили?

— И купались и рыбачили.

— Ага... Значит, рыбка есть?

— Какая-то, дедушка, тут рыба неинтересная, — ответил Паша. — Клюет, а не ловится.

— Срывается... — пояснил Боря и легонько вздохнул. — Хотели в запас наловить, и вот...

— Э-э... — протянул старый Цыден. — Однако, плохие рыбаки.

— Ну, ну, плохие! — недовольно пошевелил усами дедушка. — Рыбка, она, Цыден, тоже того — когда поймается, когда и нет.

Ужин показался ребятам бесконечным. Наконец-то он кончился. Старики набили трубки, выкурили, задымили по второй.

— Ну, однако, делать нечего, спать надо! — вздохнув, сказал Цыден.

Он потушил свет, повернулся, кряхтя, на постели и затих. В окно заглядывали звезды. За стеной изредка бряцали цепями собаки. Едва слышно доносилось журчание речки. В открытую дверь вливалась прохлада, напоенная пряными запахами трав, цветов и близкой тайги.

— Включаю... — прошептал Женя ребятам. — Притворитесь, что спите.

В тишине комнаты зазвучала музыка ясно, отчетливо. Ребята услышали, как приподнялся на кровати старый Цыден. Привстал дедушка. Вскочил Базыр.

— Базыр! Базыр! — тревожно проговорил старый Цыден. — Что такое?

— Не знаю!

— Свет включить... Что такое?

А музыка все звучала и звучала.

Наконец старый Цыден включил свет. Все трое удивленно озирались, стараясь понять, откуда она льется. Вот взгляды их скрестились на портрете. Там!..

Старый бурят, шлепая по полу босыми ногами, заглянул за портрет и осторожно вытащил наушники.

— Говорит!.. Базыр, твое радио говорит! — радостно воскликнул пастух, прикладывая наушники то к одному, то к другому уху. Бронзовое скуластое лицо его выражало растерянность и радость. — Говорит!.. Однако, почему раньше молчало?

Базыр подскочил к угловому столику, где, укрытое, стояло его неуклюжее, неудачное творение. Поднял скатерть. И все увидели новый радиоприемник, маленький и красивый, радующий глаз блеском отполированных металлических частей...

— Э-э... Какой у нас хороший мастер был? А, Базыр? Почему я следов у крыльца не видел?

— Однако, Цыден, мастера вон лежат! — проговорил, горделиво усмехаясь, дедушка.

— О-о!.. — только и сказал старый бурят. — О-о!.. — повторил он и, склонившись над ребятами, вдруг ласково и тихо засмеялся. — А ну, однако, вылезь из-под одеяла! Вылезь, вылезь!.. Показывай головы... — Он стащил одеяла.

Смущенные ребята поднялись с подушек.

— Однако, я вчера немного неправду сказал. Расскажите, пожалуйста, как такими мастерами стали. Хочу знать, почему мой Базыр хуже.

И Женя рассказал.

— Так... — Старый Цыден долго молчал. — Придете домой, прошу зайти к Володе. Передайте, чабан Цыден Баржиев ему большое спасибо послал, что вас мастерами сделал. А вы в гости ко мне много раз приходите. Самыми дорогими гостями будете.

Ребята услышали ясный голос: «Говорит Москва».

— Говорит Москва, — повторил старый Цыден, устремив раскосые глаза куда-то вдаль, за стены домика.

Женя долго не спал. Вспыхивал, раздвигая темноту, слабый огонек трубки — курил

дедушка Цыден. Он все еще слушал радио.

И вдруг Женю осенила такая простая, неожиданная и вместе с тем долгожданная мысль, что он вскрикнул:

— Федька! Наташа!..

Но ребята спали.

Женя провел горячей рукой по лицу. Он вспомнил обидный упрек Феде: «Командир! По готовенькому только шел!» Вспомнил и свои слова Наташе: «Я найду!» И вот... нашел! Неужели нашел?

— Ребята! — повторил Женя. Опять никто не откликнулся.

Ладно. Хорошо, что они спят. Он сейчас никому ничего не скажет. Он проверит, обдумает. А скажет обо всем только в пади Золотой.

Ему приснился старенький, покосившийся домик на берегу Тихой. Над домиком пылала видимая всему Монгону, видимая и с хребта от дедушки Михеича, гордая красная звезда. Развевался на ветру новый флаг, ярко горели на вывеске слова: «Штаб монгонской тимуровской команды имени Аркадия Гайдара».

Около домика стоял папа и родной, неповторимой улыбкой улыбался ему, Жене.

На другой день экспедиция уходила из гостеприимного домика Базыра и старого Цыдена.

Ребята взяли путь на север к озеру, которое в «Описании» партизан называлось почему-то «Мертвым».

Дедушка Цыден шелкал бичом и кричал на баранов:

— Жек-к! Жек-к!

Базыр приветственно махал ребятам кепкой.

Глядя Феде вслед, тоскливо завывали цепники.

Федя шел, надвинув картуз на глаза.

Неторопливой и неслышной походкой шагал дедушка. За ним на поводу, раскачивая выюками, тянулся Савраска. Губа у него отвисла, он ко всему равнодушен, но шагает себе и шагает, осторожно обходя попадающиеся валуны.

Паша озабоченно морщился и что-то нашептывал про себя. Сегодня он смело подал Феде команду:

— Курс на север! К Мертвому озеру!

А что скажет завтра? Куда идти? К какому «Кислому»?

По-обычному бодро и спокойно шел Женя. Ничем не обнаруживалась пришедшая ночью радостная и беспокойная мысль. Она не покидает его и сейчас.

Улыбалась, оглядываясь вокруг, Наташа. Как все хорошо! Зеленая степь, зеленый лес, голубое небо... Очень красива даже эта посеребренная росой паутина, протянувшаяся между кустами. Как легок и ясен звук капель, падающих с влажной листвы!

Боря с Аликом разговаривали. Боре новый помощник пришелся по душе. Дома почему-то был лодырь, а здесь совсем другой. Правда, мастер из него пока неважный, но зато старается. Слушает внимательно, выполняет беспрекословно и, главное, ни о каких планах даже не заикается. Можно не бояться, что в котле окажется какая-нибудь саранча... Одно плохо: цены продуктам не знает. Остаются куски хлеба — и он готов выбросить. Того не понимает, что такие кусочки можно на солнце подсушить и при нужде за хорошие сухари пойдут. Остатки вчерашнего ужина выбросить хотел, а не нести в котелке.

Боря поучал Алика практической жизни. Повара — люди самые скромные, их не замечают. Как обед, ужин — всё кто-нибудь да ворчит! То Федька, то Пашка, а бывает, и Наташа.

Но повара не только люди скромные, но и очень важные. И начальники, и разведчики, и другие специалисты четыре раза в день хотят есть. Их надо кормить. Конечно, о восьми блюдах пусть не мечтают. Так и Женя сказал. Ешь, что сварено; наелся — и уходи. Но только, если придется до пади Золотой месяц идти, — месяц надо кормить. Каждую корочку береги. Совсем мало продуктов останется — сам не доедай, а экспедиция должна быть сыта. На голодный желудок ни начальнику, ни разведчику — никому работа на ум не пойдет.

Мимо поваров, покосившись на них, пробежал Федя. У него еще звучал в ушах вой

покинутых собак. Но работа не ждет. Где-то укрылось Мертвое озеро, надо его искать. Скоро экспедиция опять вошла в тайгу.

Глава IV ОЗЕРО ТЫСЯЧИ ОНДАТР

— Мертвое озеро! Дедушка, Женя! Вот оно! Правильно идем, ребята! — кричал Федя, размахивая картузом.

Ребята бегом бросились к нему.

— Вот так озеро!

— В лесу!

— На самой горе!

— Как красиво!

Эти возгласы раздались одновременно.

Ребята стояли на берегу большого круглого озера, лежащего в обширной котловине на самой вершине горы. Со всех сторон его окружал лес. Стройные сосны и белые облака отражались на гладкой, неподвижной поверхности воды. Лучи вечернего солнца падали на лес сбоку, отчего каждое дерево, каждый сучок вырисовывались особенно отчетливо. Стволы сосен казались позолоченными. Удивительно нарядный, веселый лес и холодная гладь озера, строго окаймленного темным камышом!

— А может, это не Мертвое озеро? — с сомнением спросил Паша, разворачивая «Описание».

Федя сидел на корточках, старательно выискивая на маршрутной карте место, куда следовало поместить озеро.

— Оно! — уверенно отозвался Федя. — Точно на север шли. Я уже все разведал. Не то что рыбы — ни одной пиявки в нем нету. Да и вид у него смотри какой!

Доводы Феди показались убедительными. Все ребята согласились, что это то самое озеро, которое указано партизанами в «Описании».

Название «Мертвое» в самом деле очень подходило к нему. Ни одной утки не плавало здесь. Ни одна волна, ни малейшая рябь не появлялись на его точно окованной невидимым льдом поверхности. Не плескалась, как обычно вечерами на других озерах, рыба.

— Только мне одно непонятно, — сказал Федя. — Какие-то зверьки около озера живут. По берегу всё норы и норы...

— Постой, постой, Федя, — недоверчиво проговорил дедушка. — Наверное, тебе показалось.

— Какое показалось! Много нор!

— Пошли-ка, пошли, посмотрим! — неожиданно заинтересовался дедушка. — Такое ты говоришь, что даже не верится.

На высоких берегах озера действительно виднелись многочисленные темные отверстия, уходящие почти отвесно вниз.

— Что, дедушка, показалось? Видите?

— Шельмы... Вот шельмы! Этакie умницы! И сюда пробрались!.. Знаешь, Федя, каких ты зверьков разведал?

— Каких?

— Ишь, умницы! Ну и умницы!.. — приговаривал дедушка, подходя то к одной, то к другой норе. — Слыхали, герои, про ондатру?

— Ондатра? Нет, не слыхали... Нам бы, дедушка, увидеть, — заинтересовались ребята.

Они пытались прутьями и стуком выгнать зверьков из нор, но те не показывались, не подавали никаких признаков жизни, точно их и не было вовсе.

— А как же! Не увидеть, так нечего было и идти. Придется, герои, в документы поправку внести. Было озеро мертвым, а через часик увидите, каким стало.

Ребятам хотелось увидеть зверьков немедленно. Но дедушка сказал, что ондатра — зверек сумеречный и при свете покидает нору редко.

Раскинули табор. Перед закатом солнца, захватив ружья, все пошли по берегу,

облюбовывая место. Уселись на срубленную молнией сосну. Густой камыш здесь прерывался, образуя как бы бухточку чистой воды, подходящей прямо к берегу. Ребята убрали мешавшие видеть сучья. Дедушка обратил их внимание на узенькие дорожки, напоминающие заячьи тропинки, проложенные через камыш. Ондатры любят полакомиться травой, но выходят на берег не везде, а только по своим дорожкам. Зная такую повадку зверька, охотники расставляют на дорожках капканы или ловушки, в которые ондатры и попадают.

Солнце закатилось, но вокруг еще не стемнело. В кустах через равные промежутки времени пела свою короткую песенку пеночка-зерничка: «Спите ли вы-ы?... Спите ли вы-ы?...»

Собравшись в кучу, над водой играли, точно хоровод водили, комары. Ребята некоторое время любовались забавным зрелищем. Каждый комар то поднимался, то падал вниз. Каждое насекомое все время находилось в движении, но в то же время весь рой висел в воздухе на одном месте.

Первая ондатра появилась неожиданно. Прямо перед ребятами показался черный комочек, быстро движущийся по воде. По озеру заскользили, расходясь веером, волны.

— Вот она! Вот! — восторгнулся дедушка. — Видите? Эх, ты, милая моя!..

— Откуда она появилась? Я все время смотрел, ничего не было и вдруг сразу.

— А из норы вынырнула. Ход у нее из норы прямо в воду.

— Совсем маленькая. Меньше мыши...

— Постой, постой! Чего мелешь? Какая же маленькая, когда у нее сейчас только головку видать? А потом, герои, пословица не зря говорит: «Мал золотник, да дорог».

В это время ондатра погрузилась в воду так же неожиданно и бесшумно, как и появилась. Ребятам хотелось увидеть, где она вынырнет, но увидеть не удалось. Проплыть под водой ондатра может очень далеко. Темнело. Озеро оживало все больше. Сейчас оно совсем не походило на мертвое. Во всех направлениях его бороздили зверьки. Иные ондатры, должно быть испугавшись людей, ныряли, с силой всплескивая воду. Другие спокойно проплывали через залив. Это было удивительное зрелище: рядом, в нескольких шагах, стремительно и совершенно бесшумно один за другим движутся зверьки. Порой казалось, что не животное, а легкая тень скользит по воде. В камышах повсюду раздавался звучный плеск. Иногда, прислушавшись, можно было уловить на берегу легкий шорох и хруст скусываемой травы.

— Озеро Тысячи Ондатр! — прошептал Паша. — Так, Женя, надо его в дневнике, приказе и маршрутной карте записать. Какое же оно мертвое?!

— Дедушка, застрелите одну! Нам только посмотреть, какая она... — зашептали ребята.

— «Одну, одну!» — недовольно передразнил дедушка.

— Вам и самому хочется, — сказал Паша. — Когда не хочется, вы сердито говорите и усами вот так шевелите... Застрелим одну.

— Постой, не верещи, — несколько смущенно сказал дедушка. — Дай подумать... При крайней необходимости законом разрешается стрелять. А у нас такая необходимость есть ли?... — рассуждал про себя дедушка. — Ага!.. Ты, Женя, говоришь, что у Феди бродень порвался и починить нечем?

— Порвался, дедушка. Федя всех больше бегает, поэтому...

— Эх, была не была! — ответил дедушка. — Одну застрелим. Самца. Правда, шкурку надо бы — бродень подшить нашему разведчику, пятки уже проносил. Стрелять будете по моей команде, только, чур, не мазать.

— На пять шагов промазать? — Ребята схватились за ружья.

— Стоп, стоп, не спешить! — остановил их дедушка! — Забыли закон — стрелять по очереди? Заряжай, Паша! Твоя очередь... Да не торопись, не торопись!..

Зачем в эту целишь? Не видишь, какая волна идет? Не иначе — самка.

Ребята переглянулись. Вот это здорово! Дедушка определял едва видимых в темноте, погруженных в воду зверьков. Но Паша растерянно опустил ружье.

— Темно... Мушку не видать... Как целиться?

— Очень хорошо! Днем только тренировались навскидку стрелять, а сейчас: «Как целиться?»! Цель видно? Видно. Ну и стреляй... Самец, самец выплывает! Бей!

Паша выстрелил. Ослепленные яркой вспышкой, ребята сначала ничего не увидели. Но, когда освоились с темнотой, с разочарованием убедились, что убитого зверька на воде не было.

— Положи ружье. Двойку тебе по стрельбе! Следующий... — сухо сказал дедушка.

Но и Федин заряд улетел мимо.

— Доучились!.. Следующий... — командовал дедушка.

И Боря мимо.

— Да что вы сегодня? — вдруг рассердился главный специалист. — Кто так стреляет, а? Учил вас в обед стрелять навскидку? Говорил, что в сумерки, когда мушки не видать, на цель, а не на ружье смотреть надо? Думаете, весь поход при солнышке по сидящим кедровкам да воронам стрелять будем? Всем двойки!..

— Неправильно, дедушка, вы ребятам двойки поставили, — сказал Женя. — Только раз показали, мы еще не привыкли, а вы уже двойки!

— Выходит, я виноват и оказался... Ну, герои, тогда эта стрельба не в счет. Будем еще тренироваться... Наташенька, попробуй-ка ты. Ты по стрельбе, можно сказать, отличница из отличниц. Заряжай!

— У меня, дедушка, что-то голова разболелась, — ответила Наташа. — Лучше вы сами застрелите.

— Скажи, что боишься промазать, — съязвил Паша.

— Тебя не спрашивают и сиди! — отрезала Наташа.

— Вот интересно получается, — начал Паша: — как в живую цель стрелять, так у тебя голова болит...

— Ничего не болит... — оборвала его Наташа.

— Что ж, герои, придется мне стрелять, — перебил неприятный разговор дедушка. — Да чтобы к концу похода все так умели, душа из вас вон!

Проплыло несколько ондатр. Их уже едва-едва было видно. Дедушка ждал. И вдруг, вскинув ружье, выстрелил. Сильный всплеск смертельно раненного животного заглушил далеко раскатившееся эхо выстрела.

...На таборе при свете костра ребята разглядели зверька. Величиной он был со среднюю кошку. Шкурка мягкая, пушистая, рыжевато-красного цвета. Брюшко более светлое, спинка темнее. Передние лапки совсем коротенькие, задние — длиннее, с плавательными перепонками на пальцах. Туловище походит на утиное — широкое, слегка сплюснутое. Головка маленькая. Удивительный у ондатры хвост: с реденькими волосками, почти голый, сжатый с боков, как клинок.

— Хороша!.. — приговаривал дедушка, приглаживая мех.

Когда Боря с Аликом подали ужин, было совсем темно. Ребята попросили рассказать про ондатру, чем она замечательна.

Дедушка, разутый, без фуражки, сидел, сложив ноги по-бурятски.

— Так... — начал, откашлявшись, он. — Тут, герои, надо истории коснуться. Лет десять

назад этого зверька у нас и в помине не было. И что получалось? В тайге зверя много. В степи много. А вот в болотах, речках и озерах мало. Получалось так, что дом-то есть, а жильцов почти нет. Есть у нас, правда, другие водяные зверьки. Выдра, к примеру. Большой, красивый зверь. Но больно в пище разборчива. Подавай ей на обед круглый год рыбу. Но рыбкой закусить мы и сами не прочь. А ондатре милой ничего не надо: ест себе камыш да траву — и живет... Да... — Дедушка пожевал губами и неуверенно спросил: — Понятно, герои, говорю? Не очень-то из меня рассказчик...

— Понятно! Очень интересно! — хором ответили все.

— Та-ак... Говорил я, что раньше зверька этого у нас не было. Привозной он, из канадских болот. Узнал советский человек про полезных зверюшек этих, да и рассудил по-хозяйски: поехал за ними через моря-океаны, наловил и привез в клетках. Выпустил их здесь, в Сибири, на волю: живите себе на здоровье! Пусть и болото пользу приносит — вся земля должна быть кладом. Ондатра как раз такой зверек и есть, который нам был нужен. В лес она не идет — и не надо, там без нее зверям тесно. В степь не идет — и тоже не надо. Пошла она жить в болота, речки, как раз туда, куда нужно... И это еще не все, — продолжал дедушка. — Иного зверя пустишь на свободу, он тут и жить останется: неохотно уходит в другое место. Такого зверя расселить трудно. Развези-ка по всей тайге! А ондатра наоборот. Пустили ее в одно озерко. Появилось потомство. Увидят детеныши, что озерко тесным становится, и идут себе другой дом искать. А нам того и надо! Иди, пожалуйста. А как она, милая, идет? Ножки у нее слабые, на землю она обычно редко выходит: пощиплет травки и опять в воду. Но тут по несколько километров проходит, через хребты перебирается. Кто ее сюда, в это озеро, пускал? Сама пришла. И очень скоро, где была у нас в забайкальских водоемах пустота, ондатра эту пустоту и заселит. И еще, герои, очень интересно. Живет она, как вы видели, в норах, в сухом месте. А у нас такие болота есть, где на десятки верст бугорка не найдешь. Нору ей сделать негде, и будто жить там ей нельзя. Так нет — натаскает травы, камышу, илу, сделает себе на какой-нибудь невидной кочечке хатку — домик над водой и — живет. А мягким золотом, мехом своим, платит. Мех у нее крепкий, теплый, красивый. А на расплату такая щедрая, что тут, прямо сказать, равных ей нету. Плодится так, что сто пар зверьков через пять лет могут дать около миллиона штук.

— Около миллиона?!

— Вот это да! — прищурился от восхищения Паша. — Знаете, дедушка, я раньше мечтал астрономом быть. И о путешествиях тоже мечтал. А потом, как прочитал книгу про уголь, захотелось химиком стать. Вот, дедушка, книга так книга! Женя тоже читал. В ней рассказывается, почему уголь черным золотом зовут. И правда, настоящее золото. Из угля чего-чего не получают! Даже не верится. Удобрения для колхозов, резину, бензин, краски разные... Универсальный клей из него делают — что хочешь, то им и клеить можно. Материю самую крепкую, гребенки. Лекарства и то можно получить! Вот почему надо обязательно падь Золотую найти. Там ведь угля много... Хорошо бы химиком быть. А сейчас вы рассказали о зверях, да дедушка Михеич много рассказывал. Мне и хочется что-нибудь в тайге сделать. Разговор незаметно перешел на другое.

— Жить в тайге, кедровые бы везде насадить, — мечтательно продолжал Паша, — чтобы каждый хребет золотым стал. Или невиданных зверей разводить.

— Не обязательно в тайге жить, — возразил Женя. — Можно хоть где работать — все равно для нашего края хорошо будет. Мне хочется таким же, как Володя, быть. Около машин... Чтобы все, что хотел, то и сделал. И еще хочется — веселым... Я веселых очень люблю, а у самого почему-то не получается. Не умею рассмешить...

— А мне бы поваром, — сказал Боря. — Без поваров тоже плохо.

— Пока капиталисты есть, я буду разведчиком, в пограничном отряде! — уверенно заявил Федя. — Или в милиции... Ни один шпион, ни один разбойник от меня не скроется.

— Мне хочется врачом, — задумчиво улыбнулась Наташа. — Так хочется, чтобы все люди здоровые и сильные были!

— Врачом? — удивился Паша. — Ты, Наташа, врачом? Ну нет — не годишься!

— Не гожусь? Почему это?

— Больно драчлива. Чуть что, с кулаками лезешь. Какой из тебя врач? Если я и заболею,

так к тебе лечиться не пойду. Боксер из тебя хороший получится. Вот бы интересно!.. А что, дедушка, — увлекаясь новой мыслью, вскочил Паша, — бывают женщины-боксеры?

Все засмеялись.

— Вы бы посмотрели, дедушка, как она нас всех однажды поколотила!.. — тараторил Паша.

— Попробуй-ка Расскажи... — взглянула исподлобья девочка.

— Нет, Наташа, пробовать не буду. Я себе плохого не хочу. А будущих твоих больных жалею. Очень им тяжело придется!

— Ну... — растерялась Наташа и не нашла, что ответить.

Если сказать правду, то по-настоящему дралась она только раз и то по необходимости. Ей очень хотелось играть с мальчишками: вместе гонять голубей, ходить на рыбалку. Иногда они ее принимали, но чаще отгоняли: «Шла бы играть в свои куклы!»

Дальше так терпеть и унижаться было нельзя. Хватит! И однажды она дала мальчишкам бой. Это был знаменитый бой. Ей досталось немало, зато она обратила в бегство Пашу, столкнула в речку Федю. На этом бы можно закончить. Но Наташа разошлась и принялась за медлительного Борю. Добродушный, — он никогда не задирал Наташу, — ни в чем не повинный силач, почесываясь, тоже пустился в бегство. «Ну ее! Еще связываться!» А назавтра Наташа впервые подходила к штабу — он только начинал свою работу. Еще издали она услышала Федин свист, предупреждающий о приближении постороннего, и приготовилась опять к драке. Но вдруг запретные двери распахнулись. Паша, вежливо улыбаясь и тараторя, проводил ее через порог.

Уважение было завоевано навсегда. Но драться снова? Ой, нет! И если иногда приходится показать кулак или поддать леща, то только тому, кто забывается.

Но ничего этого Наташа не сказала.

— Ох, и дождешься от меня, Пашка!.. — только и проговорила она.

— А ты, Алик, кем будешь? — спросил дедушка.

Алик помолчал. Потом неуверенно заговорил:

— Мама говорит, что я должен быть знаменитым артистом или знаменитым профессором. Тогда мы уедем из Монгона. «Разве здесь место для интересной жизни? — говорит она. — Скучно. Даже выйти некуда». Мы уедем в Москву или Ленинград.

Алик неуверенно посмотрел на растерянные и вместе с тем напряженные лица ребят, потом торопливо перевел свой взгляд на дедушку.

Тот тоже смотрел на Алика. Седые усы его сердито шевелились, а глаза испуганные... очень испуганные, но добрые. Алик потупился.

— Так говорит мама. Я очень люблю маму. Она хорошая, вы не думайте, — прошептал он и снова заторопился. — Только... она, может быть, отсталая... немножко... Она говорит, что физическая работа отупляет и для здоровья вредна. А я с Борей верстак у Базыра делал и землю копал — так хорошо! Вы не думайте... Ужин ведь я уже сам варил. Боря только показывал иногда. Очень интересно, когда ничего нет — пустые котелки и кастрюли, — но вот сам разжег костер, сходил за водой, положил мяса, крупы, начистил картошки, и ничего не было, а получился суп! Все наелись... Я хочу всякую работу научиться делать. Мне, дедушка, давно хотелось, вы не думайте! Я очень хотел к ребятам, чтобы работать с ними, играть...

— Постой-ка, Алик, — тихо перебил дедушка. — Ну и пошел бы к ребятам, играл бы, работал...

— Да! Попробуйте, дедушка! А мама?.. — Алик вдруг осекся и так же, как в тот день, когда его нашли, словно затравленный зверек, посмотрел на всех. — Мама... она хорошая! — с вызовом крикнул он.

Настолько неожиданно было все сказанное Аликом, что ребята не сразу пришли в себя. Дедушка пощипывал свой колючий ус.

Федя первый опомнился и вскочил:

— Нет, твоя мать... неправильная!

— Стоп, герои!.. — поднялся дедушка. — А ужин у тебя, Алик, получился на славу. Кончим на сегодня разговор. Давайте-ка спать, завтра пораньше встанем.

— Женя, не спишь? — позвал Паша.

— Нет...

— О чем думаешь?

— Об Альке... Как мы раньше не могли узнать, почему он такой? Не дружил ни с кем, задавался, втихую вредил нам. Два раза я его бил... А ты о чем?

— Тоже о нем... И о «Кислом» еще. Куда завтра идти? Ты, Женя, думаешь?

— Конечно!

— Женя, Алька, правда, сам ужин сварил... Не врет! А продуктов уже на четыре дня перерасходовали! Что будем делать? — нашептывал с другого бока главный повар.

— Ничего, завтра или послезавтра изюбра убьем. Тихо... Ночь... Потрескивает костер.

— Федька, ты чего ворочаешься? — подал голос Паша.

— Ничего! Тоже, скажешь, об Альке думаю? Нужен он мне! Мало я ему наподдавал...

— Тебе только бы поддавать... — прошептала Наташа.

Сухие сучки давно прогорели. Полусырые толстые кряжи едва светились. Звезды, которых до этого словно отпугивало яркое пламя, сейчас ниже опустились над темным лесом. Позвякивал колокольчиком Савраска. Похрапывал дедушка, протянув к костру босые ноги.

Дохнуло влажным холодком. В озере продолжали плескаться ондатры.

Глава V ОХОТА НА ИЗЮБРА

— Ну, герои, трогаем! Все в порядке, ничего не оставили? — спросил Сергей Егорыч и оглядел покидаемый табор.

Костер тщательно потушен и окопан. В вырытую ямку закопаны пустые консервные банки, обрывки бумажек, объедки. Снята палатка, навьючены на Савраску выюки. Завязаны рюкзаки. Можно отправляться в путь.

— Пашка-то... — подходя к дедушке и указывая глазами, таинственно прошептал Боря.

— Что с ним? — удивился дедушка.

— Молчит... — тем же таинственным шепотом ответил Боря. — Встал — молчал, ел — молчал. И сейчас молчит. Я сразу подумал, что такой план сочиняет, от которого всем плохо будет. Женя ушел к озеру, так вы, дедушка, осторожнее. Не со мной только, а и с вами беда может случиться. — Боря еще раз подозрительно оглядел Пашу, почесал затылок и, пятясь, отошел подальше. — Такого сроду не бывало, чтобы Пашка все утро молчал.

Федя с Наташей тоже заметили необычное поведение главного штурмана. Прислонившись к валежине, прикрыв глаза, он шевелил беззвучно губами и, должно быть, не видел и не слышал ничего.

— Пашка, ты чего? — тронула его Наташа.

— Я? Я, Наташа, ничего. — Паша попытался улыбнуться.

— Что это, герой, тебя ровно подменили? Не заболел, часом?

— Нет, дедушка. Чтобы я да заболел!

— А не заболел, так и хорошо... Только я очень прошу тебя над планами меньше думать. От них в самом деле заболеть можно. Все собрано, дело за тобой. Разведчик ждет команду штурмана, куда курс держать.

— На... на север... — жалко улыбнувшись, прошептал Паша.

— Что-то ты по-чудному говоришь, — подозрительно сказал Федя. — То орал во все горло, а тут и не слышать.

— А-а... Значит, запутался? — догадался дедушка. — А ну, говори, в чем загвоздка?

— «Кислый» не могу разгадать, — потупился Паша.

— Гм... Ну, эта загадка не по моей части. Тут вам надо самим подумать.

— Штурман! — сердито взглянул из-под картуза Федя. — Сколько дней прошло, а не мог разгадать. Смотри, а то и отсюда выгоним... Плохо ты думаешь!

— Плохо... — совсем поник Паша. — Уже двадцать «кислых» придумал, ни одно не подходит. Такого кроссворда сроду не бывало... Вон и Женя бежит, скажет.

Женя бегал на место вчерашней охоты на ондатру. Он там потерял карандаш.

— Что ты, Пашка? — удивленно посмотрел он на товарища.

— Не знает, куда курс держать, — ответил за того Федя.

— Что ты, Паша, затвердил: «Кислый» да «Кислый»? Сказано в «Описании» «север... север...» И пойдем пока на север, — сказал Женя.

— Какой ты быстрый! На север нельзя идти, пока «Кислый» не разгадаем.

— Почему нельзя?

— Смотри... — Паша развернул «Описание» дороги. — Сегодня только об этом догадался. Мы сейчас идем все время на север. После «Кислого» написано «запад». Значит, мы должны повернуть. А где будем поворачивать, если не знаем, что такое «Кислый»? Вдруг мимо него уже сегодня пройдем, не заметим, да и будем идти на север... в другую сторону от пади Золотой...

Положение оказывалось в самом деле серьезным. До этого никто не обратил внимания на слово «запад». И только сейчас поняли, что им угрожает. Где-то надо круто сворачивать с прежнего пути. Но где? После этого проклятого «Кислого». Значит, надо искать его. Но как искать, если неизвестно, что искать? Вдруг в самом деле экспедиция уже сегодня минует его и не заметит?

— Нельзя идти на север... — уныло повторил Паша.

— А что делать? Рассядемся и сидеть будем?

— И идти нельзя...

— Расхныкался! — разозлился Федя. — А еще хвастался: «Штурманская наука самая точная!» Он, Женя, во всем виноват.

— Нет, Федя, тут он не виноват, — заступился Женя. — Я тоже думал и тоже не мог... Дедушка, здесь мы никак не можем понять.

— Дай-ка, Женя, документ, — попросил дедушка. Прищуриваясь и пожевывая губами, он внимательно перечитал «Описание». — Гм... И впрямь настоящая загадка...

— Ничего, Женя, не пройдем мимо. Пашка, не хнычь! — сказал вдруг Федя. — Я, как разведчик, так считаю: надо держать курс точно на север, и все, что незнакомое встретится, языком пробрывать. Вот кислое и найдем.

— Гм... — сказал дедушка. — А совет-то в основном дельный. Только, пока вы все рассуждали, у меня такая мысль явилась. Паша натолкнул. Говорит, что в «Описании» все приметы серьезные: широкая падь, озеро, Белая гора. Поэтому каждую-то дрянь языком лизать не надо. Это тоже не дело. Думаю, что мимо «Кислого» не пройдем, сразу в глаза бросится, штука должна быть заметная. Пошли, ребята!

— Курс на север! — повеселев, скомандовал Паша. — Федька, точно держи!..

Продолжалась хвойная тайга. На южных склонах сопок к ней примешивался мелкий осинник, а на северных — березняк. Особенно ребятам досаждали различные густые кустарники — ольховник, бересклет, жимолость, багульник. На северных склонах они образовали труднопроходимые заросли. Местами приходилось браться за топоры и прорубать себе и Савраске дорогу.

Идти по кустарникам было тяжело. Они цеплялись за одежду, царапали лицо и руки, путались в ногах. В обеденный привал Наташа едва справилась с нахлынувшей работой: пришлось наложить до десятка заплат.

За день ребята прошли не более пятнадцати километров. Путь по чаще сопровождался шумом и треском, и, видимо, поэтому дичь почти не встречалась. Кроме бурундуков и трех рябчиков, никого не видели. Ребята внимательно приглядывались ко всему, но ничего похожего на «Кислый» не попадалось. Федя, пробираясь впереди, на всякий случай в нескольких местах лизнул языком встретившееся по пути нагромождение огромных, больше дома, камней.

Экспедиция вышла в глухой распадок. В ерниках между кочками пробивал себе дорогу ручеек. Ребята устали и надеялись, что вот-вот будет остановка на ночлег. Но дедушка позвал их к себе.

— Определи-ка, разведчик, кто здесь гулял, — закуривая, сказал он Феде.

Федя по всем правилам, шаг за шагом, обследовал землю. На каменистой почве никаких следов не было видно, на реденькой траве — тоже.

— Никого не было... — Федя недоуменно посмотрел на землю.

— Нет, герой, тут ты ошибся. Бывает так, что следы на земле незаметны. Они есть, но

нелегко их увидеть, как вот здесь, на камнях. И разведчик вроде слепым становится. А ослепнуть ему никак нельзя. Должен видеть — и всё! Иногда разведчика выручает то, что след не по низу, не на земле, а поверху идет.

— Ой, правда! Осинки попорчены.

— Во, во! Видишь, где след-то оказался? На дереве!

Мелкие осинки на косогоре были все попорчены, у каждой сломана и обглодана вершинка. Правда, они уже засохли — видимо, их сломали зимой. Но одну надломили совсем недавно, листья едва успели поблекнуть.

— А сейчас скажи, кто здесь хозяйничал?

— Зайцы, — высказал предположение Паша. — Самое любимое кушанье у зайцев осинка.

— Зайцы? — задумался Боря. — Как зайцы до вершины достанут?

— Как? Очень просто — разбежится, подпрыгнет и достанет.

— А-а...

— Смотрю я на тебя, Павел, и дивлюсь, — недовольно пожевав губами, сказал дедушка. — Не подумал ничего — и уже затарахтел, затилиликал. Бухнешь такое, что курам на смех. Зайцы!.. Ишь ты!

— Конечно, не зайцы, — сказал Федя. — Что зайцы — акробаты, что ли? Зачем им прыгать, когда у корешка можно погрызть? Тут какой-то зверь ростом с Савраску был. Как называется, не знаю, но только не хищный, потому что хищные осину не едят.

— Во! Видишь, как человек рассуждает? Точно, Федя, молодец! С Савраску ростом и нехищный. Был крупный олень, марал, или, по-нашему, по-забайкальски, изюбр.

— Изюбр? — закричали ребята. — Вы обещали охоту на изюбра!

— Изюбр? — подпрыгнул вдруг Боря. — Стреляйте, дедушка, скорее!

— Подожди, брат. Его еще найти надо, Но котелки с Аликом можете готовить. Сегодня вечером не успеть, но уж утром наварите мяса, сколько душе угодно.

Дедушка и Федя внимательно осмотрели осинник, поднялись выше по косогору, походили по распадку.

— Пройдемте вперед еще немного, герои.

Экспедиция поднялась по распадку вверх, прошла редким лиственничным лесом.

У лесной поляны Сергей Егорыч остановился и огляделся:

— Вот здесь мы его с вами и подкараулим;

— А-а... где он?

Ребята не заметили на этой поляне ничего особенного — такие в лесу попадались нередко.

— Он сюда придет.

— Сам придет?

— Точно. Солнышко закатится — и здесь будет.

— Я что-то не понимаю, — сказал Федя. — Почему он обязательно сюда придет?

— А потому... Постой-ка, брат, попробуй сначала сам догадаться, а уж не догадаешься, тогда и скажу.

Ребята рассыпались по лужайке. Долго не могли заметить они ничего необычного. Но вдруг Федя пригнулся и, раздвигая траву, начал словно подкрадываться.

— След изюбриный! — бросил он ребятам через плечо. — Вот, вот, Женья! Видишь, как на сыром хорошо отпечатался? Сюда шел...

Следы привели ребят к небольшой площадке черной, но покрытой каким-то белым налетом земли. Трава не росла на площадке. Она была вся истоптана сотнями копыт — маленьких и больших. Глубокие овальные ямы — выше колен — виднеются в разных местах. Стало ясно, что эта крохотная площадка на лесной поляне чем-то привлекала к себе зверей со всей тайги. Но чем? Что их сюда тянет?

— Вот я сейчас вам подскажу, — заговорил дедушка, видя, что ребята не могут догадаться. — О солонцах слышали?

Они уже слышали раньше это магическое охотничье слово — «солонцы». Его упоминали в разговоре не какие-нибудь горе-охотники, а только самые опытные таежники.

— Вот они какие, солонцы!

— Да, они и есть, — сказал дедушка, с уважением проговорив «они». — Солонцы, герои,

можно сказать, — одно из самых больших открытий охотничьей науки. Почему? На верный выстрел к изюбру подойти трудно, это под силу из тысячи охотников одному. Он такой осторожный зверина, каких больше нет. Сохатый, козел, даже волк против него ничего не стоят. Изюбр за несколько километров слышит. Учует — и, как ветер, нет его. Попробуй-ка, скради его! Вот тут только солонцы и помогают. Ты зверь умный, к тебе не подойти, так сам ко мне подойдешь. Наестся он свежей травки и обязательно захочется ему солью полакомиться. А соль-то по всей тайге не разбросана. Зверь знает, где она, но и охотник это место знает: сядет на солонцы и ждет — никуда не денешься, придешь!

— А где мы сядем? Наверное, спрятаться надо, чтобы не увидел?

— Вопрос, ребятки, серьезный. Солонцы найти — это еще полдела. Можно у солонцов месяц сидеть, а все равно зверя не увидать. Зверь-то он зверь, а перехитрить его — дело нешутейное. Перехитрить его надо. Если сделал засадку выше солонцов, не подойдет он, можно и не ждать. Почему? Да потому, что подходит он к солонцам осторожно. Прислушивается, принюхивается. Вечером всегда воздух с высокого места в нос тянет. Нанесет на зверя запахом человека — и кончено: уйдет.

Дедушка огляделся.

— Сядем мы с вами вот здесь. — И он подошел к кустам на краю поляны. — Эге! Уже готовая засадка есть...

В кустах лежали искусно замаскированные бревна, сложенные одно на другое. В центре бревенчатой стенки было вырублено отверстие. Из бойницы торчала палка.

— Здесь были охотники?

— А удивительного в этом ничего нет. Такой чудесный зверина изюбр, что охотник недели не пожалеет, за сотню километров к хорошим солонцам приедет.

Охотники отвели Савраску от солонцов километра на два, развели около него дымный костер, приготовили все для ночлега и пошли в засаду.

Нечего и говорить, с каким нетерпением ребята ожидали встречи с чудесным зверем. Волнение их усиливалось тем, что дедушка каждому выдал по одному патрону, заряженному пулей, и разрешил, в случае, если он промахнется, стрелять в убегающего изюбра. Конечно, на промах дедушки ребята не надеялись. Но каждый думал: «Вдруг осечка? И тогда... Мгновенно будет спущен курок, и метко посланная пуля оборвет стремительный бег напуганного зверя с драгоценными рогами».

— Наташа, если у дедушки будет осечка, ты не стреляй. Ты, конечно, попадешь, но дай нам застрелить, — сказал Паша. — Хотя я и забыл — у тебя опять голова заболит... — Паша хотел было засмеяться.

Но Наташа, вспыхнув, сильно шлепнула его ладошкой по затылку...

— Съел? За дело! — сказал Женя.

Наташа отстала и молча шла позади всех.

Раньше у них все было общее: городки и прятки, камни и голуби, рыбалка и ягоды, учеба и работа в штабе. Не меньше, чем ребята, она полюбила и ружье. Ей нравилась стрельба в цель и чувство непередаваемого волнения перед выстрелом. И приходящее потом неведомо откуда спокойствие и уверенность в своем успехе. Полюбила она оглушительный звук выстрела, резкий запах сгоревшего пороха.

Но убивать птиц и зверей? Нет, этого она не хотела и не могла. Наташа пыталась силой заставить себя стать в охоте похожей на мальчишек. И это случилось на хребте: она выстрелила и убила кедровку. Но еще и сейчас стояли перед ее глазами окровавленные перышки, безжизненно приоткрытые глазки птицы, у которой она отняла жизнь.

Нет, какие бы они ни были вредные, а убивать она не будет. И поэтому все с большим нежеланием Наташа принимала участие в охоте. Что-то удерживало ее сказать ребятам правду. Ей казалось, что тогда придет конец дружбе. А ребята, кажется, уже заметили. В особенности этот Пашка.

Как хорошо было раньше, когда об охоте они только мечтали! Но все-таки посмотреть изюбра ей очень и очень хочется.

Еще не доходя до солонцов, охотники приняли меры предосторожности. Вечер стоял тихий, и каждый звук разносился далеко. Чтобы не отпугнуть зверя, говорили шепотом,

старались не наступать на сучки и обходить кусты. Дедушка не курил. И ребятам непривычно было видеть его без трубки. Должно быть, и дедушка чувствовал себя без нее неудобно: несколько раз, забывшись, доставал он кисет, но, покрутив его и недовольно пожевав губами, прятал обратно. Запаха табачного дыма зверь боится пуще всех других запахов и издали чует его.

В засадке дедушка объявил правила охоты.

— Лежите тихо, не кашляйте, не чихайте, не говорите, смотрите поверх солонцов. На зорьке хорошо будет видно зверя на фоне неба. А как он придет, тут уж совсем замрите. Ни-ни! Не шелохнуться даже! Главное, Паша, ты. Тебя за язык будто все время дергают. Понятно, герои?

— Понятно... — шепотом ответил Паша. — Чтобы, дедушка, мне не забыться да не заговорить, я в середину между Наташей и Федей лягу. Тогда не забуду... А изюбр долго будет стоять? Успеем живого посмотреть?

— Успеем, Паша, с полчаса, пожалуй, постоит.

— А почему сразу, как только придет, стрелять не будем?

— Тут, ребята, такое дело... В походе научиться нам надо по-всякому стрелять. По неподвижным целям у вас неплохо получается. Навскидку да влет еще подучимся. А сейчас попробуем самый трудный выстрел — на звук.

— Как это — на звук?

— А вот так: зверь придет, когда совсем стемнеет. На солнце на зорьке еще виден будет, и застрелить тут — плевое дело. Но такую стрельбу вы уже знаете. А мы подождем, когда он с солонцов отойдет, темно будет — не видать его, а только слышать. Или на сучок наступит, или за кустик заденет. Тут я и выстрелю. На шорох.

— Ну, дедушка, промажете!.. Как придет, тут его и надо, сразу... — умоляюще проговорил Боря.

— Что ты, Борька! — возмутились ребята. — Так ведь интереснее!

— «Интереснее»! А вдруг убежит? И не будет мяса...

— Не убежит, Боря, не волнуйся, — успокоил дедушка. — Вы, герои, старайтесь приглядываться. Такая стрельба в жизни может пригодиться. Война кончилась, а забывать ничего не надо... Ну, а сейчас хватит говорить, устраивайтесь.

Засадка была широкая, и все улеглись за ней. Дедушка слегка, очень осторожно, раздвинул бревна. В щель хорошо стала видна вся поляна. Затем вытащил из бойницы палку и вложил взамен нее ружье. Оказывается, если заранее не положить палку в бойницу, а, придя на охоту, протолкнуть в нее ствол ружья, зверь сразу заметит что-то новое. Даже не видя и не чувствуя людей, он к солонцам уже не подойдет. Так осторожен, подозрителен и наблюдателен изюбр!

Дедушка, проверяя, обошел засадку вокруг, затем лег, прижал приклад к плечу и взвел оба курка.

— А сейчас тихо. Ни слова!

На тайгу медленно опускалась ночь. Одна за другой засыпали птицы. Перестали куковать кукушки. В последний раз стукнул дятел. В тишине прозвучало далекое: «Спите ли вы-ы?» Летучая мышь, выписывая в воздухе замысловатые петли и зигзаги, бесшумно носилась над поляной. Она то исчезала, то неожиданно появлялась вновь совсем в другом месте. Над вершинами темных деревьев проскользнула, как тень, сова.

Кусали комары, но ребята, помня приказание, боялись пошевелиться и мужественно переносили укусы. К счастью, скоро похолодало, и комары исчезли.

Замерцали звезды. Светлая полоска на западе все более темнела. Ребята настороженно всматривались в нее. Порой казалось, будто появляется что-то черное, бесформенное, будто вырисовываются и шевелятся контуры странного животного. Но через минуту все исчезало. На солонцах никого еще не было.

У ребят онемели руки и ноги. Все больше закрадывалось сомнение: а вдруг почему-либо зверь не придет? Может, спугнули его чем-нибудь и хитрый изюбр уже далеко отсюда...

— Идет!.. — скорее почувствовали, чем услышали, ребята шепот дедушки. — Не шевелиться!..

По-прежнему полная тишина. Слышно только, как стучит кровь в ушах. Но вот где-то хрустнуло. Хрустнуло или показалось?

Нет, не показалось. Вот еще?.. Вот ближе... Ясно слышны легкие шаги. Тихо. Снова легкие шаги и снова тихо. Вот шаги раздалились совсем недалеко, и опять долгие томительные минуты тишины и ожидания.

Наконец-то!

Сердца у ребят забились, чуть не выпрыгнули. Не далее чем в двадцати метрах от них стоял изюбр. Заря еще не совсем угасла, и на фоне ее зверь был виден отчетливо. Он стоял, стройный красавец, с гордо вскинутой головой, увенчанной ветвистыми рогами строгой и красивой формы. Вот они, панты, — чудесное сокровище забайкальской тайги!

Ребята не знали, сколько времени изюбр стоял так. Время точно остановилось. Затем зверь шагнул и опустил голову. Слышно было, как он грызет соленую землю, как хрустит она на его зубах. То и дело, переставая жевать, он поднимал голову и прислушивался. Все менее отчетливо был виден зверь: вечерняя заря почти угасла.

Вдруг изюбр сделал сильный прыжок от солонцов. Второй... Остановился и сразу точно растворился в темноте.

Ребята почувствовали, как вспружинился, будто тоже приготовился к прыжку, дедушка.

Так вот она, стрельба по слуху! Стрельба влет, в бег, навскидку — почти не целясь. Дедушка на ондатре показал стрельбу в густых сумерках. Но сейчас ему предстояло почти невозможное: в полной темноте, по шороху, надо было определить положение зверя и, не видя ни его, ни ствола, не видя даже пальца, спускающего курок, — наверняка поразить животное. Ребята поняли, что они могут быть свидетелями высшего класса снайперской стрельбы.

Где-то в непроглядной тайге послышался легкий треск сучка. Дедушка, меняя положение, резко и быстро дернулся, нацелился невидимым ружьем и в невидимого зверя, и сразу же тишину ночи взорвал выстрел. Точно молния, осветив на мгновение засадку, кустики и траву около нее, блеснуло пламя.

Эхо выстрела...

Тяжелый шум падения зверя...

И опять тишина. А ночь после яркой вспышки казалась еще чернее.

Дедушка сел, достал трубку и чиркнул спичку.

— Чертово зелье! — проворчал он. — Даже под ложечкой засосало, так курить захотелось.

Он несколько раз жадно затянулся.

— Уф!.. — вздохнули ребята.

Их так взволновала неповторимая красота этой ночной охоты, так поразило грозное мастерство дедушки, что даже Федя не сразу вскочил, чтобы подбежать к убитому зверю.

— Стоп, стоп! — остановил его дедушка. — Не подходите к нему. Может лягнуть, да так, что дух вон. Утречком к нему придем.

— А волки его не съедят? — забеспокоился Боря.

— Не съедят. Мы здесь выстреленный патрон оставим. Если, ребята, случится такая нужда — мясо в лесу оставить, — положите рядом патрон и смело уходите. Порох почует — ни один волк не подойдет. Лучше любого замка... А сейчас, герои, пошли-ка домой. Савраска о нас соскучился.

Глава VI МОЛОДОЙ ХОЗЯИН ТАЙГИ

Охотничье возбуждение улеглось, но сон не приходил. Сначала думалось об охоте, все переживали ее во второй раз. Потом каждый вернулся к своим заботам и делам.

«Зачем дедушка просил приготовить на ужин больше нормы? — думал Боря. — Чай забеленный останется. И каша за ночь почернеет, а утром есть ее не будут. Выбросить придется. Но разве можно выбрасывать? Вон как продукты убывают... Правда, сейчас мяса будет сколько угодно. Только много не сэкономишь. Брали на шесть человек, а едят семь... Если попробовать два дня одним мясом кормить? Даже к чаю хлеба не давать? Заругаются,

наверное. — Боря вздохнул. — Нет, в другой раз дедушке так и скажу: „Лишнее варить нельзя!“

— Пашка, да не ворочайся ты! — прошептал Боря. — Я придумал: утром кашу сильнее пережарю, вы и не заметите, что почернела. Съедем.

— Каша?.. А я думал, ты о «Кислом»... — разочарованно протянул Паша.

— Не скиснет, а почернеет. Ночью холодно, не скиснет, — не поняв Пашу, проворчал Боря.

Алик раздумывает о тонкостях поварского искусства. Наконец он понял секрет соли. Если крупы одна кружка, соли нужно одну чайную ложку, две — так две. Можно чуть побольше. Борька сказал, что тоже вкусно будет, а съедят меньше. Потом только пить много будут... «А ребята все еще со мной мало разговаривают», — думает Алик и неслышно вздыхает. Как ему тревожно! Ведь он обманул мать, убежал из дому. Очень страшно было одному, но он шел. Ему казалось, что ребята сразу простят все, он сразу будет среди них равным. Но получилось не так. Один Боря с ним хорошо... Да дедушка. Наташа жалеет — это еще тяжелее... Ну и пусть! Он будет терпеть, он все вынесет, но должны же ребята когда-нибудь принять его к себе. Но что будет дома? Как встретит мама?.. Алик прячет лицо в подушку и тихо плачет. Он не может понять, когда и что встало между ним и ребятами.

У Наташи своя забота. Мало остается лоскутков для заплат. Хорошо, что платице на всякий случай взяла, можно будет на заплату его... Если маме объяснить все, она не очень заругается.

О своем думает Федя. Вернее, он не думает, он мысленно видит. Два следа стоят перед глазами. След неуставшего человека и след того же человека, когда он устал. Едва заметная разница в отпечатке, но как много это значит для разведчика!..

Думает и Женя. Не выходит из головы «Кислый». Думает о продуктах. Надо посоветовать Боре устроить мясной день, чтобы хлеб и остальное сэкономить... Жаль Алика... И никак не поймет, почему не может заставить себя подойти к нему, заговорить просто, как с другими... А чаще всего улетают мысли к старенькому домику на берегу Тихой, к покинутой мастерской, к старому Цыдену и дедушке Михеичу...

По звездному небу промелькнул метеор. Но, против обычного, огненная дорожка гаснет не сразу, а задерживается почти на минуту. Вдалеке кашляет дикий козел. Потрескивает костер. Свесив губу, дремлет около него Савраска.

Дедушка привстал.

— Вы что? — насторожились ребята.

— Человек идет! — тихо и торопливо сказал дедушка. — Что бы я ему ни говорил, вы ни-ни. Помалкивайте, будто спите... Паша, смотри не высказывай, а то поссоримся!.. Федя, подвинься к нему.

Ребята не успели ничего спросить. К костру из темноты подходил человек.

— Здравствуйте, — приблизившись, спокойно сказал он.

— Здравствуй, — так же спокойно ответил дедушка. Ребята притворились спящими.

— Садись. Гостем будешь, — пригласил дедушка. Человек сел, прислонив ружье рядом, и, неторопливо разминая папироску между пальцами, закурил. От дедушки, однако, не укрылось, что он быстро, но внимательно оглядел его самого, табор, постель, на которой спали ребята. В свою очередь, ребята из-под одеял рассматривали незнакомца. Кто он? Что делает в тайге? Почему пришел сюда ночью?

На вид незнакомцу было не более двадцати лет. Безусое, совсем юное, сухощавое и загорелое лицо. Взгляд быстрый, зоркий. Несмотря на холодную ночь, одет только в рубашку. Воротник расстегнут.

Дедушка, не поднимаясь, подбросил в костер сучков.

— Чай пить будешь?

— Спасибо, — вежливо ответил незнакомец. — Охотничаете?

— Нет... Какая охота! — махнул рукой дедушка. — Путешествую вот с ребятами по тайге.

— Разрешение на отстрел изюбра у вас есть? — метнув на дедушку быстрый взгляд, продолжал спрашивать незнакомец.

— Изюбра? Какого изюбра?

— Того, что убили на солонцах.

— Постой, постой! Ты что, молодой человек, в уме! Эх ты загнул! Зачем, скажи пожалуйста, нам изюбр?, Выстрел в самом деле был. Километра два отсюда, левой полянки. Не спится что-то, слышу: бац!.. Кто-то из берданы пальнул, так я по звуку считаю.

— Стреляли из дробовика. Вы стреляли! — спокойно сказал незнакомец, но глаза у него стали жесткие. — Вы, папаша, пожилой человек. Я очень жалею, мне не хочется так разговаривать с вами, но разве вы не знаете, что отстрел изюбра производится только по особым разрешениям? Такой охотник, как вы, не может не знать этого.

— Как не знать? Знаю, конечно... А ты чего налетел? — Дедушка вдруг сердито вскинулся и зашевелил усами. — Что тебе надо, а? Пришел, поднял шум, разбудил! Кто ты такой есть?

Ребята ничего не понимали. Почему дедушка говорит неправду и сердится? Кто наконец незнакомец? Какое право имеет он разговаривать тоном начальника?

— Я не поднимаю шум, — по-прежнему не повышая голоса, продолжал незнакомец. — Извините, если потревожил сон, но, мне кажется, вы еще и не думали спать. Я — лесник. И прошу показать разрешение на отстрел изюбра. Покажете — я сразу же уйду.

— Я тебе повторяю: не убивал никакого изюбра.

— Вы убили!

— Милый ты мой... — с вкрадчивой нежностью заговорил дедушка. — А вот, скажем, придут бабы по ягоды, да заночуют недалеко от солонцов, да кто-нибудь у тебя зверя убьет, ты и на них, как на меня, налетишь, а?... Не пойман, мил друг, не вор. Нет, вот ты докажи.

— Доказательства будут известны суду. Я привлекаю вас к ответственности за браконьерство!

— Где они, твои доказательства? Где?

Оба помолчали, изучая друг друга глазами.

— Понятно... — сказал дедушка. (И ребятам послышалось в его голосе глубокое огорчение.) — Вчерашний след от сегодняшнего не можешь отличить, одним голосом хочешь взять. Шляпа ты, а не лесник — вот кто! Тьфу!

Молодой лесник вдруг вспыхнул от тягчайшего, должно быть, оскорбления.

— Хорошо! — с трудом сдержав гнев, спокойно заговорил он снова. — Слушайте мои доказательства. Следы все остались, никуда не денете. В засадке сидели семь человек: один взрослый, пожилой, пять мальчиков и одна девочка.

— А у меня шесть мальчиков и никакой девочки нет, — возразил дедушка.

Но ребята увидели, как сразу повеселело его хмурое загорелое лицо.

— Какими глазами посмотрите вы, если я сейчас же подниму ребят? — ледяным тоном возразил незнакомец. — Вы сидели в засадке. Вечером, за три часа до заката солнца, вы подходили к солонцам с лошадьёю. Вот она. Можете поднять ее ногу — правая передняя подкова держится только на двух гвоздях. У самого маленького мальчика пятки на броднях подшиты шкуркой ондатры...

— У меня! — шепнул Федя. — Ребята, он тоже следопыт! Такой молодой — и следопыт!

— Подшивали вчера, еще не обтерлась шерсть...

— А как он узнал, что пять мальчиков и одна девочка? — прошептал Женя.

— Тоже по следам. Тебя, Женя, не было, дедушка показывал. След девочек не такой, как у мальчиков. Да я не понял еще. Только самый хороший следопыт может это узнать, — ответил Федя, восторженно глядя из проделанной в одеяле щелочки на молодого лесника.

— Боек правого ствола ударяет не в центр капсюля, а в бок... — продолжал ночной посетитель.

— Колька! — радостно вскричал дедушка. — Куричий ты сын! Да сколько тебе лет?

— Девятнадцать... Позвольте... — растерялся лесник.

— Девятнадцать! Да знаешь, кто ты, а? Девятнадцать! Да мы такого мастерства только к тридцати годам достигали. Чертыка ты этакий! Давно ли ты мне письмо писал и спрашивал, как отличить след честного человека от нечестного, а?!

— Сергей Егорыч!.. Учитель мой... — Лесник встал, растерянно глядя на дедушку. — Как

же так получилось? Почему я вас по следу не узнал? Мне показалось, что прошел настоящий браконьер.

— Ишь ты какой! — рассмеялся дедушка. — Захотел умнее старика стать? Пришел я тебя проверять, а не расписаться перед тобой: «Вот, мол, я!» Как бы не так! Ты уж, Коля, извиняй старика. Не верил! Читаю в газете — и глазам не верю. В девятнадцать лет — лучший лесник, следопыт, снайпер, студент-заочник... Нет, думаю, испытаю все честь-честью, проверю... Ну, обрадовал ты меня, герой! Дай хоть обниму тебя!

Как близкие родные, лесники обнялись.

— Ну, поздравляю, поздравляю! Молодец, Коля!

— Спасибо, Сергей Егорыч!.. — смутился лесник. Он смотрел на дедушку влюбленными глазами, и немного странно было видеть такие на загорелом, замкнутом лице. — Ваши письма много помогали. Работать легче и интереснее стало. Спасибо вам, Сергей Егорыч... После заметки в газете написал мне командир пограничной заставы. Узнал, что скоро призываюсь в армию, и приглашает служить к себе. Говорит то же, что и вы, Сергей Егорыч: как ни много у нас в армии могучей техники, а таежному следопыту всегда найдется почетное место.

— Верно, Коля! Каждому солдату таежную науку знать надо. Читал я «Повесть о настоящем человеке». Настоящий человек, правильно! А знай бы он, милый, чуть-чуть тайгу лучше — скольких бы мучений мог избежать! Да... — Дедушка молча посмотрел на выглядывающих из-под одеяла ребят. — Ну, Коля, разговоры — разговорами, дружба — дружбой, а служба — службой. Вот тебе наше разрешение на отстрел изюбра... Где-то у Бори ужин оставался? Подогрею — покушаешь.

За ужином лесники оживленно разговаривали. Ребятам со стороны казалось, что после долгой разлуки встретились отец с сыном и никак не могут наговориться и насмотреться один на другого.

Дедушка уговаривал Капустина (это была фамилия молодого лесника) остаться ночевать, но тот отказался: есть дела.

Пообещал приехать утром помочь ободрать и увезти убитого изюбра, Капустин простился с дедушкой и пошел от костра в темную ночь. Через мгновение он скрылся. Ни один сучок не хрустнул под его шагом, не зашелестели кустики — лесник шел словно по воздуху. Федя вскочил и, как был, босиком, на цыпочках осторожно зашагал вслед за ним. Но сразу под его ногами что-то треснуло, зашуршало.

Федя сердито полез обратно под одеяло.

— Что смотришь? — сказал он Паше. — Все равно научусь!..

Сергей Егорыч сидел у костра, пощипывая колючий ус. Огрубевшее, морщинистое, коричневое от загара лицо его, с резко выделяющимися на нем белыми бровями и усами, будто улыбалось, а в глубине серых усталых глаз спряталась печаль.

— Скажи пожалуйста, — заговорил он тихо, будто про себя. — Как она, жизнь-то, идет! Девятнадцать лет — и такой лесник! Володе двадцать два, а всей области известен. Токарю Елисееву двадцать пятый пошел, а он другим лекции читает... Молодцы!.. Да. А твоя молодость, Сергей Егорыч, не таковская была! Двадцати лет в своих лохмотьях по деревне пройти стыдился... В сорок лет едва научился по складам читать... — Дедушка помолчал и посмотрел на ребят. Глаза его влажно блеснули. — А какими будете вы, ребятки, через десяток лет? Дожить бы посмотреть на вас хоть одним глазком!..

Глава VII МАШИНЫ В ЛЕСУ

Ребята ждали возвращения Капустина. Еще с утра молодой лесник увез драгоценные панты, часть мяса и шкуру изюбра в поселок лесорубов, чтобы сдать все в охотничий магазин.

Ребята занимались засолкой и копчением мяса. Дедушка дал поварам свободу, и они самые лучшие куски брали для экспедиции. Боря, сияющий, как полная луна, руководил работой.

— Дядя Коля тоже загадку про «Кислое» не отгадал, — рассказывал Паша. — Пока изюбра обдирали» восемнадцать «Кислых» придумал — и все не подходят. Вот, Женя, загадка

так загадка нам попалась! — Он умолк, но через минуту сном затараторил: — Еще „его“ дедушка спрашивал, далеко ли он в тайгу забирался. Дядя Коля ответил, что больше, чем за сто километров отходил. Там даже ни одной охотничьей избышки нету. Значит, начинается настоящая тайга, где нога человека не ступала!

На пути экспедиции находился участок леспромхоза. И Капустин вызвался познакомить гостей с работой лесорубов. Ребята, правда без особой охоты, но согласились.

— Леспромхоз... — нанизывая куски мяса на вертел, задумался Боря над незнакомым словом. — А как это полностью сказать?

— Ты не знаешь? — удивился Паша. — «Лес» — это лесное, «пром» — промышленное, «хоз» — хозяйство. И получается «лесное промышленное хозяйство». Только непонятно, зачем «пром»? Промышленное — это машины, заводы, фабрики. А в лесу какие машины? Мой дедушка, когда молодым был, на лесозаготовках двадцать лет проработал. До сих пор спина еще болит. Как разболится, он только побряхтывает: «Кхе, кхе... надолго от тебя память, лес-батюшка!» Самая тяжелая работа, дедушка говорил. Весь день не разогнешься: с пилой, с топором. Да бревна ворочаешь.

— Верно Пашка сказал! — подтвердил Боря. — Мы с папой за дровами ездили — тяжело.

Самый поселок лесорубов оставался несколько в стороне от маршрута экспедиции. Туда ребята решили не заходить, чтобы не задерживаться. Уже восьмой день, как из дому, а по всем признакам падь Золотая еще далеко.

...Капустин приехал только в полдень. Закусив шашлыком из вкусного и сочного мяса изюбра, путешественники пошли за молодым лесником.

Было видно, что лесорубы здесь поработали: лес на большом пространстве вырублен. Деревья были спилены у самой земли, пеньки едва виднелись. И, если пришлось бы проходить здесь автомашине, они нисколько не помешали бы ей. Одинокие деревья с мощными кронами стояли вразброску. Молоденькие сосенки в полметра и меньше высотой весело и густо зеленели между ними. Ребята заметили, что на всех оставшихся деревьях черной краской написаны цифры.

Днем дядя Коля казался еще моложе. Даже и дядей-то его называть было неловко. Никак не верилось, что он прославленный лесник, таежный следопыт, снайпер. Но вместе с тем в нем было что-то напоминающее дедушку. Капустин тоже больше смотрел на землю и ходил так же бесшумно, будто постоянно кого-то скрадывал. Ребята замечали, что и Федя начинает ходить так же. Видимо, закон следопыта — оставаясь самому незаметным, видеть и зверя, и птицу, и человека — вырабатывает эту своеобразную походку.

— Это семенники, — рассказывал Капустин, показывая на помеченные цифрами деревья. Лес мы рубим подряд, а чтобы за нами не оставалась пустыня и вырос новый лес, заранее отбираем и отмечаем деревья, которые нельзя рубить. На них в шишках созревают семена. Весной, как пригреет солнышко, семена из шишек высыплются и разносятся ветром по деляне. А мы, лесники, помогаем семенам взойти: бороним землю специальными боронами, чтобы семечко попало не на хвою, а прямо в почву. Потом, когда появятся молоденькие деревья, следим и ухаживаем за ними. Оберегаем их от короедов, а где выросли очень густо, вырубаем лишние.

В разговорах дорога прошла незаметно.

Экспедиция подошла к кромке леса. Ребята ожидали услышать стук топоров, звучание множества пил. Но в лесу было тихо.

— Обеденный перерыв, — объяснил Капустин.

— Пожалуй, герои, чтобы не таскать вам ружья и сумки, оставьте всё здесь, — предложил дедушка. — Я посижу, немного отдохну, Савраска попасется, а вы с дядей Колей походите.

Молодой лесник подвел ребят к группе обедающих рабочих. Ребята думали увидеть крепких и здоровых, как на подбор, силачей. Но это были обыкновенные люди, только очень загорелые. Среди них были две женщины с опущенными низко на лоб, должно быть от солнца, белыми косынками.

— Интересно, что им готовят, — заметил Боря.

Невдалеке стоял интересный домик на колесах, с окошками.

— Передвижная электростанция, — показал на домик дядя Коля.

— Понятно. Чтобы ночью светло было.

— Нет, Паша, — возразил Женя, с любопытством разглядывая незнакомую машину, — ни проводов, ни лампочек не видать.

— Дядя Коля, чем они пилят? У них и пил нет, — сказал Федя, который успел уже побывать около рабочих.

— А вот сейчас всё увидим... Надежда Николаевна, покажите, пожалуйста, нам, как пилят лес.

— Неужели вы никогда не видели, ребята? — поправляя косынку, улыбнулась молодая женщина.

— Значит, она здесь не повар, а начальник, — решил Паша.

Женщина встала.

— Через минуту начну пилить.

— Вы... вы сами будете? — оторопел Паша.

— Сама... Что же ты так смотришь? — в свою очередь, удивилась женщина.

— Нет, уж лучше не пилите, — посоветовал Паша. — Вы не знаете моего дедушку? Сила у него — во! А спина еще и сейчас болит. Сколько лет уже лесорубом не работает, все болит! А вы совсем заболаете.

Рабочие громко засмеялись.

— Ничего, парень, у меня спина не заболит! — весело сказала женщина.

Она взяла в руки странный инструмент, тонкую и длинную стальную раму, через которую была перекинута, как цепь у велосипеда, тоже стальная лента с зубьями. Видимо, инструмент этот был совсем не тяжелый: женщина без всякого усилия подняла его и пошла. За ней потянулась длинная черная веревка, прикрепленная к этой раме.

— Что у нее в руках?

— Пила.

Ребята были так сбиты с толку, что даже Паша промолчал. Какая же это пила? Пила у каждого дома есть, все пилить умеют. Взрослые просто решили подшутить над ними.

— Правда, ребята, пила, — заметив общее недоверие, серьезно сказал дядя Коля. — Только не простая, а электрическая. Потому и стоит здесь электростанция. По кабелю, — он указал на то, что ребята приняли за веревку, — к пиле подводится ток.

Пильщица подошла к такой толстой сосне, что двое ребят едва бы обхватили ее.

— Сколько надо времени, по-вашему, чтобы спилить ту сосну? — спросил дядя Коля.

— Много... Простой пилой — час, не меньше...

В это время начала работать, громко застучав мотором, электростанция. Женщина что-то включила, и стальная зубчатая лента с огромной скоростью — так что казалась неподвижной — побежала по роликам. Только резкий, сильный звук указывал ее движение. Пильщица приставила раму к дереву. Брызнули и полились желтой струйкой опилки. Пила вонзилась в дерево, как нож в масло. Прошло не больше минуты — сосна накренилась и с приглушенным, но далеко раздавшимся гулом рухнула на землю.

Улыбнувшись ребятам глазами, пильщица подошла к другому дереву, К третьему... к десятому. Изумленные и восхищенные, ребята следовали за ней. Остальные рабочие обрубали со спиленных деревьев сучья и складывали их в кучи. Они едва успевали за одной электропильщицей — молодой и, видать, совсем не сильной женщиной.

— Сейчас, ребята, посмотрим, как трелюют бревна, — сказал дядя Коля.

— Трелюют?

— Ну, подвозят спиленные бревна. Подтаскивают их к лесовозной дороге.

— Значит, там тяжело, — решил Паша. — От такой пилы у дедушки не болела бы спина.

Капустин привел ребят туда, где уже спиленные и очищенные от сучьев деревья лежали длинными неправильными рядами. Ребята попытались сдвинуть бревно. Оно было точно налит свинцом и даже не пошатнулось.

— Да-а, попробуй-ка, потаскай такие!

— А где рабочие? Обедают?

На бревнах сидел только один мальчишка. Он давно с любопытством поглядывал на

ребят. Но сейчас, когда они направились к нему, сделал вид, что даже не замечает их.

Прошло не больше минуты. Сосна накресталась и с приглушенным гулом рухнула на землю.

— Знакомьтесь, ребята, — сказал дядя Коля, — и побудьте здесь одни. Мне надо сходить по делам.

— Александр Афанасьевич... — небрежно приложив руку к помятой, с оторванным козырьком фуражке, назвал себя мальчик и привстал.

Ребята опешили. Что за птица такая: Александр Афанасьевич? А ростом с Пашку, и нос шелушится.

— Евгений, — назвал себя Женя, но посмотрел на мальчишку с неприязнью.

Ребята по очереди, так же скромно, отрекомендовались.

— Федька! — представился последним Федя. — До Федора Петровича еще нос не дорос...

Это был явный вызов. Но мальчишка ответил на него самым обидным образом: сплюнул через зубы и даже глазом не повел, будто для него никакого Федьки не существовало.

Федя сдвинул картуз на затылок и посмотрел на Женю. Тот отрицательно покачал головой. Проучить бы за зазнайство, конечно, надо, но получится не по-честному: мальчишка один, а их пятеро.

— Ты учишься? — как можно миролюбивее заговорил первым Женя.

— Конечно, учусь.

— В каком классе?

— В пятый перешел.

— Учительница у вас хорошая?

— Конечно, хорошая.

Говорил он нехотя, отрывисто и вообще держался, как задавала. Обиднее всего, что он скажет слово — и сплюнет, скажет второе — опять сплюнет. Как ни старался Женя держаться спокойно, но в нем уже закипало. Говорят как с человеком, так же и ты говори.

— Послушай-ка... — начал он.

Но Федя перебил его.

— Эй, ты! — выступил он. — Ты с Женей так не разговаривай. Он бы пятерых таких убрал, да только связываться не хочет! Ну, а я ничего, я свяжусь! Ишь, какой нашелся: говорит будто лает, да еще и плюется! Так осажу....

Мальчишка, видно, смутился.

— Я, ребята, так... Я ничего... — заговорил он. — Это механик наш Александром Афанасьевичем меня прозвал, а так, ребята, я просто Шурка.

Федя неохотно отступил на шаг, но картуз его был красноречиво сдвинут на затылок и руки в карманах.

— А здесь что ты делаешь? — уже дружелюбно спросил Женя.

— Бревна трелюю.

— Трелюешь?... — Женя переглянулся с ребятами. — Нам дядя Коля говорил, что трелевать — значит, бревна к дороге таскать. Верно?

— Верно. Вот я и трелюю. Десять дней уже!

— Врешь ты! — воспользовавшись замешательством, опять выступил вперед Федя. — А еще Александром Афанасьевичем прозвали. Шуркой ты был, Шуркой и остался!

— Как — вру? — опешил от неожиданного нападения Александр Афанасьевич, недоуменно заморгав белесыми ресницами.

— Ты?! Таскаешь?... Врет, ребята, хвастунишка и задавака этот! Да мы все брались, даже пошевелить бревно не могли, а он на тебе: «Таскает»!

— Эге! — оправившись от смущения, вдруг оскорбительно усмехнулся мальчишка.

— Вот тебе и «эге»! Подними-ка сейчас, хоть за конец, вот это, самое тонкое. Подними!

— Да ты, я вижу, с неба свалился. Ничего не понимаешь, как вот это бревно.

Федя так и подпрыгнул:

— С неба? Бревно? Я?! А ну, выходи! Один на один, Я тебе наподдаю!

— Мне? Наподдашь?

Разговор принимал опасный оборот. Женя был в затруднительном положении, не зная, что предпринять. Но, к счастью, к ребятам, погромыхая гусеницами и переваливаясь, как утка, катился трактор. Около бревен он ловко развернулся.

— Александр Афанасьевич! — высунувшись из кабины, прокричал чумазый тракторист.

Мальчишка, презрительно посмотрев на Федю, побежал к трактору, принял от стоящего на платформе унылого на вид рабочего связку стальных тросов и, делая из них петельки, стал надевать на вершины бревен. Унылый рабочий неуклюже слез с платформы и занялся тем же. Тракторный двигатель в это время продолжал работать, но трактор стоял на месте. Медленно вращался барабан, разматывая толстый длинный трос. Приехавший рабочий оттаскивал его к бревнам.

Тракторист быстро вылез из машины. Он помог мальчику и рабочему закрепить тросики на бревнах, а крючки их свободных концов зацепили за толстый трос, который спускался с трактора.

Тракторист все проверил, похлопал мальчика по плечу и вскочил в кабину:

— Тащим, Александр Афанасьевич?

— Тащим, Яков Иванович!.. Эй ты, картуз, посторонись! — крикнул сурово Александр Афанасьевич. — Да и вы тоже. Шляются тут... Женя, отойди, придавить может.

Барабан на тракторе закрутился, наматывая трос. Вот он натянулся: бревна, одно за другим, дрогнули и, сталкиваясь, бороздя землю, поползли к трактору. Трос подтянул их на металлическую площадку. Несколько мгновений — и площадка вместе с концами бревен, лежащих на ней, поднялась. Унылый рабочий снова взгромоздился на площадку и сел у

кабины.

Трактор застучал сильнее и чаще, поднатужился, скрипнул гусеницами и тронулся. Бревна — сразу на полдома, — оставляя на земле глубокий след, потянулись за ним.

Мальчик сел вполоборота к ребятам, показывая полное равнодушие. Однако чувствовалось, что он обижен. Федя смущенно ковырял ногой землю. Шурка оказался настоящим рабочим и совсем не врал, что трелюет бревна.

— Вот так попались мы! — проговорил Женя.

— Ты всё! — напустилась Наташа на Федю. — Иди сейчас же извинись! Помириться надо.

— Не умею я! — буркнул Федя.

— А задираться умеешь? Иди, иди! — Наташа повернула его за плечи и подтолкнула.

Федя покосился на девочку и, ворча под нос, пошел.

— Подожди, Федя, — тихо остановил его Женя. — Наташа, у него ничего не получится. Они обязательно подерутся... Паша, начинай ты первый мириться.

— Сейчас помиримся, — спокойно ответил Паша:

Ребята не слышали, как Паша затеял разговор с Александром Афанасьевичем, но, когда увидели, что беседа у них идет мирно, подошли. Шура и Паша сидели на бревне лицом друг к другу и оживленно бросались словами.

— Дерево, — говорил Паша.

— Клюква, — отвечал Шура.

— Камень.

— Щавель.

— Корень.

— Красная смородина...

— Не мешайте, ребята! Мы игру придумали. Шурка Мне говорит, что в тайге кислым бывает, а я — что твердым. Кто больше слов скажет, тот и чемпион... Пень.

— Простокваша.

— Э-э, постой! — закричал Паша. — Простокваша хоть кислая, а разве в тайге она водится?

Но Александр Афанасьевич, должно быть, тоже не любил лазить за словом в карман.

— А я ее принесу да поставлю, вот она и в тайге будет, — ответил он. — Давай дальше.

— Помидор...

Даже Боря, с его опаской к Пашиным планам, сейчас с уважением смотрел на главного штурмана. Вдруг в самом деле Шурка назовет настоящее «Кислое», которое встало поперек дороги к пади Золотой.

— Победил ты меня! — вздохнул Паша, когда понял, что соперник исчерпал весь запас «кислых» слов и начинает плутовать. — Ты — чемпион!

Шура еще сказал «кожа» и добавил:

— Не веришь, что кислая, так попробуй.

Но ссориться не входило в расчет Паши.

Довольный победой, Александр Афанасьевич весело посмотрел на ребят. Паша с необычайной легкостью перевел разговор на другое.

— В лесу скучно жить? — спросил он.

— Почему скучно? — ответил Шура. — У нас тут поселок.

— А ни кино, ни радио нет.

— Эх, ты! Кино каждую неделю бывает, а радио все время. Такая станция у нас, что сразу Москву ловит.

— Ну, а железной дороги нет. Когда паровозы гудят, то как-то веселее.

— Паровозы? Они как автомобили гудят?

— Ты что, паровозов не видел?

— Нет еще, — смутился Шура. — В кино видел, а так нет. Зато самолеты к нам каждый день прилетают.

— Ребята, — сказал Федя, — Шурка еще паровоза не видел!

— Ничего, скоро увижу! — уверенно сказал Шура. — Сейчас к нашему участку подводят

железную дорогу, только не настоящую, а узкоколейку. Торопятся закончить до зимы. Вторых рабочих-трелевщиков взяли на постройку дороги, а пионеры взялись помочь.

Шура рассказал, что отец у него лесоруб и дедушка был лесорубом. Он, Шурка, тоже мечтает в лесу работать и, когда окончит семилетку, поедет в лесной техникум.

Трактор еще не возвращался. И ребята разговорились.

— Вы тоже не читали «Сына полка»? — спросил Шура.

— Давно читали! Вот книга так книга! А ты не читал?

— Нет! — вздохнул Шура. — Все у нас хорошо, а новые книги долго не приходят. Прочитаешь в «Пионерской правде», что вышла книга, а потом ждешь, ждешь ее. Далеко до нас!..

— Знаешь, Шура, — сказал Женя, — у нас «Сын полка» с собой. Во вьюке, на лошади... Мы книжку дяде Коле передадим, а он тебе. А потом давай так сделаем: твой адрес запишем и как новую книгу получим, прочитаем, так сразу вам по почте пошлем. Ладно?

— Ну-у?.. Вот было бы хорошо! — обрадовался Шура. Вскочил и даже схватил Женю за руку. — А не забудете? Женя, ребята, не забудете?

— Раз Женя сказал — всё! — уверил Паша.

Подошел трактор. И Шура, пожав новым товарищам руки, побежал к нему.

— Только не забудьте, ребята! Ладно? — еще раз крикнул он, обернувшись.

Дядя Коля показал ребятам, как стрелеванный к дороге лес грузился на автомашины. Лесопогрузочные краны легко подхватывали бревна и осторожно опускали их на прицепы. Автомашины увозили спиленный лес из тайги.

— Да, вот и пришла в тайгу машина... — проговорил дедушка.

— Если так будем рубить, скоро весь лес вырубим, — поглядывая на голые горы, высказал опасение Паша.

— Не вырубим! — ответил дедушка. — Объясни-ка, Коля, моим героям по-ученому.

— Не вырубим, — оглядывая тайгу, сказал молодой лесник. — Тайгу не уничтожим. С расчетом работает советский человек — науку принес в тайгу. Там, где рубим сейчас, через десятки лет будет новый лес, еще лучший. Все малоценные породы заставим уйти. Вырастим добротный лес, стоящий!

Капустин помолчал, провожая взглядом автомашину.

— Знаете, Сергей Егорыч, — взволнованно заговорил он снова, — я кончу техникум, отслужу в армии. А после обязательно окончу лесной институт. И никогда не уйду из леса... Как только подумаю, где я работаю, так работать еще больше хочется! «Зеленое золото»! Правильно так называют лес! Я часто смотрю и думаю: где будет наш лес? Везде! Он будет держать телеграфные провода и крепить шахты. Пойдет на химические заводы: будут из него делать скипидар, разные материи для одежды, спирт, пластмассы и еще много других продуктов. На бумажных фабриках он превратится в бумагу для книг, учебников, тетрадей — ведь вся бумага из леса делается! Построят из наших деревьев новые дома и школы, а в больших каменных зданиях — полы, двери, оконные рамы. Построят баржи, лодки, товарные вагоны. С мебельных фабрик пойдет красивая мебель... Кончилась война. Начнутся великие стройки. Ни одно строительство не может обойтись без леса. И наш лес обязательно пойдет туда, на стройку волжских и сибирских электростанций, новых автомобильных заводов... — Капустин обернулся к ребятам: — Понимаете вы это? В тысячах новых домов, в новых городах, на каналах безводных сейчас пустынь и в каждой квартире, в книжке и в ученической тетрадке — везде наш сибирский лес, наша славная тайга!..

Его волнение передалось всем. В самом деле, куда только не пойдет наш забайкальский лес!

— «Зеленое золото», «Мягкое золото», «Черное золото». Панты изюбра — «золото». Кедр — «золото». Настоящее золото! Сколько, дедушка, всего в нашей тайге золота?.. — спросил Женя.

По склону горы мчались одна за другой тяжело груженные автомашины, и светло-желтые стволы сосен поблескивали на солнце настоящим золотом.

Глава VIII НАПАДЕНИЕ СЕКАЧА

Пошел третий день, как экспедиция, простившись с лесником Капустиным, неуклонно продвигалась на север.

Таинственный «Кислый» все еще не попадался. Он завладел умами всех. Паша с Женей по десятку раз в день перечитывали «Описание» дороги и дневник партизан, надеясь найти какой-нибудь, пусть самый отдаленный, намек. Федя, убегая на разведку, не пропускал ничего нового, чтобы не попробовать на язык. Боря с Аликом готовили обед и бормотали: «Кислый... Кислый...» Наташа, пришивая заплату, иногда вдруг забывала про нее и, устремив глаза вдаль, задумывалась. А «Кислого» не было, точно он сквозь землю провалился.

По утрам Паша все неувереннее командовал:

— Курс на север.

Экспедиция переходила через горы, спускалась в пади. Переходила топкие, заросшие кустарниками ключи. Шли обширными лугами, где радовало глаз бесконечное море трав и цветов. Шли заболоченными кочкастыми равнинами. И опять углублялись в лес.

Экспедиция находилась в движении с утра до вечера, останавливалась лишь на обед и на ужин. Ребята окрепли: к вечеру они уставали намного меньше, чем в первые дни похода, хотя проходили больше. Они загорели, легче переносили дневной жар, ночной холод и укусы появляющихся днем слепней-паутов, а вечерами и по утрам — комаров и мошки. Ребята научились безошибочно определять, в какой стороне от костра, в зависимости от погоды, устроить постель, чтобы на нее не летели дым и искры. Научились разжигать костер от одной спички и накладывать дрова так, чтобы прогорали медленнее, а давали тепла больше. Все увлекались наукой следопыта. И даже Наташа с Павлом уже могли отличать следы косули от изюбра.

Сейчас ребята со смехом вспоминали свои страхи в первую ночь. Как же было не смеяться, если кричали тогда, напугав их до смерти, не кто иные, как... зайчонок, козел и филин!

Федя чувствовал себя в тайге как дома. В чтении следов он делал такие успехи, что дедушка диву давался. Компас на руке разведчик носил только для порядка. Зачем он, когда всегда перед глазами не менее верные указатели дороги? Солнце, звезды, ветви и кора деревьев, дупла птиц, муравейники, породы леса на склонах гор — все показывало разведчику: «здесь север» или «здесь юг».

Дядя Коля сказал правду: за три дня экспедиция продвинулась вперед не меньше чем на шестьдесят километров и не встретила ни одного человека и никаких признаков его присутствия. Если бы не таинственный «Кислый», ребята бы вдоволь нарадовались. Здесь, видимо, действительно еще не ступала нога человека.

Что же такое «Кислый»? Где падь Золотая?

С высоких гор ребятам открывались десятки падей и распадов — на севере, западе, востоке. Правильно ли идут? Может, пройден незамеченным «Кислый», и одна из остающихся в стороне падей и есть она — Золотая...

Неужели сказочное богатство этой пади так и останется не открытым? Неужели они не выполнят суровой и страстной просьбы славных героев: «Товарищ! Найди падь Золотую!»?

Дедушка как мог успокаивал ребят. Но успокаивал он как-то странно, неуверенно, вроде смущаясь. Видимо, его тоже угнетали неизвестность и сознание того, что он, следопыт, не может ничем помочь. Да, здесь его искусство было бессильным. Любой, даже самый заметный след, какой оставили за собой великие партизаны, не мог сохраниться долгие двадцать шесть лет. Помятые ими кусты за это время успели состариться и погибнуть, уступив место молодым, а надломленная сосенка превратилась в высокое дерево.

Но, несмотря ни на что, ребята не унывали. Этому способствовало, пожалуй, то, что каждый день с утра до вечера был заполнен делом. На привалах дедушка придирчиво и строго проводил учения по стрельбе. Этих часов все ждали с нетерпением.

Учились стрелять навскидку, влет, днем и в сумерки. Однажды стреляли даже ночью. Это была тренировка к знаменитой стрельбе на слух. Дедушка, привязав длинный шнур к полену и

находясь рядом со стрелком, дергал за шнур. Полено, подпрыгнув, стучало. По этому короткому звуку надо было определить, где цель, и поразить ее. Ребята не попали, отличилась опять Наташа — перебила дробью шнур рядом с поленом. Но в охоте на вредных птиц она участия не принимала, отговариваясь разными причинами. Остальным же эта охота приносила много радости. Женя с Федей сбили влет по одному ястребу-тетеревятнику. К огорчению ребят, вредных птиц было не так уж много. Большей частью птицы, даже из семейства коршунов и ястребов, вопреки убеждению ребят, оказались полезными, и их, конечно, не стреляли.

Вечерами у костра долго не умолкали разговоры и смех. Женя искусно вырезал из осины шахматные фигурки, и все участвовали в турнире. По-прежнему каждый старательно выполнял свое дело. Сытная и вкусная пища в положенное время подавалась от костра. Мягкая и теплая постель манила к себе уставших за день ребят. На одежду любо было смотреть: хоть вся в заплатках, но чистая, без единого пятнышка, без болтающейся пуговицы. Утром и вечером зачитывались приказы по экспедиции. На привалах слушались подробные донесения разведчика о том, что интересного вблизи. Федя уже легко вел маршрутную карту и заносил на нее всё: озера, речушки, хребты. По утрам все так же подавалась команда: «На север!»

Изредка над бескрайней тайгой пролетал пожарный самолет. Летчику, хотя он не мог их видеть, ребята кричали, свистели, махали. И только иногда то тот, то другой вдруг замолкал на полуслове и задумывался: «Где же ты, падь Золотая?»

А впереди ребят ожидало настоящее испытание их мужества, ожидала катастрофа...

Кто весел, тот смеется,
Кто хочет, тот добьется,
Кто ищет — тот всегда найдет!.. —

напевала Наташа.

— Хорошая песня, Паша? — спросила она.

— Хорошая, — не оборачиваясь, ответил Паша. — Мы не унываем, мы ищем, над «Кислым» думаем.., Не мешай, Наташа.

— Фу-у! — отрываясь от «Описания», улыбнулся и поерошил волосы Женя. — Вот, Наташа, все-таки загадка так загадка. Ну, никак!.. Правда, Паша, хватит думать, давай постель делать.

Боря и Алик, разбирая многочисленные мешочки с продуктами, тихо переговаривались.

— В обед опять осталось, — сказал Алик. — Ребята что-то едят хуже... Может, Боря, невкусно?

— Вкусно. Ты молодец, научился! Беспокоятся ребята, вот и едят меньше. Да и мы немножко виноваты — всесуп да суп... А в норму все равно не вошли...

Отношение ребят к Алику все еще было настороженное. Правда, с ним говорили, смеялись, но не так, как между собой. Один Боря относился к нему просто, как ко всем. Но Федя точно не замечал Алика: не отвечал на вопросы, не обмолвился с ним ни одним словом.

— Женя ругался: «Не можете, говорит, сварить что-нибудь вкусное, чтобы хорошо поесть», — продолжал Алик.

— Сам слышал, — нахмурился Боря. — Наэкономили мы с тобой... Сегодня компот сварим.

— Компот? А сахару мало.

— С конфетами...

— Много конфет надо. Совсем из нормы выйдем.

— Это ничего. Как «Кислый» найдем, все повеселеют. Тут и подадим чай без конфет. Веселые будут — не заметят.

Возвращение Федей прервало разговор. По его оживленному виду ребята поняли, что он разведал что-то интересное.

— «Кислый» нашел? — встрепенулся Паша.

— «Кислого» пока нет. Не беспокойся, не пропущу. Зато я свиной разведал... Дедушка, большой табун свиней! — оживленно рассказывал Федя. — Следов много — близко и свежие.

Дальше пошел, смотрю: огромный свинячий след. Будто у изюбра. Ветер от меня, ну я и прошел немного по следу... Вижу, стоит кабан. Вот это кабан так кабан! Ростом с барана, клыки изо рта большущие торчат — четверти на две... Женья, вот такие! Посмотрел его — и потихоньку назад.

— Говоришь, много свиней? Гм... — Дедушка пошевелил усами. — Свиньи без человека тоже жить не будут. Выходит, Федя, что колхоз близко?

— Колхоз! — рассмеялся Федя. — Сейчас меня, дедушка, не проведешь. Дикие свиньи. Человеческого следа ни одного нет.

— Ну, Федя, — покачал головой дедушка, — ты, постреленок, скоро лучше меня разведчиком будешь... Да... Что же, герои, делать? Не мешало бы всем диких свиней посмотреть. Зверь редкий, интересный.

— Конечно, дедушка, давайте посмотрим!

Боря с Аликом перешептывались.

— А маленькие поросята, Федя, там есть? — спросил Алик.

Федя будто не слышал и продолжал протирать тряпочкой ружье.

— Есть, Федька, поросята? Тебя спрашивают! — рассердился Боря.

— Есть. По следам видать, всякие есть. И маленькие и большие.

— Мясо кончается, — сказал Боря. — Женья, я тебе говорил... Хорошо бы поохотиться.

— Правда, дедушка, — подхватил Женья, — мяса только на утро. Вы же говорили, что кабанов и зимой и летом стрелять можно.

— Мало мяса? — повторил дедушка и задумался, переводя взгляд с одного на другого. Наконец решительно поднялся с земли. — Добре, герои. Мыслишка, прямо сказать, хорошая. Почему свининкой не полакомиться? Стало быть, решено. Пойдите, пойдите, не торопитесь. Пойти-то пойдем, а вперед послушайте. Страшного зверя в тайге нет. В этом вы уже убедились. А только как бы в другую сторону не сбились, не подумали, что охотнику всё пустяки: ходит да постреливает. Медведь встретится — бац, кабан — бац, сохатый — тоже; одно удовольствие. Вот перед охотой запомните: зверь не страшен, он убегает, но только в том случае, если ты его сам не трогаешь. А охотник с тем и идет, чтобы тронуть. Тут-то, герои, зверь другим делается. Тут-то он страшен бывает, да еще как! Это одно. А сейчас про свиней. На матку с малыми угодим — это еще пустяки: одного убил, остальные разбегутся, и делу конец. А угодим на кабана, на секача то есть, его еще вепрем зовут, — тут дело другое.

Затронул да сплеховал — пеняй на себя. Лучше с пятью медведями иметь дело, чем с одним вепрем. Не успеешь моргнуть — мигом дух из тебя вон. А сила у него такая, что, к примеру, налетит на лошадь, и с ног ее, будто зайчишку, собьет, кишки выпустит — и был таков. Вот, герои, за каким зверем мы пойдем. Не побоимся, а?

— С вами, дедушка, мы ничего не побоимся!

— Ладно! Знать тайгу, так со всех сторон ее знать...

Пока дедушка подробно расспрашивал Федю, где он видел следы, сколько их, не заметил ли его секач, ребята успели подготовиться к охоте. Дедушка каждому выдал по одному патрону, заряженному круглой пулей. Эти пули обладают очень большой силой, но требуют точной стрельбы. Малейшая ошибка — и пуля уходит мимо цели.

На месте, куда привел Федя охотников, земля была вся изрыта. Животные здесь кормились. Видимо, они в самом деле обладали исключительной силой: пласты дерна, переплетенные многочисленными корнями, были выворочены вместе с кустарником.

Дедушка с Федей долго ходили, разглядывая следы. Они искали так называемый звериный ход, лаз. Большинство зверей имеет в лесу свои любимые тропы.

Наконец место было облюбовано. Оно оказалось совсем недалеко от табора.

Дедушка рассказал план охоты. Дикие свиньи — животные очень осторожные, и на выстрел из дробовика к ним подойти удастся редко. Поэтому надо сделать загон. Ребятам стало немного не по себе, когда они узнали, что останутся одни и что именно им придется стрелять. Хорошо, если выскочат поросята, а вдруг нагрянет сам секач?

Но Сергей Егорыч, оказывается, все предусмотрел. На толстой развесистой сосне высоко, метрах в трех от земли, он решил соорудить помост. Общими усилиями помост скоро был сделан. Сейчас стрелки будут в полной безопасности. Он проверил, как легли ребята, показал

тропинку, по которой звери побегут, даже указал кустик, около которого, по его мнению, животные должны остановиться. В этот момент в них и надо стрелять. Еще раз напомнил о строгих правилах обращения с оружием. Затем сел на Савраску и направился через гору, чтобы, объехав зверей, погнать их потом на охотников.

Тянул слабый вечерний ветерок. Высоко над лесом резвились черные стрижи, рассыпая в воздухе нежное щебетание. Казалось, с неба сыплются звенящие стеклышки. Ворковал лесной голубь: «Ху-гу-у... Ху-гу-у...» Над помостом села большеголовая смешная сойка и, не замечая ребят, стала чистить перья и охорашиваться, поглядывая вниз любопытными черными глазками.

— Ты, Наташа, тоже курок взвела? — с невинным видом спросил Паша.

— Взвела...

— А зачем?

— Ни за чем. Какое твое дело?

— У тебя, наверное, опять начинает голова болеть? Ну и чудная ты, — сказал Паша. — Раз жалеешь зверей, так и сидела бы на таборе. А еще лучше, если бы дома сказала, что охотиться не будешь... Ружье бы на тебя не взяли. Таскаешь зря.

— Не ты таскаешь, и ладно.

— А вместо ружья взять бы куклу...

— Хватит! — вспыхнула Наташа. — Еще одно слово скажешь — и полетишь с дерева.

Понял?

Паша взглянул вниз и многозначительно присвистнул. А Наташа посмотрела на него и незаметно вздохнула: неужели в самом деле из-за этой охоты в ее дружбе с мальчиками появилась трещина?

— Тихо!

Вдалеке раздался едва слышный крик. Дедушка начал гон. Нацелив ружья, юные охотники замерли.

Если бы ребята сравнили, что они чувствуют сейчас, ожидая самого свирепого зверя, и что они чувствовали неделю назад при встрече с медведем, то, несомненно, не узнали бы себя. Ни у кого сейчас не было страха. Но ребятам некогда было думать об этом: охотничий азарт и нетерпение целиком охватили их.

Дедушкин крик послышался ближе.

Животные появились неожиданно быстро. Сначала ребята услышали звук, похожий на хрюканье. Затем треснул сучок, сильно заколебались вершины тонких березок, мелькнуло что-то темное. И вслед за этим ребята увидели свиней. Охотников от них отделяло не менее ста метров. Впереди трусила большая свинья. За нею, подпрыгивая, как резвящиеся домашние поросята, бежали подсвинки. На таком расстоянии ребята не могли их хорошо рассмотреть. Только заметили, что поросята полосатые, как зебры на картинке. Но полосы были чуть видны, не бросались так резко в глаза.

Несколько мгновений — и все стадо исчезло.

— Вот тебе и на!..

Однако готовые было сорваться слова замерли у ребят на губах.

На той самой тропе, на которую указывал дедушка, показался зверь. Он шел один. К дереву с помостом приближался сам вепрь. В этом можно было убедиться сразу, с одного взгляда. Хотя ребята знали, что кабан ничего не сможет им сделать — не достанет, но мурашки пробежали по спине.

Да, этот зверь невольно вызывал страх.

Ростом он был с барана. Грубая щетина темно-бурого цвета топорщилась на загривке. По величине он не мог и сравниться с медведем. Но в длинной голове, высокой и широкой передней части туловища, твердой и уверенной поступи, в маленьких злобных глазах, в больших острых клыках, кривых, как турецкие кинжалы, и торчащих из пасти прямо вверх, — во всем чувствовалась необычайная мощь и готовая ежеминутно взорваться постоянно kloчущая в нем свирепость. Зверь и уходил-то от пугающих его криков дедушки так, точно колебался: продолжать уходить или немедленно броситься им навстречу.

В довершение надо сказать, что баран такой величины весит самое большое три пуда. А секач, как выяснилось потом, потянул не менее десяти пудов, то есть столько, сколько весит средняя корова.

Секач остановился. Ребята сразу направили на него ружья. Он был недалеко. Ребята хорошо видели, как у зверя раздуваются ноздри: он, должно быть, почувствовал запах людей.

Прогремел залп.

Раздался такой грозный рык, что ребята содрогнулись. Секач стоял там, где его захватили выстрелы. На голове и на боках выступили красные пятна крови. Кровь закапала на землю.

Вид зверя был ужасен. Маленькие свирепые глазки его, казалось, метали молнии. Щетина на могучем загривке встала дыбом. Из полукрытой пасти бежала пена. Загнутые клыки угрожающе шевелились. Зубы скрежетали; раздался такой звук, будто точили ножи. Все говорило, что зверь готов к нападению, перед которым не устоит ничто.

Зверь не понимал, где его враги. С минутой он стоял так, наводя своим видом ужас на ребят. Потом грозно рыкнул и, словно подброшенный взрывом, не побежал, нет, понесся, как живой таран, сметая на своем пути березки и осинки, будто они были соломенные. Горе тому, кто окажется сейчас на его дороге! Вдруг совсем недалеко раздалась песня. Зверь остановился как вкопанный, поводя ушами. Дедушка продолжал петь. Секач резко обернулся и, весь подобрившись, приготовился ринуться туда.

«Дедушка!» — мелькнула страшная мысль у ребят.

— Дедушка! — прошептала Наташа, не сводя расширенных глаз с разъяренного зверя. Жуткое видение мелькнуло перед глазами: дедушка, уверенный, что все кончено и зверь убит, спокойно едет, напевая и покачиваясь в седле; двустволка за спиной. Минута — и, как вихрь, налетает обезумевший от ярости зверь. И все мешается: дедушка, Савраска, крики, кровь, стоны...

Ребята ничего не могут сделать. Ружья у них уже разряжены. Лишь у нее остался последний патрон, последняя пуля. И Наташа подняла ружье. Но секач уже рванулся. Мысль у Наташи работала удивительно ясно. Она вспомнила, что в движущуюся цель стрелять лежа неудобно, и легко вскочила на колени.

Зверь с бешеной скоростью пронесся мимо, прямо на дедушку.

— Не уйдешь!.. — крикнула Наташа.

Спокойно и быстро, как стреляла вчера по брошенной головешке, она вскинула ствол вперед вепря, видя перед собой только одну точку, в которую надо было попасть, — ухо зверя.

Выстрел! Секач, будто срезанный, упал и забился, разбрасывая землю, камни, сучки. Потом поднялся, пошатываясь, и, по-прежнему страшный и грозный, но уже обреченный, побежал еле-еле. Сейчас он бежал не к дедушке, а по направлению к табору, туда, куда направлялся вначале. Так уползает в камыши смертельно раненный враг...

Затаив дыхание ребята проводили его взглядом. Затем все как по команде обернулись к Наташе. Она дрожащими руками открыла ружье, вынула патрон и продула ствол. И только после этого посмотрела на ребят. Она была очень бледной.

— Я над тобой смеялся... — прошептал Паша. — Не сердись...

— Глупый ты, Пашка! — через силу улыбнулась Наташа.

Ребята не смели не только спуститься с дерева, но даже пошевелиться. Зверь не был еще убит и мог вернуться.

Да, ходить по тайге — одно, а охотиться — другое.

Ребята вздрогнули, когда услышали треск и топот. Но тут же облегченно вздохнули. Подъезжал на Савраске дедушка.

— Живы? — весело крикнул он. — Отведали настоящей охоты? Каково же охотнику на земле один на один стоять, когда на него такой зверище помчится, а?.. Совсем, совсем хорошо! — продолжал дедушка, разглядывая следы. — Руки-то немного дрожали, но хорошо попали, хорошо. Выходит, учение наше не напрасно... А я, грешным делом, побаивался — вернемся из тайги домой, а охоту так и будем считать пустяком, вроде легкой забавы...

Дедушка вдруг умолк и, точно не веря, протер глаза. Своей скрадывающей походкой, на этот раз торопливо, прошел по следам до того места, где, сраженный Наташей, бился зверь. Недоуменно шевеля усами, посмотрел на ребят и опять прошел по следам до того же места, на этот раз медленно, задерживаясь на каждом шагу. Ребята поняли, что дедушка по следам увидел всю страшную картину, которая разыгралась здесь. Значит, с бешеной скоростью мчался в его сторону обезумевший зверь и вдруг упал, будто сраженный молнией...

— Наташа! — более утвердительно, чем вопросительно проговорил наконец дедушка.

— Наташа! — подтвердил Женя.

— Да-а, да-а! — приговаривал дедушка, не находя, должно быть, других слов, удивленно посматривая то на следы, то на девочку. — Это выстрел! Снайперский выстрел, Наташенька! Да под таким выстрелом настоящий снайпер подпишется... — разошелся дедушка. — Ну, слезайте, слезайте! Слезайте, герои мои! Обрадовали сегодня старика.

Федя заметил, что пошли они по следам секача, но дедушка совсем не оберегается: громко и весело разговаривает, ружье через плечо...

— Дедушка, — настороженно смотря вперед, беспокойно спросил его Федя, — а вдруг секач по следам вернется да на нас нападет. Звери часто по своему следу обратно проходят.

— Но Наташа его убила?

— Убила! А где он?

— На таборе, где ему быть? Вон, смотрите, лежит.

В самом деле, рядом с собранными для костра дровами лежал зверь. Ребята остановились в нерешительности: никому не хотелось еще раз увидеть секача живым. Только когда дедушка подошел к кабану и потрепал его по загривку, они смело окружили тушу и наперебой заговорили о пережитом.

Боря с Аликом заметили беспорядок на столе, где оставались продукты, и побежали туда.

— Мне непонятно, — сказал Федя, — почему он на табор прибежал?

— А причина тут простая, — ответил дедушка. — Конечно, он на вас хотел броситься. Вы его рассердили. А увидеть вас не мог. Несет откуда-то людьми, а откуда — не понимает. Разум-то у него помраченный был. Пять пуль, и все близко к убойному месту — не шутка. Ветерок принес ему запах от табора. Он почуял, повернул туда, да услышал, что я еду, и понесся на меня. Наташин выстрел его остановил. Разум у него совсем помутился. Забыл секач про меня да опять на табор бросился... Понятно... если бы вы его не ранили смертельно, он остался бы вас под деревом караулить.

— Хоть немного напугались, а хорошо, дедушка, получилось. Раз-раз — и столько мяса!

— Как сказать! — возразил дедушка. — За мясо-то, кажется, он цену взял немалую. Повара наши никак убытки подсчитать не могут.

Словно в подтверждение его слов прозвучал глуховатый от волнения голос Бори:

— Продуктов нет!..

— В падь Золотую идти не с чем! — одновременно крикнул Алики.

Все бросились к поварам.

Действительно, продуктов, приобретенных с таким трудом, не стало. Мешочки были разорваны в клочки. Крупа, компот, мука, горох, сухари, соль — все было перемешано с землей и хвоей и вдобавок залито кровью.

Зверь выместил свою злобу на запасах экспедиции.
Боря с убитым видом держал в руках маленький узелочек.
— Что осталось? — подскочил к нему Женя.
— Ничего...
— Совсем ничего? А в узелочке?
— Пять сухарей, три конфетки, два пряника, орехов немного... Неприкосновенный запас...
— Ну, проказник... ну, проказник!.. — усмехнулся дедушка.
— Проказник?! — вне себя от отчаяния, скребя затылок, вскричал Боря. — Чем вас кормить, будем?!
— Чем? Что ты, Борька, задумался? А мяса сколько! — урезонивал его Женя.
— Что ты понимаешь? Поешь его без соли! Чем вас кормить будем?.. — твердил свое Боря.

Глава IX ВПЕРЕД

— «Кислого» нет... Продуктов нет... — тихо сказал Алик.
В самом деле, положение экспедиции казалось катастрофическим. Ребята поужинали одним мясом. Никогда они раньше не предполагали, как много значит соль. Мясо, сваренное без соли, оказалось удивительно безвкусным, даже противным. Ребята с трудом заставили себя проглотить по кусочку и только раздражили аппетит.
Солнце закатывалось за тучу. Вечер стоял душный, тяжелый, предвещающий грозу. Несмотря на дымокур, одолевали комары. Их противный писк будто чем-то тоненьким и острым сверлил мозг, вонзаясь все глубже. Казалось, что, если даже закрыться подушками, будет слышно нестерпимое нытье: «и-и-и... и-и-и...»
Впервые за весь поход еще не была натянута палатка, не постлана постель, не починена одежда, не запасены на ночь дрова.
Непривычное и тягостное чувство голода, отсутствие всякой надежды достать где-нибудь пищу — все это угнетающе действовало на ребят. Они безучастно смотрели на огонь, лениво отмахиваясь от комаров. Вновь вспыхнули заглушённые до этого сомнения. Ведь начиная от Озера Тысячи Ондатр почти неделю экспедиция шла, откровенно говоря, наугад.
А ведь можно... Разве кто осудит их, если завтра, уже завтра, они пойдут обратно домой? «Кислого» нет. Где падь Золотая, никто не знает. Продуктов, кроме противного мяса, нет...
Три дня пути — и снова будут в леспромхозе. Ещё через два дня — гостеприимный домик Базыра и старого Цыдена. Дальше, на хребте, дедушка Михеич. И, наконец, Монгон!
Эх, как хорошо дома! Там — товарищи, веселые игры, ни комаров, ни жары, ни паутов. Там Тихая, в которой можно купаться хоть весь день. Искупался, повалялся на горячем песке — и опять в воду. Там голуби и собаки, прохладные комнатки, чистые постели. Там сестренки, хорошие сестренки. Там мамы...
Как они ждут и каких гостинцев только не приготовят! Там Володя... Нет, и он, наверное, не осудит. Ведь тяжело, по-настоящему тяжело.
— Ничего нет... — угрюмо сказал Алик.
— Да-а, прямо сказать, положение аховое, — промолвил дедушка. — Надо, пожалуй, решать, что делать...
Его слова напомнили Жене об обязанностях.
— Откроем совещание, — устало сказал он. — Что будем делать? Кто первый хочет сказать?
Никто не отозвался.
— Кто первый? — повторил Женя и безразличным взглядом обвел ребят.
Ему тоже хотелось сидеть молча, не шевелясь, и хотелось... домой.
— Давай, Женя, начинай, — проговорил Паша.
— Ты — начальник, и первое слово твое! — сказал Федя, сердито взглянув из-под картуза.

— Конечно, — согласился Паша. — Говори, Женька. Как ты, так и мы.

— Правильно... — поддержал Боря.

Женя поник головой. Трудно... Вот теперь ребята возлагают такую ответственность на него: принять решение — идти или не идти дальше. Насколько легче, когда решение примет за тебя кто-нибудь другой! Почему ребята с каждой заботой, даже с самой маленькой, обращаются к нему? Почему и в классе Мария Павловна, и в отряде Володя всегда с первого спрашивают с него? Шумят в классе — отвечает он. Плохо работал дежурный — опять он. И так везде... Почему? Ведь он не сильнее и не лучше других. Он не может развеселить так, как Паша. Не такой ловкий, как Федя.

А ведь раньше не было так. Женя вспомнил первый и второй классы. Он был непревзойденный драчун, и его «банда», как окрестили Жениных друзей недруги, наводила страх на всех непокорных. Уроки давались легко, но он со своими друзьями и не думал сидеть за книгой и когда на улице светило солнце, и когда шел снег. Пошли двойки... Летом — хитрые набеги на чужие огороды, хозяева которых чем-либо не полюбились друзьям.

Его чуть было не исключили из школы, вызывали родителей. Сколько тогда плакала мама из-за него!..

Женя не знает точно, когда он стал другим. Или тогда, когда Володя сумел настоять, чтобы Женю приняли в пионеры, и сам надел на него пионерский галстук. Или когда почувствовал, что он не просто ученик, а староста класса, которому доверили так много: весь класс. А может, тогда, когда прочитал самую лучшую книгу — «Тимур и его команда»?

Он помнит, как нелегко было удержаться впервые от драки и, выйдя на призывный Федин свист, сигнал к очередному набегу на огород, сказать: «Я больше не пойду».

Так думал Женя, а мысли меж тем возвращались к пади Золотой.

«Вернуться домой? Не выполнить свое слово? Ведь так тяжело только один день — и сразу назад?»

Неожиданно заговорил Паша. Необычным для него неуверенным голосом, поминутно запинаясь, он сказал:

— Знаете, ребята, может... мы никогда Золотую падь не найдем? — И он растерянно посмотрел на ребят. — Может, надо отдать «Описание» взрослым? Я читал, что и настоящие путешественники не всегда с первого разу открытия делали. Домой, может, надо вернуться...

Паша осекся. Прямо перед ним стоял Женя и с тяжелым укором смотрел ему в глаза.

Тяжелое молчание длилось недолго. Паша опустил голову. Женя повернулся к ребятам. Одернул рубашку и поправил галстук. Потом он спокойно оглядел табор, выбрал место для постели и стал деловито ломать сухие ветки.

— Какой ты, Женя! — шепнула ему Наташа, радостно улыбаясь. — Я бы... Так мне домой захотелось!..

— Думаешь, Наташа, мне не захотелось? Но по-другому я не мог, никак не мог!

— Почему же ты сейчас такой скучный? — пытливо посмотрела на него девочка.

— Знаешь, Наташа, — Женя потупился, — только ребятам не говори. Я сам ничего: хоть голодом, хоть как. А вот ты... ребята...

— «Ты... ребята...»! — передразнила Наташа улыбаясь. — Какой ты, Женя! Правильно сделал, а так говоришь. Нельзя нам вернуться. Помнишь, с Володей прощались, он сказал: «Трудно вам будет. Но, думаю, что вы не отступите». И вдруг мы бы вернулись!.. Даже подумать страшно! — Наташа задумалась. — Знаешь, я не очень сержусь на Пашку — он сказал то, о чем мы все сегодня немножко думали.

Ребята меж тем оживленно и шумно занимались делами. Пашу будто подменили, будто смахнуло с него и усталость и растерянность. Он с усердием крутился около костра, подкладывал дрова.

Вдруг Наташа ойкнула:

— Смотри, смотри, Женя! Федька с Аликом говорит! Действительно, было чему удивляться.

Боря с Аликом нанизывали на вертелы большие куски мяса для копчения, а около стоял Федя, внимательно слушая Алика.

— Нам самое главное — достать соли, — говорил Алик, движением плеч отгоняя от лица

комаров — руки его были заняты. — Достанем соль — и на мясе долго проживем. А знаешь, где соль? На солонцах... Боря умеет из солонцов соль добывать. Надо набрать соленой земли да в воду. Соль в воде растворится. Потом, когда земля осядет, воду слить, кипятить ее долго и получится соль.

— Правда?.. — Федя чуть не добавил «Алик», но смутился и обернулся к Боре.

— Правда, — подтвердил тот. — Ты, Федя, постарайся... разведай солонцы.

— И получится соль? — все еще сомневался Федя.

— Хоть у Жени спроси, — поддержал поваров Паша. — Мы с ним опыт делали. Вода выкипит, а соль останется.

— Побегу на разведку! — Федя поглубже натянул картуз на уши и шею — комары больше всего шею кусают. — Дай мне, Борька, мешочек, я с солонцов земли принесу. Они тут должны быть. Ночью изюбр и козел проходили, оба в одну сторону — наверное, к солонцам... Женья, я пошел.

— Подожди, Федя, я с тобой. Больше принесем...

— Постойте минутку! — остановил ребят дедушка. Все это время он молча наблюдал за ними, усердно покуривая трубку.

— Подождите, герои! — повторил он. — На солонцы вместе пойдем, а сначала напишем приказ. Бери, Паша, свою тетрадь.

— Что писать? — упавшим голосом спросил Паша.

— Заметил дедушка, что мы домой хотели... — потупившись, шепнула Наташа Жене.

— Пиши, как полагается, номер, число и всё. А сейчас так... Как коммунист, как старый солдат и партизан... Так... За мужество и твердость...

— За мужество и твердость? — удивился Паша.

— Да, да. За мужество и твердость выношу коммунистическую, солдатскую, стариковскую благодарность юным пионерам, участникам похода в падь Золотую: Жене, Наташе, Боре, Феде, Паше, Алику. Так. Всё. Дай я подпишусь.

— Рано еще... — тихо сказал Женья. — Мы...

— Видел, Женья, всё видел, — перебил дедушка. — Думаете, у нас не опускались руки? Ох, было, герои!.. Большую силу надо иметь, чтобы, когда вот так опустились руки, взять да подняться. За эту силу и благодарю вас. Молодцы!

— Тогда я еще допишу! — радостно воскликнул Паша. — Это от нас: «Все равно вперед! В падь Золотую!»

— Дopiши... — Дедушка постоял, задумчиво наклонив голову, махнул рукой и, сгорбившись, своей походкой таежника пошел от табора.

Глава X ФЕДЯ НЕ ПОНИМАЕТ ДЕДУШКУ

Пошел четвертый день после охоты на секача.

Экспедиция по-прежнему продолжала путь на север. Как ни бодрились ребята, однако неуверенность начала овладевать всеми. Сколько же можно идти? Если бы встретить какой-нибудь знак, указывающий, что великие партизаны шли действительно этим путем. Но ничего не было. Горы, пади, распадки. И все лес и лес. Уже самые отстающие в следопытской науке Наташа и Павел научились узнавать следы изюбра, коз, волков, рысей, медведей и мелких зверьков. Только следа человека не попадалось.

Однажды Федя наткнулся в разведке на остатки старого костра.

— Их костер, партизанский! — закричал Паша. Однако Федя, внимательно осмотрев место, сказал, что костер этот разжигали около трех лет назад. Видимо, сюда заходил случайный охотник.

Все сильнее чувствовался недостаток продуктов. Небольшой запас соли теперь имелся. Но в распоряжении поваров, кроме мяса, ничего больше не было. Соль и мясо... Уже на второй день к жирному шашлыку едва притронулись. Свинина приелась.

Боря с Аликом приуныли. Повара — им помогали Женья с Наташей — отчаянно изобретали новые блюда из мяса. Они варили то жиденький, заправленный полевым луком,

суп, то такой густой, про который говорят: «В нем ложка стоит». Жарили мясо и на воде, и в собственном соку, тушили в золе, засушивали под горячими углями, даже попробовали подсунуть опять отвергнутый уже шашлык.

Но наступило время, когда на мясо уже никто не мог смотреть. Боря со все более мрачным видом убирал почти нетронутый обед. Что могли еще сделать повара?

Ничего так сильно не хотелось, как хлеба. Боря, чувствуя, поддержку Жени, был непреклонен и неприкосновенный запас берег пуще всего. Впрочем, ребята понимали и сами, что пяти сухарей на семь человек не хватит даже на один раз, и старались не замечать и не думать о них. А нелегко, очень нелегко было это делать!

Чем накормить?

Как ни был Паша поглощен разгадкой «Кислого», он не мог оставаться спокойным, видя тщетные усилия поваров. Он предложил Боре план, первый план после Озера Тысячи Ондатр. Боря, как водится, долго, недоверчиво думал, но потом ухватился за него, даже не посоветовался с Женей.

В самом деле, план казался чудесным. На первое надо было сварить совсем несоленый жиденький суп. А к нему вместо хлеба и вместо второго подать до невозможности пересоленное поджаренное мясо. Расчет был прост. Проглотив ложку несоленого супа, человек захочет закусить соленым. Хватив с жадностью кусок пересоленного мяса, человек с такой же жадностью набросится на несоленое. Затем опять к соленому, и так далее. И это будет продолжаться, пока человек не наестся. Только, поварам нужно быть начеку, чтобы кто-нибудь не обжелся.

Получилось немного не так, но, в общем, сошло не очень плохо. Первым приступил к обеду Федя. К несчастью, он действовал не по плану. Рассказывая о разведке, он откусил большой кусок мяса, вдруг поперхнулся и крепко зажмурился. Произнес что-то невнятно и вытаращил глаза. Через мгновение злосчастный кусок и нетронутый суп полетели в поваров, которые приготовились было подкладывать добавку. Зато дедушка съел целый кусок и полтарелки супа. Только потом на него вдруг напал кашель. В перерывах кашля он молча шевелил усами и поглядывал на Пашу, но Боря заметил, что он не рассердился. Женя с Наташей, попробовав и узнав, в чем дело, залились таким веселым смехом, что даже рассерженный Федя развеселился. Все, смеясь, то и дело пробовали обед, да так больше половины и съели! А Боре только этого и надо было...

Возле небольшого ключика Федя разведал моховку. Моховка, или, как ее назвал дедушка, забайкальский виноград, — самая вкусная ягода в Забайкалье. Спелая моховка вкусом и ароматом действительно напоминает нежный виноград. Растет она на низеньких кустиках, только в сырых местах, во мху, около ключей.

Кисти моховки похожи на виноградные грозди. В некоторых ребята насчитали по двадцать пять ягод. От тяжести кистей тоненькие веточки моховника согнулись, и ягода лежала прямо на мху. Хотя она была еще зеленой, ребята набрали полное ведро. По совету дедушки, повара прокипятчили ягоду в воде и затем отцедили. Получился ароматный чай и кисловатый, но очень приятный джем. Поужинали очень хорошо. После моховочного джема даже свинина показалась ребятам не такой противной.

Нет, все-таки очень интересно в тайге!

К исходу дня экспедиция проходила мимо больших озер. Их облюбовали крупные птицы, турпаны (их еще называют красными утками) и лебеди. Белоснежные красавцы парочками и по одному, не пугаясь людей, грациозно и медленно, как бы приглашая любоваться собой, скользили по зеркальной воде. Турпаны, наоборот, встревожились. Еще далеко от озера встретили они экспедицию гортанными, жалобными и беспокойными криками. Летая широкими кругами, долго сопровождали они ребят, не приближаясь, однако, на выстрел. Дедушка подтвердил догадку ребят, что турпан — одна из самых осторожных птиц.

Почва около озер была солончаковая, мягкая. Трава почти не росла.

Федя, заранее разведав дорогу и указав курс на приметную гору, отстал, чтобы заняться любимым делом — чтением следов. Он подождал, когда ребята отошли подальше, и только тогда занялся следами. Так интереснее. Ребят не видишь, а знаешь, что они делали.

Сейчас разведчику многое рассказывали однообразные на первый взгляд отпечатки ног на

земле. Вот шли рядом Женя с Пашей. Тут Наташа, здесь дедушка, там Боря и Алик. По следам Федя определил, что начала прихрамывать Наташа, но почему-то не останавливается переобуться. Должно быть, не хотела отставать. Федя недовольно тряхнул картузом. «Неправильно поступает. Натрет ногу, что потом делать?» Ага, Женя заметил, подошел к ней. Вот тут Наташа сидела, переобувалась. Женя стоял около. Встала и пошла быстрее догонять остальных. А здесь Паша нагнулся и взял кусочек солончаковой земли, конечно для того, чтобы попробовать: не кислая ли.

— Не верит! — проворчал Федя. — Говорил ведь, что здесь я уже всё разведал.

Дальше следы показывали уже то, что Федя видел и вчера вечером, и сегодня утром. Ребята беспокоятся: оглядываются, чего-то ищут. Один дедушка идет совершенно спокойно, как человек, совершающий хотя и нелегкую, но привычную прогулку: размеренно, неторопливо, не оглядываясь, ровными шагами.

Федя читал следы так долго, что экспедиция успела скрыться из глаз. Одинокий турпан, тревожно крича, все еще летал вокруг него. Разведчик поспешил вперед, не упуская следов из виду.

Какая-то перемена в них заставила Федю остановиться. Не зная еще точно, он почувствовал, что впереди что-то случилось. Федя занялся следами. С ребятами — ничего, все идут по-прежнему. С дедушкой?.. Да, с ним. Федя ясно увидел, что дедушка стал волноваться. Вот здесь он далеко опередил всех и нетерпеливо, переминаясь с ноги на ногу, поджидал ребят. Опять пошел быстро и с еще большим нетерпением дожидался подхода ребят. Сломал прут и подгонял медлительного Савраску.

Куда он вдруг стал торопиться? Что увидел впереди? Какая причина нарушила его обычное спокойствие, то спокойствие, которому разведчик так завидовал?

Не понимая ничего, волнуемый всевозможными догадками, Федя прошел около двух километров. Ничего не менялось. Вот здесь экспедиция хотела остановиться на ночлег. Ребята деловито приступили к работе. Алик с Борей начали разжигать костер. Женя с Пашей стали ломать для постели ерник. А волнение дедушки достигло, казалось, предела. Не расседлав даже Савраску, он чуть не бегом направился к кустам, где, по всем признакам, должен был протекать ключ. Но остановился. Вот и Женя с Пашей присоединились к нему. Позвал он их, что ли? У ключа дедушка точно чего-то испугался — он отпрянул назад. Это было невероятно, но следы говорили, что это так. Федя не обнаружил ничего, что могло напугать дедушку. Да и что его вообще могло напугать? Что с ним творится?

В необычном волнении — это показывали следы — дедушка что-то искал. Он прошел по руслу ключа вверх (сам ключ, видимо, пересох), затем вниз, потом опять вверх. В четырех местах он принимался копать ножиком, раскинув предварительно красные от ржавчины камни, устилавшие ложе высохшего ключа. Зачем дедушка копал? Искал воду? Но у самого табора было сколько угодно холодной чистой воды... Почему решили переменить место для табора — снялись и пошли в сторону?

Федя так устал читать следы, как не уставал во время самого трудного перехода. Он еще не научился читать их легко, без всякого напряжения, то и дело сбивался и начинал сначала.

Так ничего и не поняв, Федя припелся на табор, когда уже стемнело. Дедушка, разутый, закрыв глаза, лежал у костра, но Феде показалось, что он не спит. Боря предложил ужин, но Федя сердито отказался. Женя, приподнявшись с постели, удивленно посмотрел на него.

— Женя, ты ничего не заметил? Что с дедушкой? — шепотом спросил Федя.

— Ничего... Правда, он какой-то расстроенный и все по высохшему ключу ходил, будто искал чего-то.

— А ничего тебе не говорил? О чем-нибудь таком... особенном?

— Не говорил. А что такое?

Федя хотел рассказать Жене обо всем, но передумал.

— Так... Показалось мне, — ответил Федя.

Ночью Федя проснулся. Дедушки на его обычном месте у костра не было.

Стараясь не потревожить ребят, Федя встал. Бледный лунный свет заливал тихую тайгу голубоватым сиянием. Далекие, туманно очерченные, чернели горы. Влажно зеленели ближние кусты и деревья. На покрытой росой будто припудренной траве уходила от костра темная

узенькая лента: здесь проходил дедушка.

Федя натянул на босые ноги бродни, взял ружье и остановился в нерешительности. Следить за дедушкой? Нехорошо.

«Кислый... Кислый...» — пробормотал во сне Паша. Беспокойно заворочался Женя. Федя решительно нахлобучил картуз и пошел.

След вел по тому же руслу высохшего ключа. Почему все-таки дедушка так им заинтересовался? Почему скрывает это ото всех, даже от Жени?

Табор остался далеко позади. Неожиданно из-за дерева выплыла широкая темная фигура. Дедушка! Федя отпрыгнул в сторону и притаился.

Дедушка своим следом возвращался обратно. Федю поразил его расстроенный и усталый вид. Луна освещала изборожденное глубокими морщинами лицо старика, седые подстриженные усы, его тяжело опущенные плечи.

Федя с замиранием сердца следил, как дедушка приближается к его следу. Конечно, сейчас увидит. Нечего было даже прятаться. Чтобы дедушка да след не заметил! Но тот расслабленной, вялой походкой прошел мимо. Разведчика обдало запахом табачного дыма. Тогда Федя, придерживая картуз и стараясь не произвести шума, со всех ног бросился сначала в сторону, затем повернул к табору и, прибежав, поспешно разделся и лег.

Вскоре послышались шаги. Посасывая трубку, дедушка остановился около ребят. Он осторожно поправил одеяло, погладил по голове Пашу, Женю, Наташу... Федя почувствовал на себе ласковое прикосновение его огрубелых, шершавых рук.

— Эх, ребятки!.. — вдруг едва слышно прошептал дедушка. — Думал вас сегодня порадовать. Потерпите еще немного. Не мог ошибиться... Суровая школа, а пригодится вам в жизни, ребятки, пригодится...

Он еще долго стоял над детьми, старый, поникший. Феде так стало жаль дедушку, что он чуть не вскочил, чтобы обнять его. Он не понимал, о чем горюет дедушка, о какой ошибке говорит.

А на второй день случилось такое событие, что Федя забыл обо всем случившемся сегодня.

Глава XI НА ВЕРНОМ ПУТИ

Местность заметно изменилась. Горы стали ниже, скаты их положе, пади болотистее. Даже на горах почва была влажная, несмотря на то что с самого начала похода не перепало ни одного сильного дождя. Жаркое солнце светило, не скрываясь за тучи, с утра до вечера.

Изменился и лес. Сосен не стало. Росли только лиственница и береза, а из кустарников — ерник и голубица.

Голубица ребятам была знакома. За этой ягодой, названной так за свой голубой, как небо, цвет, ребята частенько ходили еще дома. Но никогда они не предполагали, что ее может быть так много. Казалось, что экспедиция шла по голубичному морю. Ягода росла в лесу, в ерниках и даже на лугах. Куда ни ступишь, всюду была голубица. К сожалению, повара не могли ею воспользоваться. Поспевает она только в конце июля, а зеленая, в отличие от моховки, в пищу не годится. Зато птицам здесь, на сплошном ягоднике, было раздолье. То и дело ребята вспугивали глухарей, тетеревов, рябчиков.

На обеденный привал остановились рано. Только припекло солнце, как, сменив комаров, поднялись пауты. Этих противных насекомых становилось все больше. Укусы комаров терпеть еще можно, но пауты жалят, как осы. Особенно доставалось от них Савраске. Его искусывали до крови. Единственное спасение — дымокур и тень. Жалея бедную лошадь, экспедиция пережидала жар, укрывшись в холодок.

За лесом виднелся широкий просвет — видимо, там была какая-то падь.

Неожиданно оттуда донеслось частое трехкратное кукование. Давно уже Федя не подавал этого сигнала тревоги. Наверное, случилось действительно что-то серьезное. Все всполошились и, оставив на таборе Наташу с Аликом, побежали на помощь. Кукование раздавалось все ближе. Женя опередил всех и мчался уже обратно, крича и размахивая руками:

— Жердь... Дедушка, жердь надо! В болоте Федька увяз!

Из черной и рыхлой, как губка, земли торчала одна Федина голова. Руками он крепко вцепился в корень, высунувшийся из травы. Под ногами беспомощно топчущихся Паши и Бори хлюпала вода и прогибалась почва.

— Чего руками размахались? — сердито зашевелилась Федина голова. — Веревку бросайте!

— Не взяли мы веревку. Сейчас дедушка с Женей жердь принесут. Держись!

— «Держись»! Стоит на берегу, руки в карманах, да еще и «держись»!

— А ты за корень подтягивайся да вылезай потихоньку.

— Тебя ждал, когда научишь! Пробовал уже. Трещит корень, сломаться может... Да близко не подходите, тоже нырнете!

Дедушки с Женей еще не было видно. Вдалеке стучал топор: жерди близко не оказалось.

— Стойте, ребята! — сказал Паша.

Несчастье с товарищем вернуло ему былую изобретательность.

— Сейчас мы тебя спасем. Борька, тащи эти деревяшки. — Около трясины лежало несколько обгоревших бревнышек.

— Зачем? — спросил Боря.

— План. Хороший план...

— План? — подозрительно уставился Боря на Пашу.

— Ага. Давно я о водяных лыжах думал. Чтобы такие сделать, на которых по воде, как по земле, ходить! А недавно прочитал — есть уже водяные лыжи, успели изобрести. Сейчас мы грязевые сделаем. До таких лыж еще никто не додумался. Нужны две деревяшки, два ремешка! — возбужденно говорил Паша, приспособливая к бревнышкам веревочки. — Вот сюда ставить ноги и шагать, как на простых лыжах. Подойти к Федьке. Вытащить его, вернуться обратно — и все... Ого! Не тонут лыжи, двоих удержат!

— Кто план выполнять будет? — уныло спросил Боря.

— Можешь, Борька, даже не говорить! — отрезал Паша. — Все знаю, что скажешь. Самый сильный, а боишься! Не хочешь первые в мире грязевые лыжи испытать, спасти товарища не хочешь?..

Боря посмотрел на Федю, который, не решаясь освободить руки, ожесточенно крутил головой, сгоня паута. Потом вздохнул, махнул безнадежно рукой и, отстранив Пашу, ступил на бревнышко.

Вначале все шло хорошо. От легких движений ног «лыжи» медленно скользили по грязи. Грязь сзади пенилась, а впереди пенилась. Боря приближался к Феде.

— Что, — крикнул Паша, — здорово?

— Хорошо... — едва удерживая равновесие, ответил Боря.

Вдруг одно бревнышко подвернулось, и — хлоп! — Боря взмахнул руками, неуклюже плюхнулся в черную и жидкую, как деготь, массу и погрузился в нее с головой. Через мгновение вынырнув, уцепился за ближайшую «лыжину», отплюнулся, помотал головой, сгоня сползающую липкую грязь, и открыл глаза. Белки ярко блеснули, отчего лицо Бори, обычно такое добродушное, показалось прямо свирепым. Паша беспокойно облизнул губы. Боря тяжело вздохнул, посмотрел зачем-то на солнце и опять вздохнул. Беспокойство Паши сразу улетучилось.

— Понятно, — сказал он. — Надо будет в другой раз на каждую ногу по два бревнышка, тогда они не закрутятся. Немного, Борька, просчитались! Ничего, что искупались, зато научились. Держись... Попробуй грязь, а? Не кислая?

— Я уже попробовал. Когда нырнул, нахлебался, — откликнулся Федя. — Вонючая... Не пробуй, Борька.

— Не пробуй!.. — пробурчал, отплевываясь, Боря. — В нос и то попала...

Торопливо подошли дедушка и Женя с жердями.

— Очень хорошо... — Дедушка с неудовольствием посмотрел на ребят. — Ты-то, Боря, зачем полез? — сердито спросил он, подавая жердь.

— По плану...

— По какому еще плану?

— По Пашкиному. Не хотел вот, да опять поверил.

— Все-таки тебя этот постреленок подкараулил... Хватайся за конец!

Разведчик и главный повар до самой макушки были в грязи, только белели зубы и глаза.

— Так... — проговорил дедушка. — Ты, Боря, можешь мыться. Тыловой человек, и спрос с тебя невелик. А ты, Федор... С тобой особый разговор будет. Хорошо, нечего сказать... Это что? — Сердито топорща усы, дедушка показал на трясину.

Бревнышко подвернулось, и Боря, взмахнув руками, плюхнулся в болото.

— Трясина, — сбитый с толку тоном дедушки, неуверенно ответил Федя.

— А что это? — Дедушка ткнул пальцем разведчику в голову.

— Г... голова... — совсем растерялся Федя.

— Голова! Вижу, что голова. А чья голова? Разведчика, вот чья! Полагается разведчику в грязь нырять? Представь-ка этой самой головой, что ты далеко на разведку ушел, сигналов не слышать. Товарищи ждут тебя со срочным донесением, а ты, на-ко тебе, в трясине сидишь! Двойка тебе сегодня по разведке! Пошли на табор, говорить будем. Допутешествовались... Дьявол бы побрал эту фантастику!

На таборе не раздавалось ни смеха, ни разговоров. Дедушка вместо обещанного разговора, насупившись, сидел у дымокура.

Сжав голову руками, Паша шептал:

— «Кислый»... «Кислый»...

— Куда, Пашка, дальше идти? — заговорил Федя.

— Что ты пристаешь? Сидишь себе и сиди. Видишь — думаю.

— Не ссорьтесь, ребята, — сказал Женя.

— А что он пристаёт: куда, куда!

— Не пристаю я. Только шли мы всё на север, а сейчас на север идти нельзя... — как бы в раздумье произнес Федя.

— Почему?

— Болото. Прямо через падь не пройти. Куда ни сунешься, везде трясина. Обходить надо.

— Как — обходить?

— Не знаю ещё. Разведывал я, да везде болото. Потому и спрашиваю. На запад, наверное... Там вершина пади.

— Вот тебе на!

— На запад?.. — поднял голову Паша. — Ты сказал, что на север не пройти, на запад сворачивать надо?

— Попробуй, сунься на север!

— Ребята! — Паша вскочил и обвел всех блестящими глазами. — Ребята, понял!

— Давай, Паша, давай! — С лица дедушки исчезла вдруг хмурость, оно сияло почти как у Паши. — Разгадал ты, кажется, загадку! Разгадал!

— Разгадал, дедушка!.. Женя, всё понял!

— Что ты понял? — спросил Женя, не понимая, чему они радуются.

— Мы правильно идем! Правильно!

— Я же тебе сказал, что грязь не кислая, а вонючая. Вон и Борька скажет, — проговорил Федя.

— Не кислая, — подтвердил Боря.

— Не надо «Кислого»! Прошли мы его. Не надо! Все хорошо! Тра-та-та! Тра-та-та!.. — Паша пустился в бешеный пляс.

— Дедушка, что он? Я не понимаю... — растерялся Женя.

— Пусть попляшет. Пусть душеньку отведет. Кажется мне, Женя, что он «Описание» разгадал. Ух, ты, в пору и мне плясать!

— Тра-та-та... Тра-та-та!.. — выписывал Паша замысловатые коленца.

— Павлик!.. — тронула его Наташа.

Паша, часто дыша, остановился, а остроносенькое загорелое лицо его сияло счастьем.

— Сейчас расскажу, Женя. В «Описании» что написано? «Север... Кислый... Север». И потом сразу: «Запад... север... восток...» Поняли? «Запад, север, восток»?

— Нет... Повернуть на запад надо, а где повернуть?

— Здесь, у болота, и надо повернуть. Здесь, Женя! Смотри... — Паша торопливо рисовал на бумаге.

Действительно, на бумажке получилось интересно: путь шел все время вверх, прямо на север, потом делал полукруг налево, будто огибая что-то, затем снова продолжался в прежнем направлении.

— Видите, что получается? Зачем партизаны такой крюк указали?

— Что-то обходить надо...

— Понял, Паша, понял! — воскликнул Женя. — Болото обходить!

— Ну конечно, болото! Зачем зря такой круг делать? Поэтому дальше написано, — вдохновение распырало Пашу, — дальше написано: «Обх....далеко м.....прямо». Это значит — «обходить далеко можно прямо». Так, дедушка?

— Так, так. Всё так! — радуясь не меньше ребят, ответил дедушка.

— Значит, мы идем правильно!

— Ура-а! Ура-а!.. — прокричали ребята.

— Не всё! Не всё! — кричал Паша. — Падь Золотая близко! Ничего непонятного больше нет. На севере встретим белую гору, и сразу за нею Золотая падь. Скоро придем!

— Ура-а! Качать Пашу! Качать!

— Хорошо, Паша, хорошо! — нагнувшись к мальчику и щекоча его усами, сказал дедушка. — Прямо сказать, ты из героев герой. Поставим ему пять с плюсом по штурманскому делу, а? И приказ все сообщая про него напишем.

— А что его писать... — вскочил Паша. — Лучше давай-ка мне, Борька, мяса, да

побольше. Сейчас я полсекача съем. Эх! Вот это план придумал, без подвоха, Борька!

Все весело рассмеялись. Боря подозрительно взглянул на штурмана.

Глава XII ЧЕРЕЗ БОЛОТО

Ребята весело пошли к болоту. Таких широких падей еще не встречалось. Шириной она была не менее десяти километров.

Падь имела необычный вид. На закрайках ее стояли сухие, с уродливо торчащими, безжизненными сучьями лиственницы, почти наполовину засосанные трясинной. Все деревья, росшие вблизи, были уродливы: малорослы, кривы, однобоки. Когда-то рос в этой пади лес, но трясина поглотила его целиком. Только кое-где над травой торчали одинокие сухие вершинки. До леса, чернеющего на противоположной стороне пади, глазу не на чем было остановиться. Всюду — светло-зеленая трава, особенно яркая, какая бывает только на болоте, без единого цветочка и пятнышка. Тяжелый, неподвижный воздух был пропитан затхлыми, гнилостными испарениями.

— Что, герои, за совещание? — спросил дедушка, подходя к оживленно разговаривающим ребятам.

— Мы, дедушка, советуемся, — ответил Женя. — Обходить далеко, а если прямо через болото — будет километров десять. В «Описании» ведь написано: «можно прямо». Давайте пойдем прямо?

— Гм... Напрямки, значит? А что разведчик думает? Ты, Федя, говорил, что прямо не пройти.

— Я говорил, а сейчас рассудил и передумал. Где трава растет, там вода и трясина, но неглубоко, всего до колен. Где травы нет и земля черная, там глубоко. Но такие ямы обойти можно.

Дедушка задумался.

— Ну что ж! — Он довольно пожевал губами. — Тяжелая дорога чаще самой верной и бывает. Но, не подумав, бросаться тоже нельзя. Все ли ты, Женя, как начальник экспедиции предусмотрел? Данные разведки учел?

— Всё, дедушка, учли.

— А ну давай, товарищ разведчик, выкладывай!

— Я еще вот что думаю, — сказал Федя: — на середине болота, наверное, воды больше, но тоже только чуть выше колен. Я потому так думаю, что лето только началось и болото еще растаять не успело. А партизаны болото обходили, потому что шли осенью. Осенью и к Коноваловскому озеру близко не подойти — трясина. Зато весной, когда карасей ловим, то на берегу стоим, и ничего. Весной лед под трясинной еще не растаял. Пройдем! Вот если бы мы осенью шли, как партизаны, я бы не посоветовал прямо, обязательно в обход.

— Очень хорошо! Лучше бы и я, будь разведчиком, не мог сказать, — похвалил дедушка. — А как повара? Чем кормить будете? Дров-то в болоте нет.

— Придумали... Покормим, — сказал Боря. — Алик, расскажи ты.

— Всё, дедушка, обсудили, — выступил Алик. — Горячая пища будет. Надо каждому взять по две палки. С ними по болоту легче идти — упираться, а на привале из них дров нарубим. Палки лучше лиственничные: в них жару больше.

— Молодцы! Еще один вопрос. Положено нам через час отдыхать. А сесть-то в болоте не на что. Как будем делать?

— И об этом говорили, — сказал Женя, — Часто можно и не отдыхать, а кто сильнее устанет, помогать будем. Если уж очень устанем, сделаем так: широкую плашку надо взять и две палки с сучками. Плашки положить на трясину, на нее сучки поставить, а между сучками — третью палку. И получится скамейка. Как таганок...

— Раз великие партизаны дядя Сережа и дядя Вася написали, что «можно прямо», значит, можно! — вмешался Паша. — Они зря не напишут, это такие люди...

— «Великие...» — поморщился дедушка. — Сказать тебе правду, ты мне сегодня уже четыре раза настроение испортил. Тарахтишь и тарахтишь!.. Давай, брат, учись говорить

просто.

Дедушка, должно быть, много глотнул из трубки дыму и сплюнул.

— Гм... Что же делать? Все до одного решили идти прямо? — спросил он.

— Все! Быстрее до Золотой дойдем.

— Добре, — согласился дедушка. — Прямо, так прямо! Трудно будет, а плохо не будет...

Ребята вырубали палки. Густо смазали салом вепря бродни, чтобы не промокали. Пришлось облегчить Савраску и каждому положить в рюкзак дополнительный груз. Наташа долго колебалась, что делать с пустой клеткой. Потом спрятала под приметный кустик. Пойдут обратно и возьмут.

Бодрые, веселые оттого, что они на верном пути, ребята зашагали по болоту. Трудности начались сразу. Ноги погружались в мягкую, зыбкую почву почти до колен. Ржавая вода, пузырьясь и булькая, выступала после каждого шага.

— Здесь-то не ступала нога человека! — радовался Паша. — Даже дядя Сережа и дядя Вася не проходили. Тут, Женя, смотреть надо: может, где-нибудь мамонт увяз. Вот бы скелет найти!

Скелет мамонта не обнаруживался. Зато оказалось много утиных гнезд. Кряковые утки вылетали из-под ног и, притворяясь ранеными, сразу падали в траву, отчаянно крякая и как бы бессильно хлопая крыльями. В травяных гнездах, сделанных на едва заметных возвышениях, ребята находили от восьми до двенадцати зеленоватых, крупнее куриных, яиц.

Боря перешептывался с Аликом, и оба смотрели на яйца, как лиса на сыр. Яичница на свином сале! Какое другое блюдо могло сравниться с ней, особенно сейчас, когда, кроме мяса, давно ничего не ели! Должно быть, чувствуя настроение поваров, дедушка завел разговор о вреде разорения птичьих гнезд. Конечно, ребята соглашались с ним. Ведь одним яичком даже не наешься, а от этого одной кряковой уткой будет меньше. И все-таки Боря не мог равнодушно смотреть на гнезда. Он отворачивался и тяжело вздыхал. Каждое гнездо — это хорошая яичница!

— Да они к тому же засижены, — посмотрев на поваров, сказал дедушка,

Он тут же взял яйцо и опустил в воду. С минуту яйцо оставалось неподвижным и вдруг задержалось, закрутилось. Ребята весело рассмеялись: было похоже, что яйцо сердится. Дедушка подтвердил, что это действительно так. Только сердится не яйцо, а утенок внутри него, почувствовавший вместо привычного тепла — холод. Боря с Аликом разочарованно переглянулись. Ни яйцо, ни птица никуда не годятся.

И все же неожиданная удача пришла к поварам.

Ребята уже давно заметили, что вокруг них вьется сокол-сапсан, очень вредная птица. «Разбойник, воздушный волк» — так назвал его дедушка. Он не щадит ни одной птицы и обладает такой силой, что ударом груди убивает даже гуся и лебедя.

Пришла Федина очередь стрелять по живой цели. И он, получив патрон, зорко следил за

хищником. Наверное, сокола привлекли спугиваемые экспедицией утки. Осторожность боролась с кровожадностью. Уже несколько раз сокол, завидев утку, резко снижался, но тут же взмывал вверх. Федя с досадой опускал ружье. Наконец сокол, сложив крылья, со стометровой высоты камнем полетел вниз. Он летел так быстро, что Федя не успел прицелиться. Со страшной силой сокол ударил грудью взлетевшую утку. Отчаянное криканье точно захлебнулось, в воздухе закружились перья. Федя выстрелил. Обе птицы упали.

Пока ребята и дедушка рассматривали сраженного хищника и оценивали меткий выстрел разведчика, Наташа, склонившись, стояла около осиротевшего гнезда. Восемь яичек... Бедные утята! Без матери не выклюнутся, задохнутся в скорлупе. С жалостью Наташа смотрела, как Боря спокойно положил яйцо в воду. Сейчас утеночек почувствует холод, зашевелится.

— Яичница! — громоподобным голосом закричал вдруг Боря. — Женя, яичница! Алик, сюда! Не шевелятся яйца!

В самом деле, яйца оказались совсем свежими. Видимо, утка почему-то поздно свила гнездо.

Но скоро ребята перестали интересоваться утками и гнездами. Каждый следующий шаг давался все труднее. Болото точно не хотело пускать людей: прогибалось под ногой, засасывало ее и не отпускало обратно. Не пройдя и километра, ребята уже чувствовали, какой тяжелый они избрали путь. Посоветовавшись с дедушкой, Женя приказал идти молча, не говорить. Все уже знали, что это значило. Надо беречь силы, не тратить их даже на разговоры.

Дедушка с Федей шли впереди, выбирая дорогу, Федя оказался прав. Там, где была трава, болото оттаяло неглубоко: погрузившись до колен в податливую, всасывающую зыбь, ребята ощущали под ногами твердое дно. Казавшаяся надежной черная предательская земля попадалась часто. В нее палка погружалась легко, как в воду, до конца. Такие места осторожно обходили.

Умный Савраска шел позади, ни разу не отступив с проложенной людьми тропы.

Ребятам казалось, что прошло много часов утомительного пути, но лес впереди почти не приблизился. Присесть оказалось в самом деле негде — ни кочки, ни коряжины. Приходилось на каждом привале устраивать «скамейку», предложенную Женей.

Сидели, отдыхая по двое, молча. Молча поднимались и шли дальше. Слышалось только тяжелое, учащенное дыхание да бульканье воды.

Первым сдал Алик. Не прошло и получаса после очередного привала, как он остановился, пошатываясь, растерянно озираясь.

— Давай, Алик, ружье, — сказал Женя. Он шел позади него.

— Я сам... сам... — ответил Алик. — Не говори ребятам. Наташа и то не устала.

— Ты не заболел? — Женя внимательно посмотрел на побледневшее лицо Алика.

— Нет, что ты! Пошли...

Алик двинулся дальше.

— Привал! — крикнул через минуту Женя. — Устал я, дедушка, — пояснил он.

Заметив, что Савраска идет сравнительно легко, дедушка приказал ребятам по очереди садиться на него верхом. Пока Алик, закрыв глаза, покачивался на лошади, Женя тихо переговорил с ребятами.

Алик ехал с полчаса. Остальные проехали минут по пяти, потом снова сел Алик.

Даже по солнцу было видно, что идут они долго. Над болотом поднялись комары. Они выматывали у людей последние силы. Прошли едва четвертую часть пути. Невдалеке над травой что-то чернело. Дедушка с Федей повернули туда. Это были засохшие кустики карликовой березы. К счастью, под ними оказалась небольшая твердая, сухая площадка. Метрах в ста виднелось длинное извилистое озеро.

Экспедиция решила остановиться здесь на ночлег.

Ребята кое-как навалили травы, сняли мокрую одежду и повалились на постель.

«Поджарить яичницу надо. Поедят — лучше будет», — подумал Боря. Но глаза сами собой слипались — он мигом погрузился в сон. «На разведку к озеру сходить. Может, рыба есть», — подумал Федя и тоже уснул. Задремал и дедушка. Запах дыма и потрескивание сала на сковородке разбудили его. Солнце еще стояло высоко. На крошечном огоньке кипел чайник и жарилась яичница. Около костра сидел один Женя.

— Дедушка, — зашептал он, заметив, что тот смотрит на него, — Федя сегодня устал, я на разведку к озеру ходил. Хаток ондатр много, а рыбы нет. И еще какие-то звери ходили. Все кругом истоптано. Следы, как у коров, только очень большие. Куда больше, чем у изюбра. И, видать, они в озеро заходили. Везде на берегу тина валяется. Федя бы точно определил, какие звери, а я не мог.

— О-о! — Дедушка приподнялся, смущенно посматривая на готовый ужин. — Чудеснейших зверей ты, Женья, разведал. Сохатые, значит, это озерко облюбовали... А ты уже успел ужин приготовить?..

— Сохатые? Лоси? Мы не увидим их?

— Должны бы увидеть. День сегодня жаркий был — придут. Буди-ка ребят, только потише, звук на болоте далеко слышать. Подкрепимся да ждать будем.

— Дедушка, разбудите вы, — попросил Женья потупившись. — Будто вы ужин приготовили. И Феде не говорите про разведку.

— Что ж ты, Женья, так? Товарищей заменил да вроде стесняешься.

— Не стесняюсь я... — Женья смущенно поерошил рыжеватые волосы. — Да ребята могут застесняться.

А они сегодня очень устали. Я, дедушка, меньше устал.

— Меньше?... — Дедушка неловко погладил его по голове.

Ребята, узнав, что к озеру придут звери, торопливо поужинали. Освеженные сном и вкусной яичницей, они почувствовали себя намного бодрее. Но дедушка велел спать. Может, зверь придет еще не скоро.

Савраска, взойдя на сухое место, тоже лег, уткнувшись мордой в землю.

Ребята проспали, пожалуй, около часа, когда дедушка осторожно разбудил их. Солнце вот-вот готовилось закатиться. С пурпурового неба лился мягкий красноватый свет. Как будто невидимая рука опустила прозрачный розовый полог, и сквозь него выступили в несвойственной им окраске далекие горы, широко раскинувшееся болото и виднеющийся за ним лес.

— Тише, герои, тише... — шепотом повторял дедушка. — Идет сохатый. Только тише...

Ребята услышали хлюпанье. Они привстали и увидели странное животное. Величиной оно было с большого быка. На голове широкие, лопатообразные рога с большим числом отростков. Морда вытянута, верхняя губа далеко выступает вперед. Под мордой — борода, на загривке — несуразный горб. Туловище зверя в сравнении с длинной массивной головой казалось коротким. Ноги для такого большого животного — несоразмерно тонкие, похожие на ходули. В отличие от изюбра — стройного и легкого, — сохатый поражал своим грубым, топорным видом.

— Ну и страшило!..

— Постой, постой, что ты болтаешь, Паша? Ишь ты, «страшило»! — зашептал дедушка. — Посмотри, вышагивает-то как. Будто лебедь. А грудь, а рога! Красавец что надо, а ты такое сморозил... Это самец. Самки, они меньше и без рогов.

— У него, дедушка, рога — тоже панты?

— Ну, панты! Чего захотел, чтобы у каждого панты... Рога у сохатого ничего не стоят: кость и кость. Каждому зверю дано свое: пантов у сохатого нет, зато мяса — гора. По тридцать пудов самцы бывают. Целому полку на обед!

— По тридцать пудов? Полтонны!.. А в этом, дедушка, сколько?

— Да, пожалуй, около того.

— А как по болоту легко идет, легче Савраски.

— У него ноги такие. Копыта раздвоенные, широкие, между ними перепонки, как у утки. Вот болото его и держит, словно он на лыжах.

Сохатый остановился на берегу озера и, вытянув длинную морду, замер. Ребята залюбовались его могучим видом. Какая-то своеобразная красота исходила от этого таежного великана. Он был похож на грубое каменное изваяние, поражающее своей массивностью и мощью.

Сохатый постоял, прислушиваясь, прядая ушами. Не услышав ничего подозрительного, вошел в озеро. Сначала он вел себя осторожно: срывал водоросли, растущие у поверхности

воды, и, поедая их, оглядывался и водил ухом. Потом, войдя во вкус, начал погружать свою морду глубоко в воду и, вытаскивая водоросли, так фыркал и хлопал ушами, такой поднял шум и плеск, точно купались сразу все монгонские ребяташки.

Зверь находился в озере долго. Ребята забыли усталость и жадно смотрели. Наконец сохатый вышел на берег, отряхнулся, сбросив с себя тину, и неторопливо направился к лесу.

Ночью, сквозь сон, ребята слышали такой же шум: к озеру еще приходили сохатые.

Алик тихо стонал и бредил. Женя, пересиливая сон, заботливо накрывал его одеялом.

Под утро Женя от холода проснулся. Было почти светло. Заря разлилась по всему небу. Над болотом стлался редкий туман. Птичий гомон стоял в воздухе. Крякали крякуши, попискивали и посвистывали чирушки, где-то мирно гоготали гуси. Перекрывая все голоса, протрубили журавли.

Не замечая проснувшегося Жени и поеживаясь от холода, вылез из-под одеяла Федя. Он снял тужурку и набросил ее Алику на ноги, но, увидев Женю, смутился, что-то сердито буркнул, нахлобучил на глаза картуз и залез обратно в постель.

— Женя, это ты? — не поднимая головы, спросил он через минуту.

— Я...

— А мне показалось, что Пашка... Женя, заболел, наверное, Алик, стонет все время.

— Заболел... Может, ничего, Федя, поправится быстро.

Помолчали.

— Женя... — зашептал опять Федя. — Алик совсем хороший стал. А вот не могу с ним говорить. Хочу, а не могу. Почему так?

— Не знаю. Пройдет это. У меня тоже так было. Я одно, Федя, не понимаю. Чего мы с ним ссорились? Как начали, так остановиться не могли — ни мы, ни он... И всё больше...

— Мать у него чудная. А он парень ничего, хороший мальчишка будет!.. Знаешь, он все злее и злее становился, потому что один. Все в одиночку... Здесь он совсем другой.

— И я так же думаю...

Глава XIII ЗЕМЛЯ

Позавтракав, ребята опять двинулись вперед. Боря хотел было из оставшихся трех яиц приготовить яичницу, но, вздохнув, отложил их в неприкосновенный запас. На Савраску посадили Алика. Он силился бодриться, но за ночь заметно осунулся.

Идти было тяжелее, чем вчера. Здесь болото растаяло глубже. Ноги погружались в зыбун выше колен. Савраска продвигался тоже с трудом и вязнул местами до живота. Алик слез с лошади и, понурившись, шел позади.

Ребята остановились и подождали его.

— Дай мне, Алик, ружье! — сказал Женя.

— Рюкзак снимай! — приказал Боря.

— Мне сумку! — потребовал Паша.

— Женя, пусть он мне тужурку отдаст! — буркнул Федя. — Я что-то замерз.

— Мне, Алик, патронташ, — попросила и Наташа. Алик молча смотрел на ребят.

— Давай, давай! — строго повторил Женя. — Отдохнешь немного и обратно возьмешь.

Дневной жар усиливался. Экспедиция медленно, но упрямо продвигалась к цели: шаг вперед, упор палками, чтобы легче выдернуть увязшую ногу. Тина и густая трава цепляются, не дают передвинуть ногу. Наконец сделан новый шаг, опять упор палками — и так метр за метром.

— Ребята, — заговорил Женя, — самое тяжелое, когда делаешь и не знаешь зачем. А мы знаем, что не просто идем, а падь Золотую ищем...

— Правильно! — с трудом переводя дух, поддержал Паша.

— Дядя Сережа и дядя Вася ведь уже совсем умирать собирались, пошевелиться силы не было, а открыли падь Золотую и до Монгона дошли... А нам что? Жарко очень. Но от тепла ничего опасного не получится. Только пот идет.

— Голод — тоже плохо, — подумав, сказал Боря. — Нам-то что: мясо, яйца, соль есть.

— И без воды нехорошо, — откликнулся Федя. — Я папе «Василия Теркина» приносил. Прочитал папа и сказал: «Правильно. На фронте бывало и так, что из лошадиного следа воду пили». А мы только ступим — и до колен вода. Она хоть красная, но ничего, вкусная.

Экспедиция вышла на середину болота. И позади и впереди на одинаковом расстоянии зеленел далекий лес.

Дедушка устраивал частые остановки и заставлял ребят умываться. В обеденный привал он натянул на палки палатку и приказал ребятам спать, прикрыв их от зноя травой.

От травы стало прохладно, и ребята крепко уснули. Дедушка осторожно отгонял от них паутов, нахмуренный больше обычного. Пощупал лоб Алика и покачал головой.

— Ну, ну, герои, еще немного... хоть полкилометра... — пробормотал он. — За ночь что-нибудь сделаю...

Ребята не замечали странного поведения дедушки. Пытаясь что-то рассмотреть, он часто поднимался на носки, недоуменно хмыкал про себя, протирал глаза. Миновали место, которое наметили для ночлега (хотя солнце еще стояло высоко).

— Федя, — попросил наконец он, — посмотри-ка, герой, что там такое. Никак разглядеть не могу. У тебя глаза поострее... — Он поднял Федю над головой.

— Земля! — хрипло крикнул Федя. — Земля!

— Земля? Где? — встрепнулись ребята.

— Недалеко, совсем недалеко! Снизу не видать, а отсюда видно. Земля, земля!

Скоро все увидели ее. Над однообразной болотной равниной возвышалось что-то низкой длинной грядой. Силы у всех сразу прибавилось. Было видно, что возвышение ровной полосой пересекало все болото.

Наконец, сделав последнее усилие, экспедиция выбралась из зыбкого, всасывающего плена. Она вступила на твердую землю. Это была... шоссейная дорога!

— Земля! — приплясывал Паша, пробуя ее твердость.

— Земля! — неуклюже топал ногами Боря.

Когда первая радость прошла, все огляделись. Прямое, как линейка, шоссе пересекало болото с юго-востока на северо-запад. Оно ничем не отличалось от монгонского: такие же глубокие кюветы, такая же песчаная с мелкими гальками насыпь. Но ребята впервые другими глазами посмотрели на эту обычную дорогу.

Конечно, не меньше полумесяца партизаны обходили топь. Неизвестно, сколько времени потребовалось бы ребятам, чтобы перебраться через нее. Силы, признаться, вымотались у всех. А по этой дороге они могут, не промокнув, не устав, пройти все болото за два часа! Как хорошо, что здесь побывал человек!.. Посмотрел, подумал и без лишних слов перекинул мост через топь, чтобы пройти дальше, к несчетным богатствам своей Родины.

Советский человек! Что за удивительный человек!

Он строит уютные школы, делает тетрадки и ученические ручки. Делает самые сложные машины весом в сотни тонн и огромные плотины, города-заводы. Если надо, он живет и на Северном полюсе и в одинокой избушке, затерянной в кедраче на Золотом хребте. Трудится в расцвеченном огнями здании театра и, оторванный на долгие месяцы от людей, пасет в широкой пади баранов. Работает в больших городах и пилит лес в такой тайге, где никогда еще не раздавался гудок паровоза.

Наташа, проследив глазами уходящее вдаль шоссе, тихо сказала:

— Как же так? Ничего не было, нога человека не ступала — и вдруг шоссе... Откуда?

— Советский человек здесь побывал, герои! — так же тихо ответил дедушка.

— Запевай, Паша! — крикнул Женья. — Запевай!

Далеко над болотом понеслась звонкая песня:

Мы покоряем пространство и время,
Мы молодые хозяева земли...

Глава XIV НА РЫБНОЙ ЛОВЛЕ

Ребята по шоссе перешли болото и, чтобы вернуться на правильный курс, свернули к востоку. Пройдя около пяти километров и перевалив через сопку, они вышли к неширокой, но глубокой речке.

Экспедиция точно попала в другой мир. Песчаные высокие берега густо заросли черемухой, бояркой и шиповником. Воздух был напоен запахом увядающих цветов. В траве краснели лилии, синели ирисы. Поодаль от черемушника, блестя серебристыми листьями, тянулась тополевая роща.

Два ярко разукрашенных удода встретили экспедицию тревожными голосами: видимо, близко было их гнездо. У этих удивительно красивых птиц на редкость неприятный голос. Они точно шипят. По берегам в черемушнике и ивняке пели чижи. На песчаных отмелях, перелетая, насвистывали кулички.

Лучшего места для табора нельзя было и желать. Все нуждались в хорошем отдыхе. Боря посматривал на речку с особыми надеждами.

Федя вернулся с разведки быстро.

— Рыба! — еще издали закричал он. — Есть, Борька; И не рыба, рыбища!.. Женя, вот рыба так рыба! Думал, что коряжина, а она как хвостом махнет да булькнет... Сейчас наловим на обед.

— На обед мало, — у Бори разгорелся аппетит, — надо больше наловить... Женя, в запас надо.

— И больше наловим. Женя, кому можно идти рыбачить?

— Дедушка, мы отабориться еще успеем, а сейчас все порыбачим. Ладно?

— Бегите, бегите. Рыбачьте в удовольствие. Алик, а ты что?

— Я не пойду, — зябко поеживаясь, ответил Алик. — Я полежу... Ничего, Женя?

— И я останусь, — сказала Наташа.

Ребята распутали лески, вырубili удилища, наловили около Савраски паутов и вперегонки помчались к речке. Скоро громкие голоса показали, что рыбная ловля идет успешно.

— Два, сразу два подцепились! — закричал Федя. — Женя! На блесны подцепились.

— Тащи, Федя! Тащи их!

— Осторожно! Чтобы не сорвались. Чтобы только не сорвались!.. — умоляюще причитал Боря.

— Ташу... Что такое? Борька, держи меня!..

— Ты, Федя, не вверх тащи — леску оборвут! Волоком подтаскивай... Вот рыбы так рыбы! И у меня клюет... Волоком, Федя, тащи!

— Что-то, Женя, не получается. Они меня тащат... Тебе говорю, Борька, держи меня скорее!

— Держи, Боря! Что ты не видишь? Сейчас, Федя, я к тебе...

— Ой! У-ух! ..

Сильно плеснулась вода.

— Все сюда! — громовым голосом закричал вдруг Боря. — Женя, рыбы пропали. Федька в речку упал. Пропали рыбы! Сюда!

— Ты, Борька, раньше бы Феде помог! — торопливо крикнул Женя. — Не пропали рыбины, он их держит... Федя, давай руку! Руку давай!

Дедушка поспешил к рыбакам.

Федя барахтался в реке, обеими руками крепко сжимая удилище. Женя, покраснев от натуги, тащил Федю, подхватив его под мышки. Но крутой берег осыпался. Паша, бегая по берегу, доставал какой-то хворостиной качающийся на волнах знаменитый картуз.

Несомненно, что у Бори с Женей вместе хватило бы силы вытащить рыбака. Но повар был занят другим: он лег на живот и, не спуская с удилища округлившихся глаз, безуспешно пытался дотянуться до него рукой.

— Подожди, Женя, не тяни... Борька, что ты рот разинул? Помогай!

— Не оторвались? Дергаются?.. — не обратив даже внимания на слова Феди, испуганно спрашивал Боря.

Федя рассердился:

— Вот сейчас я отпущу их, если так! Кто меня спасать будет? Видишь, что один Женя не может? Долго мне тут купаться? «Не оторвались? Дергаются?»...

— Сейчас спасем тебя! — затараторил Паша, подбегая с картузом. — Женя, ты поддержи, а мы с Борькой нагнем то деревцо, привяжем к вершине Федьку и отпустим. Оно выпрямится, и Федька прямо на берег вылетит. Я у Майн Рида читал...

— Оторвутся рыбины!..

— Ничего не оторвутся!

— Хватит, ребята, болтать, помогайте! Замерз ведь Федька! — прикрикнул Женя.

Но в это время подошел дедушка и вытащил рыбака, не выпускавшего удилища из рук. Оказавшись на берегу, Федя даже лица не утер и сразу приступил к делу. С него ручьем стекала вода, промокшая одежда прилипла к телу. Но до того ли тут!

— Сейчас поташу. Вы, дедушка, не уходите! Сейчас, вот, вот! — отчаянно вопил он, не отрывая глаз от лески.

— Стоп, Федя! Так больших рыб не берут. Сначала надо их утомить, пусть выбьются из сил. Иди по берегу, куда они тянут.

Федя, упираясь ногами в землю, тащился за мечущимися тайменями. Боря с Пашей, не отставая, бегали за ним по пятам, пытались помочь рыбаку. Но тот, вцепившись в удилище, отчаянно отбивался от них локтями и ногами.

Леска натягивалась, как струна, то в одну, то в другую сторону. Прошло немало времени, прежде чем рыбины устали.

— Так, герой, хорошо, — учил дедушка. — Подтягивай их помаленьку к берегу. Порезвились — и хватит. Сюда вот, здесь пологий бережок... Еще хотят погулять? Отпусти чуток... Подтяни...

Наконец показались таймени. Большие и толстые, как поленья, устало поводя хвостом и плавниками, они покорно тянулись за леской. С большими предосторожностями их вытащили на берег. Каждый таймень весил не меньше шести килограммов.

— Хорошо, что я блесну захотел попробовать! Только забросил, повел, а он как рванул! — возбужденно рассказывал Федя. — А на вторую блесну сразу второй и тоже как рванул! По полпуду в них будет?

— Хороши... Красавчики... — приговаривал дедушка. — Прямо сказать, почти по полпуда.

— Ага. Чуть-чуть побольше, — уточнил Паша.

— Вот рыба! — восхищался Женя. — Ребятам бы в Монгоне показать!

Боря бесцеремонно оттолкнул Пашу с Федей, подцепил тайменей за жабры и поволок на траву, широко улыбаясь и на ходу доставая ножи. Ребята, не успевшие как следует налюбоваться, возмутились было.

Но Боря спокойно сказал:

— Ловите еще, а не стойте. Женя, прикажи им, а то они до вечера болтать будут.

Ребята остались на речке. Дедушка ушел на табор.

Алик, укутавшись, спал. Лицо его покраснелось, лоб был горячий. Наташа то и дело меняла компресс.

— Тише, не орите! — прикрикнула она на ребят, шумно пришедших с богатой добычей.

— Что-то у нас Алик того... заболел, — пояснил дедушка.

Глава XV БОЛЕЗНЬ АЛИКА

Ребята, не разгрузившись даже от своего улова, столпились вокруг Алика. Он лежал, сжавшись в комочек — его лихорадило, — и часто, прерывисто дышал.

— Никакого лекарства у нас не осталось. Один йод... — проговорил Женя.

— Алик, что у тебя болит? — склонившись, спросил Паша.

Алик приоткрыл глаза:

— Горло болит... И холодно. Ничего, ребята, я быстро поправлюсь... Завтра поправлюсь и пойдем.

— Сейчас тебе балаган сделаем, — сказал Женя. — В балагане хорошо будет.

— Меду надо, — сказал Паша. — Мед от всякой болезни помогает. У меня чуть что заболит, мама сразу дает чаю с медом. Другой раз чувствую, что завтра горло заболит, попрошу меду, даст — и на завтра все хорошо. Самое лучшее лекарство — мед.

— А где он, мед? — угрюмо сказал Боря. — Зря языком трепать только...

— Федя, — вполголоса позвал Женя, — ты заметил, над черемухой много пчел летает?

— Заметил... Понимаю, — ответил Федя.

— Достанешь?

— Постараюсь, — подумав, ответил разведчик. — Но, может, Женя, не очень быстро: первый раз.

Поправив картуз, он бесшумно юркнул в кусты. Все занялись своими делами. Женя взялся делать балаган, временно натянув над Аликом плащ.

Прошло с час.

— Женя-я!.. — донеслось от речки.

— Федя зовет, — встрепенулся Женя.

Он с Наташей помогал Алику перейти на новую постель.

— Я сбегаяю, — оживился Боря. — Наверное, что-нибудь хорошее разведал.

Разведчик сидел у черемушного куста. Один глаз его совсем заплыл, опух, второй сердито и смущенно смотрел на Боря.

— Ты чего плетешься? Кто тебя звал? — напустился Федя на товарища.

— Женя занят был. Я и побежал. Я не знал, — ответил Боря, не спуская глаз с Федино лица.

— Приди-ка в другой раз, когда не зовут, так получишь! — пообещал Федя. — Да что ты на меня уставился, как сова?

— Глаз... Где у тебя глаз?

— «Где, где»! Здесь он... Только закрылся... Не смотрит...

Федя подал что-то завернутое в бумажку.

— Что это? Мед! — даже подпрыгнул Боря. — Ты где взял?

— Взял, и всё. Унеси этому... Альке... на лекарство. Да ребятам ничего не говори. А Женя и так знает.

— Федька, — закричали ребята, когда разведчик появился на таборе, — ой, как тебя пчелы кусали!

— Больно, Федя? — участливо прошептала Наташа,

— Сейчас не очень. Когда кусаются — тогда... — хмуро ответил разведчик, стараясь поворачиваться к девочке здоровой стороной.

Скоро Боря с Наташей подали обед — поджаренную рыбу. После надоевшего мяса ребята накинулись на нее, как голодные волки. Но для Алика был приготовлен особый обед. Неприкосновенный запас наконец извлекли на белый свет. На сковородке шипела яичница-глазунья. Кружка чаю с моховкой и около нее шоколадная конфета в серебряной бумажке. Полкружки меду. И... сухарь! Да, немного запыленный, но настоящий сухарь, подожженный с одного уголка, твердый, черный сухарь. От него исходил чудесный запах, который заглушал запах рыбы, яичницы, черемухи.

Алик посмотрел на разложенные перед ним лакомства, на ребят, которые уписывали рыбу, и вдруг, спрятав голову в подушку, заплакал навзрыд.

— Алик! — испугался Женя.

— Ничего, — тихо остановил его дедушка, — пусть поплачет — легче будет...

— Ребята, — проговорил вдруг Алик, захлебываясь от слез и не поднимая головы, — простите меня! Я всегда вам плохо делал... Я виноват... Я давно хотел к вам. Я хочу быть вместе с вами! Все делать вместе, все... Пусть мам... она... поймет...

Больше Алик ничего не мог сказать.

Ребята не любят таких слез. Федя сердито смотрел в сторону. Паша смущенно улыбался, будто стыдился. Боря отошел к костру. Наташа, потупившись, занялась косицами. Женя, не зная, что делать, растерянно взглянул на дедушку.

— Что ж, герои, — медленно поднял голову дедушка, — считали вы Алика виноватым, повинился он во всем перед вами. Верю я: больше он так не будет. А мама... Поговорим мы с ней. Она хорошая, мама, любит его, да маленько не так, как надо. Большие тоже могут ошибаться, герои... — Дедушка замолчал и недовольно запыхал трубкой. — Ну, полно, полно! — прикоснулся он через минуту к плачущему мальчику. — Ешь-ка давай да поправляйся. Вон какой обед тебе товарищи приготовили! Поправишься быстрее — скорее дальше пойдем. Все хорошо, Алик.

— А сейчас, — сказал дедушка, — пока Алик спит, берите ружья да пойдем поищем настоящего лекарства. Мед, конечно, очень хорош, да надо что-нибудь посильнее.

— Я уже, дедушка, думал. Была бы аптека близко, давно бы сбегал, — возразил Паша.

— Какая еще аптека?

— Ну, где лекарство продают.

— Так... Выходит, случись, аптеки нет, ложись да помирай?

— Нет. Федька мед найдет.

— А если лекарство сильнее меда надо?

— Тогда плохо. Тогда, конечно, делать нечего...

— Договорились!.. Такие разговоры, брат, чтобы я больше не слышал! Как так «делать нечего»? Для спасения своей жизни и «делать нечего»? Из-за какой-то дрянненькой простуды или болезни да из-за того, что врача поблизости не оказалось, — месяц без всякой пользы больным валяться? Дурак так думает, вот что!.. Ну, а голову-то чего опустил?

— Ругаетесь вы очень сердито... — Паша несмело посмотрел дедушке в лицо.

— Гм... — Дедушка кашлянул. — Выходит, опять неправильно. Чего ж ты, Женя, не остановил? Просил ведь поправлять: лесник я, не учитель, а приходится быть вроде него... Ну, этот разговор, герои, не в счет. Пошли-ка да снова начнем... — Есть, ребята, лекарство, — неторопливо шагая, обычным голосом заговорил дедушка. — Ходим мы по нему, топчем его, иной раз и в руках держим. А не знаем. Потому и получается, что иной заболает, до врача не дойти, а лекарство прямо под носом, само в рот просится.

Дедушка, к удивлению ребят, рассматривал цветы. По берегу речки и на лужайках все пестрело от них.

— Вот видите. Пяти минут не идем, а уже нашли лекарство для Алика.

— Лекарство? Это обыкновенная ромашка...

— Обыкновенная, Женя, да не совсем. Многие ее даже вовсе не примечают: ни красоты, ни запаха особенного. А цветочку этому цены нет. Приготовь ее как полагается, да выпей, да укутайся — и так пропотеешь, что всю простуду, как рукой, снимет.

— Ну-у?..

— Вот и ну... И если уж заговорили о лекарстве, то скажу: не знаю, от какой только болезни у нас лекарственных цветов да трав нет. Понятно, все в кучке не растут. За иным в кедрач сходить надо, другой у самых гольцов растет. У одного растения сам цветок целебный, у другого — листики, у третьего — корешок.

Ребята с интересом рассматривали каждый сорванный дедушкой цветок, хотя видели его и не в первый раз. Наташа набрала большой букет травы и цветов. Все это были лекарственные растения. Здесь и знакомая ромашка, и подорожник, который прикладывают к ранкам, чтобы быстрее зажили, и трава-троелистка, которой лечат расстройство желудка, и еще много других: зверобой, перелойка, шиповник, ландыш, валериана.

Ребята тут же убедились в лечебной силе одного цветка. Федя упал и глубоко проколол сучком руку. Йод и бинт остались на таборе. Как ни заклеивал Федя ранку бумажкой, кровь бежала все сильнее. После недолгих поисков дедушка нашел нужное растение. Это была «падушья сумка». Дедушка оторвал листик и наложил его на ранку. Кровь скоро перестала течь, царапинка затянулась.

Ребята поймали себя на том, что стараются обходить, не мять целебные цветы и травы. А

они попадались на каждом шагу, но только найти сразу нужное растение оказалось не так просто. Каждая трава, каждый цветок росли на своем излюбленном месте. Одни облюбовали сухие, солнечные лужайки, другие — сырые, затененные места. Иные встречались около черемушника и нигде больше, другие — в березовых рощах.

Дедушка и здесь показал мастерство таежного следопыта. Неторопливо посасывая трубку, он ходил по тайге так, как хороший огородник по собственному огороду.

Еще не доходя до места, дедушка по ему одному известным признакам безошибочно говорил, какие здесь растут лекарственные цветы и травы.

Дедушка особым образом приготовил ромашку, дал Алику выпить настой и потеплее укутал. Озноб скоро прошел. Алик так вспотел, что одежда стала мокрой, точно он в ней искупался. Он спокойно уснул на своей отдельной постели.

Наташа решила принести в школу гербарий лекарственных растений и аккуратно раскладывала их в книге между страницами. Женя с Федей, чтобы не забыть, сразу записывали под каждым, в каком месте растет.

Боря завистливо посмотрел на разбухшую книгу и вздохнул. Конечно, цветочки чудесные. Будущему врачу очень интересно с ними возиться. Да и ему тоже интересно. А только интереснее, если бы еще такие травы нашлись, с которыми по-другому... как с тайменями... расправиться можно. Ножичком чик-чик, помыть и — в котел.

— Плохо, что таких трав нет! — вслух вздохнул он.

— Каких?

— Ну, чтобы сварить и покушать.

— Правда, — подхватил Паша. — Все в нашей тайге есть, а съедобных растений мало.

— Ишь ты! А орехи, грибы, ягоды — что тебе?

— Так они, дедушка, только осенью. Я читал книгу, как по Африке путешествовали. Тоже без продуктов остались. Но все равно обед из четырех блюд готовили. Какие-то кокосы да ананасы — они там круглый год.

— Так... — Дедушка пошевелил усами. — Сколько дней на мясе живем? Сильно надоело или нет?

— Смотреть не хочется!

— Говоришь, из четырех блюд? Хорошо! Дай-ка срок, утрем нос и Африке. Там из четырех, мы из восьми приготовим.

— Из восьми-и? А какой вам, дедушка, срок надо? — недоверчиво спросил Паша.

— А вот такой, что ложись-ка спать. Утро вечера, говорят, мудренее.

Глава XVI НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ЗАВТРАК

Следующий день был объявлен днем отдыха. Он полагался и по графику похода, да к тому же болел Алик.

Ребята по привычке проснулись с восходом солнца, вспомнили, что сегодня можно спать подольше, улыбнулись друг другу и опять погрузились в здоровый, без сновидений, сон. Женя уже в полудремоте оглянулся на Алика — тот по-прежнему спал спокойно.

Никто не заметил, как дедушка, чем-то тяжело нагруженный, по пояс мокрый от росы, бесшумно подошел к табору. Устало скинул он груз и, посасывая трубку, начал осторожно возиться с котелком. Часа через полтора дедушка разбудил Боря.

Первым проснулся Федя. Он еще вечером надумал сбежать в дальнюю разведку по шоссе. Откуда в самом деле оно взялось тут, куда ведет? Несколько минут разведчик лежал, наслаждаясь покоем. Над его головой склонялись листья черемухи. Они еще не обсохли от росы, но над ними уже кружились, гудя, пчелы. С реки доносился плеск волн на перекатах. Оживленно щебетали в высоте стрижи, далеко куковала кукушка.

Знакомый стук котелков заставил Федю поморщиться. Мясо, конечно, что еще? «Ах, да! Ведь рыбы наловили», — вспомнил он через минуту.

Федя выглянул из-под одеяла, увидел костер, пасущегося Савраску. Но вдруг вытаращил глаза, потер их, встряхнулся и испуганно затормозил ребят:

— Женья! Наташа! Смотрите, Борька с ума сошел. Все равно как водки напился.

Ребята приподнялись. Было от чего испугаться! Боря, неуклюже вальсируя, приплясывал вокруг стола, хлопая себя по коленкам, и, прикрывая рот рукой, заливался беззвучным смехом.

— Что это он?

— Неужели тоже заболел?

— Никогда такого с ним не бывало!

— Плохие дела... — зашептал Паша. — Он какое-то лекарство съел и одурел. Вчера к Наташиным цветочкам все принимался да приглядывался. Наверное, Наташа, у тебя в гербарии ничего не осталось.

— Ну тебя, Пашка... Может, что и попробовал, так не могло же от лекарства такого получиться.

— Ого, Женья, лекарство, всякое есть! Помнишь, Федя, кота лечили? Уже оглох, месяц с кровати не слезал, мыши около него бегают — он хоть бы что. А одну капельку скипидара в нос впустили — знаешь что получилось? Сначала нас обоих поцарапал, а потом на комод, буфет, даже на стенку прыгать начал, будто бешеный, Под конец в печку прыгнул. Ну, думаем, хорошо, все кончилось. Так нет, смотрим — он по улице несется, в сажу весь, в трубу выскочил. Собаки его только увидят, хвост подожмут да бежать. Вот какое лекарство бывает!

— Так то кот. А тут Боря, — неуверенно возразил Женья.

— А когда он такие фокусы выделявал? Нет, Женья, одурел он. Вот сейчас проверю. Только чуть-чего — выручайте... Борька! — облизнув губы, громким шепотом позвал Паша.

— А? — Боря вздрогнул и, увидев, что ребята смотрят на него, страшно смутился.

— Как тебя звать? — прошептал Паша.

— Борька, — тоже шепотом ответил Боря.

— Ты всё перепутал. Какой же ты Борька? Это твой брат Борька.

— Нет... Я сам... — растерянно прошептал повар.

— А ты не забыл, сколько тебе лет?

— Не забыл. Двенадцать... — насторожился Боря, начиная уже о чем-то догадываться.

— Хватит тебе, Пашка! — с трудом удерживаясь от смеха, прошептал Женья. — Совсем не больной он.

— Не больной, правда, — обычным голосом ответил Паша. — Ошибся я немного. Это он к самостоятельности готовится. Ничего, Борька, хорошо получится. Только побыстрее плясать надо, потренируйся еще.

— Пискун ты! — вдруг пробасил Боря.

Он рассердился не на шутку. Только сейчас до него дошло, на какие глупые вопросы он отвечал. Боря прикрыл стол плащ-палаткой. Шагая назад и вперед с кастрюлями и котелками мимо Паши, он сердито поглядывал на него и ворчал:

— Вопросы задает, нашелся какой... Пискун!

А когда штурман сунулся было к столу, Боря показал кулак, чего никогда в жизни не бывало. Но через полчаса, когда, вдоволь накупавшись, ребята вернулись к табору, не было даже заметно, что Боря сердился. Спокойно, добродушно он заканчивал последние приготовления к завтраку. Только двигался чуть побыстрее и как-то загадочно посматривал на ребят.

— Женья, готов завтрак! — сказал он.

Когда все расселись, Боря тем же загадочным взглядом еще раз окинул ребят и жестом неуклюжего фокусника сдернул со стола плащ-палатку...

Эффект получился небывалый. Весь стол был уставлен полными мисками и котелками, не оставалось ни сантиметра свободного места. Ребята онемели.

— Восемь блюд! Считай, Пашка... Вкусно... Восемь блюд! — пританцовывал Боря.

Да, на завтрак было подано восемь различных блюд. Чего только не стояло здесь!

Мясо, рыба и джем из моховки занимали скромное место. Остальное ребята видели впервые. В котелках поблескивал жирной пленкой суп. Не жиденький, заправленный одним полевым луком супчик, какой ребята, ели последнее время, — нет, суп был настоящий, густой. В нем плавали корешки, белые крупинки, кусочки чего-то темного. Две миски занимало кушанье, похожее на толченую картошку, но белое, почти как снег. Два сорта киселя, цветом

напоминающие клюквенный и голубичный, красовались в тарелках. Но всего больше было салатов: салат из незнакомых крупных листьев, из нежных маленьких листочков, из мангира, из полевого лука и полевого чеснока.

Женя нерешительно почерпнул ложкой суп и вопросительно взглянул на Борю.

— Ешь, Женя! Ешьте, ребята, не бойтесь! Пашка спал, его планов тут нету! — успокоил Боря. — Это все дедушка собрал.

Ребята осторожно попробовали каждое блюдо, переглянулись и усердно заработали ложками. Даже Алик с удовольствием отведал всего понемногу.

Боря едва успевал подкладывать. Действительно, лучшего сюрприза для оголодавших за последние дни участников экспедиции нельзя было и придумать.

— Хо-хо-хо! — довольно посмеивался дедушка. — Утерли нос Африке, а? С такой едой в нашей тайге мы и без кокосов да ананасов обойдемся. Знай да не ленись — никогда голодным не будешь!

Да, все это дала тайга. Мы не будем описывать вкус каждого блюда. Ты сам, наш читатель, можешь перепробовать их, побывав в таком походе. Из бесчисленного количества съедобных растений, которыми сказочно богата забайкальская тайга и которые стояли на столе, мы упомянем только несколько. Кисели дедушка с Борей сварили из некоторых видов мха. На снежно-белое кушанье, похожее на толченую картошку, пошли луковицы красной лилии, называемой по-местному саранкой. Салат из широких листьев был приготовлен из дикорастущего чеснока — черемши. Черемша замечательна не только своим вкусом. Она — чудесное лекарство. Есть такая страшная северная болезнь — цинга, от которой разрыхляются и кровоточат десны, выпадают зубы и человек медленно слабеет и умирает. Скромные, не бросающиеся в глаза ни величиной, ни красотой листики черемши, щедро разбросанные природой по нашей тайге, спасают от этой болезни.

— А все-таки, дедушка, интересно получилось! — сказал Паша, вылизывая чашку из-под киселя. — Недельку на одном мясе без хлеба жили — под ногами столько еды, а вы ничего не сказали. Я сам видел, как вы мясо ели и морщились. Почему, дедушка, так: морщились, а не говорили?

— Хе-хе-хе! — посмеивался дедушка. — Тут, брат, у меня хорошо получилось, даже сам доволен. Хе-хе-хе...

— Хорошо, дедушка, да не очень.

— Ну, ну, — загорячился дедушка, — как же не очень? Покажи-ка я вам эти травы да корешки, когда сытые были, что бы получилось? Посмотрели бы да через день и забыли. А сейчас, после такой голодовки, нет — навек запомнили. Случится когда в жизни — найдете, чем червячка заморить.

— Понятно! Значит, у вас тоже какой-то план есть?

— Чего, чего? — Дедушка вдруг уставился на Пашу, грозно шевеля усами. — Какой у тебя язык никудышный! — недовольно заворчал он. — Так и цепляется, так и цепляется!.. Иди-ка рыбачить, вон ребята уже побежали.

Главе XVII ПОСЛЕДНИЙ ПЕРЕХОД

Дни проходили. Ребята отдыхали с удовольствием: купались, валялись на песке, рыбачили.

Дедушка поил Алика лечебными травами, и он поднялся, хотя был еще немного слаб. Наташа целыми днями носилась вокруг табора, собирала целебные растения и совсем замучила дедушку расспросами: от какой они болезни, как их готовить да как хранить.

Ежедневно все отправлялись на сбор съедобных растений. Боря решил приготовить свой гербарий и лучшие экземпляры корешков и листиков оставлял для него.

Женя и Паша приводили в порядок дневник экспедиции, подробно записывали о виденных животных, рыбах, деревьях, кустарниках. Федя надул хранившийся во выюках волейбольный мяч, и все с веселым гамом перебрасывались им. Оборудовали специальную площадку для занятий наукой следопыта. Дедушка все усложнял задачи. Избороздит площадку

вдоль и поперек — там повернется, там присядет или начнет хромать и вызывает по одному: «Определяй, что здесь было». С Федей дедушка занимался особо: азбуку следопыта разведчик давно перерос. Ребят все больше увлекала эта таинственная наука.

По вечерам, перед сном, пели. И дедушка научил ребят старым хорошим песням: «Смело, товарищи, в ногу», «Вихри враждебные» и другим.

Боря с Аликом, конечно, не упустили случая запастись побольше продуктов. Когда рыбы — ленков, хариусов и тайменей — накопили достаточно, ребята отправились в поход за медом. Хотя стояло еще начало лета и меда в гнездах было немного, удобный случай упускать было нельзя. Такого пчелиного места не встречалось за весь поход, и неизвестно, встретится ли дальше.

Вернулись с богатой добычей, но, несмотря на принятые предосторожности, искусанные: пчелы не желали отдавать свое богатство без боя. Остававшаяся в лагере Наташа, увидев распухшие до неузнаваемости лица друзей, сначала расхохоталась, потом заохала и засуетилась со своими травами: нарвала каких-то листиков и велела растирать. Боря же сграбастал мед и сказал, что ничего особенного нет — пчела не собака, до крови не укусит.

Поход за медом понравился ребятам. Гнезда диких пчел, скрытые в земле, среди густой травы, находить было трудно. Дедушка предложил простой способ. Нужно намазать палочку медом и подождать, пока на нее сядет пчела. Набрав меду с палочки сколько может, пчела летит с ним прямо к гнезду. Оставалось не зевать и бежать за нею изо всех сил. Когда она все же скроется, надо дожидаться другой пчелы. Так постепенно пчелы сами подводили к гнезду.

Продолжалась и любившаяся ребятам охота на вредных птиц, и учебная стрельба. Вблизи уже не появлялось ни одного ястреба-тетеревятника, ястреба-перепелятника, болотного луны. Ребята отказались стрелять по этим птицам тогда, когда они сидят. Это уже было неинтересно. То ли дело попасть в летящую.

Когда на тайгу опускалась ночь, начиналось самое интересное. В надежном укрытии сидели стрелки. Очередной получал патрон и выходил к дедушке. Ружье заряжено, дедушка скрылся. Введен курок: слух, нервы — все напряжено до предела. Непроглядная темнота, мертвая тишина. Спит тайга, ждут выстрела ребята, что-то медлит дедушка.

Тихо и темно. Чернеют стволы деревьев. Вдруг где-то раздается шорох.

И, блеснув пламенем, гремит выстрел.

— Посмотри, Женя, мишень! — слышится голос дедушки.

Загорается факел.

— Мимо, дедушка. Не попал, — доложил через минуту Женя.

— Ничего, Женя, ничего. Такое мастерство не сразу дается... Паша, приготовься!

Опять тишина, опять шорох и выстрел.

— Чуть-чуть, дедушка, не попал. Чуть-чуть!

— Чуть, брат, в таком деле не считается. Противник живой остался... Ну-ка, Наташенька, ты! — Голос дедушки звучит по-особенному тепло.

Перед стрельбой Наташи ребята насторожились. Никто не видел ее в темноте, но почему-то она живо представлялась: тоненькие косички за плечами, слегка раскосые глаза чуть прищурены, прикусила губу. Маленькие, но сильные руки спокойно держат ружье.

Шорох где-то в непроглядной темноте, и вслед за ним почти сразу, мгновенно, выстрел.

— Посмотреть цель. Все к цели! — раздается команда дедушки.

— В центр! Прямо в центр!

— Попала! Попала! — хлопая в ладоши, приплясывала Наташа. — Эх вы, стрелки!.. Дедушка, вы поставьте всем двойки — быстрее научатся... Женя, тебе тоже двойку!

И Наташа залилась смехом.

Но, несмотря на то что время проходило весело, ребята начали беспокоиться. Быть может, падь Золотая недалеко, а они здесь... Иногда волновался и дедушка: нет-нет, и задумается, смотря на север, в сторону заветной пади.

Каждое утро, проснувшись, все вопросительно смотрели на дедушку. Тот смотрел, в свою очередь, на Алика, раздумывал, шевеля усами, потом отрицательно качал головой. Выступить было еще нельзя.

— Так... Сегодня двадцать третье... двадцать третье... — сказал дедушка однажды утром,

раздумывая над безмолвным вопросом ребят: можно ли идти?

— Нет, сегодня двадцать четвертое июля, — возразил Паша.

— Постой, постой, не болтай! — встрепенулся, даже испугался дедушка. — Путаешь ты, Паша. Двадцать третье!

— Нет, не пугаю. У меня все записано, на каждый день приказы. Вот они.

— Женя, посмотри, пожалуйста, по всем документам.

— Правильно Паша говорит — двадцать четвертое.

— Как же так? Двадцать четвертое... — Дедушка растерянно теребил ус.

— А что, дедушка? — удивились ребята его расстроенному виду.

— Как — что? Так я же опаздываю. Завтра годовщина Золотой пади, а мы еще вон где.

— Правильно, дедушка, годовщина. Великие партизаны дядя Сережа и дядя Вася ее двадцать пятого открыли. В этот день дядя Сережа пополз за водой и...

— Да помолчи ты! От всего сердца прошу: помолчи хоть минуту! — сердито перебил дедушка. — Замучил меня со своими «великие»! Все люди как люди, ты один...

— За что вы, дедушка, на меня опять рассердились? — удивился Паша.

— Болтаешь много, вот за что! Тут думать надо, а ты не даешь... Да... — Дедушка что-то обдумывал. — Как, герой, чувствуем? — обратился он к Алику.

— Хорошо, дедушка, — бодро ответил Алик. — Я уже вчера и позавчера говорил, что хорошо.

— Пойдем, дедушка, а?

— Да... Ну, герои, в поход! Как я день прокараулил, не пойму... Только, Женя, предлагаю сделать вот так: продукты и лишние вещи здесь оставим, обратно пойдем и заберем. Зачем с собой всё таскать?

— Как же так, дедушка? Вдруг до пади Золотой долго придется идти?

— А у меня вроде уверенность появилась, что не может быть далеко. Скоро должна. Не месяц же до нее идти? Потом, если и далеко, что ж такого. Спать будет на чем, а покушать не найдем, что ли? И еще я думаю так. Шли мы с вами легонько, не торопясь. А в жизни бывает и по-другому: тяжело не тяжело, а надо километров полета пройти. В армии так частенько случается. Давно я думал такой переход устроить, силы проверить. Сейчас самый раз: крепко мы отдохнули. Но Алик слабоват. Потому и надо облегчить Савраску, чтобы Алик кое-где подъехал... Согласны, герои, устроить переход что называется настоящий?

Такое предложение всем очень понравилось. В самом деле, когда собирались в поход, рассчитывали проходить по шестьдесят километров в день, а проходили едва по двадцать...

Это был трудный и интересный день.

Все было как в настоящем серьезном походе. Перед дорогой съели по кусочку круто посоленного мяса. Ребята уже знали: это для того, чтобы меньше мучила жажда. Пить в походе не следует: вода расслабляет. Шли молча, перебрасывались короткими фразами лишь в случае крайней необходимости. Каждый час останавливались на короткий привал. Внимательнее, чем раньше, следили за подгонкой рюкзаков и особенно за ногами. Даже маленькая складка на портянке, если вовремя не переобуться, может натереть ногу до крови и вывести из строя.

К счастью для ребят, дорога проходила становиком — по редкому чистому сосняку.

По-прежнему их окружала тайга. Со становика открывался далекий вид: те же цепи гор, поросшие лесом, пади и распадки, прорезающие тайгу во всех направлениях.

Вечером, перед самым закатом солнца, экспедиция спустилась со становика, вышла в падь и остановилась на ночлег. За день прошли не менее сорока километров.

Руки, ноги, спина ныли от усталости. Прежде чем приняться за обычную работу, ребята легли отдохнуть, положив ноги так, чтобы они были выше головы. Так быстрее восстанавливаются силы.

Прямо перед ребятами, среди поросших лесом гор, резко выделялась одинокая безлесная белая гора вулканической формы. Своим необычным видом и цветом она привлекла внимание ребят.

— Белая гора... — прошептал Женя.

— Ага, — устало подтвердил Паша. — Интересно, отчего она белая?

— Наверное, от камней...

— Сейчас, Женя, не успею, а утром сбегаяю — узнаю... — проговорил Федя.
И вдруг ребята вскочили все сразу, будто укусил их кто.
— Это наша белая гора! Наша! За ней падь Золотая! — кричал Паша.
— Падь Золотая! — махал картузом Федя.
— Дошли! Тра-та-та! Тра-та-та! — приплясывал, как медведь, Боря.
— Падь! — радостные, покрасневшие, кричали Женя, Наташа, Алик.
— Падь Золотая! — с волнением смотря на белую гору, закрывающую заветную падь, тихо сказал дедушка.

Перестали куковать кукушки. Замолчал трудолюбивый дятел. Бесшумно, как тень, над деревьями проскользнул филин. Стемнело.

Только на севере белым расплывчатым пятном выделялась гора, белая гора — последняя веха далекой дороги к сказочной пади Золотой.

Глава XVIII ПАДЬ ЗОЛОТАЯ

Ребята почти не спали и поднялись чуть свет. Они постирали и высушили одежду, дедушка подстриг большими ножницами свои усы. Наташа тщательнее обычного наложила новые заплаты. Боря с Аликом до блеска начистили посуду. Хорошенько вычистили Савраску.

Позади осталось семнадцать дней интересного, но и не легкого пути. Сколько километров пройдено — четыреста, пятьсот? Сколько перевалили горных цепей, пересекли падей! Позади осталось и навсегда запомнившееся болото.

И сейчас, когда путь подходил к концу, ребята трезво оценили подвиг партизан дяди Сережи и дяди Васи.

Да, нужно было иметь нечеловеческую силу, железную волю, чтобы ранеными, истекающими кровью, пройти от пади Золотой до Монгона. Партизаны не пересекали болота по шоссе — его не было. Они не могли отдохнуть в поселке лесорубов, в домике у Базыра, у дедушки Михеича — ни одного домика не стояло тогда в тайге. Им даже не удавалось погреться в холодные ночи у костра — у них не было спичек. Тайга богата, но нужно иметь силу, здоровые ноги, чтобы найти хоть один съедобный корешок. Сутками они ползли по жару, не встречая ни капли воды. Партизанам нечем было защищаться от мучительного и безжалостного бича тайги — мошки, комаров, паутов.

И, несмотря ни на что, они прошли! Да, это были великие люди! Великие герои!

— Где они сейчас? Где? — проговорил Паша.

— Чего? — спросил дедушка.

— Мы, дедушка, говорим, какие великие герои были дядя Сережа и дядя Вася! Посмотреть бы хоть одним глазком на них!

— Скажи пожалуйста! Язык у тебя... — начал было дедушка, но махнул рукой, опустил голову и больше ничего не сказал.

Станный был сегодня дедушка. Он отвечал невпопад, почти не говорил и только беспрерывно курил.

К завтраку ребята едва притронулись. На этот раз Боря не ворчал и без сожаления выбросил еду.

— На север! Через Белую гору! К пади Золотой! — звонко и торжественно подал последнюю команду Паша.

Ребята почти бежали. Дедушка с Савраской отстали. Вот уже гора. Она усеяна мелкими белыми камешками, отчего издали и казалась белой.

Вдруг ровный протяжный звук донесся из-за горы. Ребята остановились.

— Волки? — неуверенно проговорила Наташа.

— Не похоже на волков, — возразил Федя.

— Похоже на гудок, — сказал Женя, — как у нас в депо...

— Похоже... Но откуда здесь гудок?

Звук прекратился.

— Может, самолет пожарный

— Совсем другой звук у самолета.

— Женя, по-моему, это какая-то тайна природы, — сказал Паша. — Может, извержение вулкана начинается? Вот здорово было бы!

Уже близка вершина горы. Фигурка Феди мелькает впереди. Вот Федя остановился, развел руки и медленно сел на камень.

— Федька уже видит падь Золотую!

— А почему он картуз на глаза надвинул?

Синеют горы на той стороне пади Золотой. Наконец показалась и сама падь.

— Дедушка, скорее, скорее! Падь Золотая!

— На вот тебе падь Золотую!.. — буркнул Федя.

Ребята остановились, растерянные и пораженные.

Посреди широкой пади широко раскинулся... город.

Настоящий город!..

С горы были видны залитые солнцем широкие, прямые улицы, разноцветные крыши домов, утопающие в темной листве тополей. Выделялись красивые двух— и трехэтажные здания. На краю города дымили высокие трубы. Белое облако пара взвивалось над большой крышей, и ребята слышали ровный протяжный гудок. У самого подножия горы, почти под ногами ребят, деловито сновал паровозик.

— Дедушка, мы заблудились! Мы к городу пришли! — с отчаянием подбежал к нему Паша.

— Не заблудились, герои. Вот она — падь Золотая!

— А город? Откуда город?

Дедушка не отвечал. Он... улыбался! Он смотрел на город, и глубокое волнение и радость отражались на его загорелом морщинистом лице.

— Вот оно как! Фу ты! Город ведь, герои, а? — приговаривал дедушка, точно верил и не верил своим глазам.

— А радоваться нечего! — буркнул Федя.

— Как же, скажи пожалуйста, не радоваться? Да ведь это наш город! Мой город! Ах ты...

— Дедушка, что вы говорите? Почему ваш? — взмолились ребята.

Дедушка как-то сразу обмяк и виновато посмотрел на своих юных спутников.

— Пойдемте, ребята, туда. Сегодня я вам все расскажу, — проговорил он.

...Город был по-праздничному оживлен. Несмотря на ранний час, по улицам шли нарядно одетые люди, весело разговаривали и смеялись.

С песней, все в белом, с алыми галстуками, со знаменем впереди, строем прошли пионеры. Промчалась разукрашенная флажками автомашина с крикливой и поющей вразной детворой. Где-то играл оркестр.

Скоро ребятам стала понятна причина торжества. На одном из транспарантов, протянутом через улицу, они прочли: «Нашему городу сегодня 10 лет!»

Загорелые, обветренные, в залатанной походной одежде, в побуревших, порядком потрепанных броднях ребята чувствовали себя неудобно среди нарядных людей. Из-за Савраски они вынуждены были идти посередине шумной улицы, вызывая всеобщее внимание и удивление. Как водится, больше всего любопытствовали мальчишки. Нашлись среди них и задиралы. Особенно досаждал ехидными шутками один конопатый. Шествует рядом, бесцеремонно рассматривает и зубоскалит.

Федя вопросительно взглянул на Женю. Женя — на него.

— Только по одному разу! И чтобы никто не заметил... — шепнул Женя.

Произошло какое-то движение, но такое быстрое, что никто не понял, что случилось. Но конопатый вдруг стал хромать, отставая все дальше, потом остановился у столба, уткнувшись в какое-то объявление, и все щупал под глазами. Ошибиться невозможно: под каждым глазом всплывало по фонарю.

Экспедиция торопилась, стремясь быстрее пройти главную улицу.

И вдруг ребята остановились. Впереди виднелась трибуна. Не донося трубки до рта, остановился и дедушка, Остановились и замолчали неугомонные мальчишки. Останавливались один за другим горожане.

С протянутой через всю улицу проволоки, из рамок, увитых цветами, на ребят смотрели портреты двух человек»

Чьи портреты? Кто эти люди?

Один — не кто иной, как монгонский почтальон дедушка Вася. А второй? Второй — догадываешься ли ты, мой читатель? — второй был дедушка!

Да, дедушка. Тот самый, который сейчас растерянно и даже испуганно переводит взгляд со своего изображения то на ребят, то на окружающих его празднично одетых незнакомых людей.

Сходство было полное. То же простое морщинистое Лицо, зоркие серые глаза, колючие седые усы, неизменная трубка во рту.

Между тем людей вокруг становилось все больше. Они запрудили всю улицу.

— Сергей Егорыч!.. Маврин!.. Сергей Егорыч!.. — все чаще и громче раздавались голоса.

— Привет Сергею Егорычу! — крикнул кто-то. — Привет герою! Слава!

Люди улыбались, возбужденно кричали.

А дедушка?

— Постой, постой, — оправившись от смущения и недовольно пощипывая седой ус, сказал он. — Ишь ты какой: «Привет герою! Слава!» Наговорил семь верст до небес. Вперед, чем сказать, подумать, брат, надо. То-то!

Но его голос потонул в приветственных криках. Не кричали одни наши ребята. Они еще не пришла в себя. Под портретами было написано: «Слава красным партизанам Сергею Егоровичу Маврину и Василию Федоровичу Кукину, открывшим падь Золотую! Добро пожаловать в город Партизанский!»

Дядя Сережа и дядя Вася!.. Так вот кто они!

— Слава!.. Ура-а!.. — подхватили ребята через минуту.

До сознания ребят наконец дошло, что дедушка, их простой дедушка, и есть великий герой дядя Сережа, А в Монгоне с почтовой сумкой через плечо бегают узкоплечий и узкогрудый старичок. У него острый кадык на шее, реденькая, похожая на мочало, борода. Второй великий герой!

Глава XIX. В КОТОРОЙ ВСЕ РАЗЪЯСНЯЕТСЯ

Стоял поздний вечер, но в городе продолжалось празднование. Вспыхивали и гасли разноцветные огни иллюминаций. В открытую форточку вывалились то бодрые звуки духового оркестра, то аплодисменты, то голос диктора.

— ...Вот так и получилось, — закончил дедушка свой рассказ. — С письмом вам, ребята, мы с другом Басей маленько перемудрили. Сознаться — Вася придумал. Начитался он Жюль Верна. Без таинственного письма, говорит, настоящего путешествия не бывает. Конечно, вину на Васю не слагаю: оба думали и хотели, чтобы интереснее было вам идти. А получился все-таки обман. Тут вину свою признаем. За эту затею нам и от Володи была проборка, но упросили мы не открывать. В остальном же ошибки моей вроде нет. Про дорогу не говорил — думал, что больше пользы будет, если не я вас, а вы меня в падь Золотую приведете. Пассажирами сзади плестись — ни пользы, ни интересу. Секача нарочно подвел на табор. Заряды вам послабее дал, чтобы сразу не убили. Рассчитал, где помост сделать, откуда ветерок — все рассчитал, чтобы он на табор прибежал. Хотел я, чтобы вы настоящих трудностей хлебнули, ко всему привыкли. С секачом я, правда, в последнюю минуту засомневался. Я и запел, чтобы зверя от табора к себе приманить, да Наташа его своим выстрелом обратно на табор вернула. Первокласный стрелок из тебя будет, Наташа!.. Конверт, который мы так долго искали, тоже я спрятал. Штамп-то на нем, понятно, не было. И боялся я, чтобы вы раньше времени не открыли мою затею.

Дедушка походил по комнате, посмотрел в окно и продолжал.

— «Кислый» не нашли. Тут, герои, я не виноват. Тайга изменилась так, что я и сам едва узнал. Высох этот Кислый ключ. А хотелось показать его, хотелось, чтобы убедились вы, что на правильном пути. Да поделаться ничего не мог. А Базыр, Паша, загадку-то твою отгадал. Сказал он «кислая вода», а ведь это одно и то же... Да... А сейчас судите меня, герои. Все я вам рассказал.

Дедушка глубоко затянулся табачным дымом и снова обернулся к окну, пощипывая седой колючий ус.

Теперь ребятам стало все понятно. Обо всем рассказал дедушка. Рассказал, как двадцать шесть лет назад они с дядей Васей открыли падь Золотую, как ползли, сидели в тепляке, к ним подходили японцы; и дедушка, не успев дописать, замуровывал в печь дневник, но вдруг услышал приглушенный крик дяди Васи: тот нашел в поддувале винтовочные патроны. Что случилось дальше, ребята представляли сами. Дядя Вася был такой же стрелок, как и дедушка...

Рассказал дедушка, как потом сопровождали экспедицию геологов и в пади Золотой возник золотой прииск. Позднее, когда подвели железнодорожную ветку, в некотором отдалении от прииска выросли большие угольные шахты. Угля оказалось так много, что шахтерский поселок скоро стал городом. Рассказал, что к десятилетнему юбилею города Партизанского он и дядя Вася получили письма с приглашением прибыть на торжество, но дядя Вася поехать не смог. Узнав обо всем, Володя попросил дедушку сходить с ребятами в Золотую падь. А дедушка и сам мечтал об этом.

Ребята узнали, что поход подготовлялся задолго до того, как Женя получил письмо. Володя с дедушкой заранее приготовили для ребят все необходимое: ружья, топоры, кинжалы, бродни.

— Вот так. Судите меня, герои, — повторил дедушка. Судить дедушку?! Нет, ребята не могли судить.

Ведь получилось все очень интересно! Как в настоящей книге. Правда, сначала ребята

очень огорчились, что не им пришлось открыть падь Золотую. Однако это огорчение уже прошло. Пускай не им досталась честь привести сюда геологов. Но разве падь Золотая стала от этого хуже?

Ребята смущенно переглядывались. Непривычное чувство робости испытывали они сейчас перед дедушкой. Перед ними был тот дедушка и не тот. Что-то вдруг изменилось в нем.

Те же огрубелые, натруженные руки, то же морщинистое загорелое лицо, та же трубка во рту, та же привычка пощипывать и топорщить колючие седые усы — все то, и между тем все не то. Это он с дедушкой Васей открыл падь Золотую. В их честь назван целый город. Теперь вместо глухой тайги здесь гремит духовой оркестр, разливаются морем электрические огни, живут и трудятся люди.

— Что ж, знать, так сердитесь, что и разговаривать не хотите? — повернулся к ребятам дедушка.

— Дедушка, — робко шагнул к нему Паша, — вы великий герой! Правда!

— Экий ты! — недовольно зашевелил усами Сергей Егорыч. — Ты же мне дорогой всю шею переел с этим «великим». Простые мы люди! Советские люди! И сделали то, что на нашем месте любой человек сделал бы...

Дедушка задумался.

— Вот так-то... Ну, что же вы молчите, будто недовольны походом?.. — Дедушка хмуро сосал трубку. — Приду домой — держать отчет перед Васей буду, — снова заговорил он с досадой. — Говорил я ему сначала не смогу. Потому что не учитель я, а только лесник. Мало вы узнали, видать, немногому научились... Эх, Сергей Маврин, плохой ты заместитель пионервожатого!..

Ребята наконец поняли, что волновало дедушку.

— Дедушка! — вскричали все сразу.

— Как же не научились?! — возмутился Федя, — Я почти настоящим следопытом стал. Вы это меня научили!

— Сразу и не скажешь... Очень интересному научились... Такое видели! — проговорил Боря.

— Эх, — воскликнул Паша, — столько мы узнали, что даже и сразу не скажу! Я, дедушка, приказ напишу, На трех тетрадах? Всё опишу.

— А я... — Алик на мгновение замялся. — Я.. вы... — Алик вдруг крепко прижался лицом к плечу старого лесника.

— Фу-у! — облегченно вздохнул Сергей Егорыч. — Гора с плеч!.. А Женя-то что задумался? Женя, что с тобой?

Прислонившись к окну, Женя молчал.

Что он узнал? Да, он тоже много узнал.

Больше того, он нашел. Оправдались напутственные слова Володи: «Верю, Женя, найдешь».

На Цаган-Хада затерялась в кедраче охотничья избушка. В слабо освещенное окно смотрят лохматые лапы кедра, и шелестит крылышками о стекло капустная совка. Хозяин Золотого хребта вернулся с работы и, надев очки, читает, далеко отставив от себя книгу. Он читает ими оставленную книгу.

Раздвигает темноту в комнате вспыхивающий огонек трубки дедушки Цыдена. За стеной позвякивают проволокой цепники, резко пахнет овечьей шерстью. Под темными навесами слышно тяжелое дыхание спящих овец. «Однако, Базыр, тише, — говорит старый Цыден. — Музыка кончал, последние известия передавать будут». Колхозный пастух слушает радио, которое сделали они, ребята.

В поселке лесорубов кто-то из ребят читает «Сына полка». А на очереди еще много книг.

И еще есть большое, интересное дело: разведывать родной край, родную Сибирь, Забайкалье. Наблюдать за травами, деревьями, птицами, зверями, рыбами. Узнавать, смотреть, учиться открывать новое!

— Федя! Наташа!.. Ребята! Я нашел работу тимуровцам, — прерывающимся от волнения голосом сказал Женя. — Нашел!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На берегу речки Тихой стоит домик с единственным подслеповатым окошком. От старости он покосился, но, точно понимая, что ему нельзя развалиться, упрямо жметесь к земле, крепко врос в нее и будет еще долго-долго жить.

Доски будто собраны со всего света: толстые и тонкие, короткие и длинные, от разошедшей бочки и оконного фигурного карниза.

Над дверью развевается новый ярко-красный флаг. На шесте, проволокой прикрепленном к трубе, — фонарь. Вечерами он зажигается, и со всех сторон видна гордая красная звезда. Под флагом — вывеска. Четко выведенные серебряной краской слова можно прочесть издалека.

Около домика оживленно. После школы сюда собираются веселые люди в пионерских галстуках. В руках у них отвертки, плоскогубцы, кусачки. Они спорят, высчитывают, горячатся. То и дело слышится: «резец, антенна, контакты...»

Внутри домика тоже все изменилось. В одном углу — слесарный верстак с двумя маленькими тисками-струбцинами. В другом — столярный. На нем свежестроганные доски и пахнущие смолой стружки. Посередине на специальных верстаках два маленьких токарных станка. На стенах развешан инструмент: дрель, фуганки, долото, зубило... Здесь почти вся Володина мастерская. Часть инструмента и верстаки ребята сделали сами, многое собрали комсомольцы депо. Второй токарный станок ребятам подарил слесарь-пенсионер дядя Гриша.

В домике много незнакомых. Но среди них и наши старые друзья. Вот, сдвинув картуз на затылок, что-то зачищает наждачной бумагой Федя. Над одним из токарных станков склонился Боря. У станка еще нет механического привода, и его крутит Паша. Боря косится. На остроносеньком лице Паши появляется мечтательная улыбка, и деталь вращается все медленнее.

— Эх, Борька, вот план так план! — останавливаясь, восклицает Паша. — Сделать такой ветряк, как у Базира, и он будет крутить станок.

— План? — настораживается Боря.

Вон бойко работает фуганком Алик.

А вот на улице и Женя с Наташей. Они несут мотки проволоки.

Женя открыл калитку, замедлил шаги и остановился. Мальчик смотрит на старенький, покосившийся домик. Давно ли он стоял здесь один, вон там лежала куча мусора, а над ней кружились большие зеленые мухи. И Жене невольно вспомнились знакомые слова. «Кто ищет — тот всегда найдет».

Женя взглянул на вывеску. Старых знакомых слов уже не было. Вместо «Штаб тимуровской команды» стояло:

ШТАБ ЮНЫХ ТЕХНИКОВ И РАЗВЕДЧИКОВ РОДНОГО КРАЯ

Работа, которую нашел Женя, оказалась не под силу тимуровцам одной нашей улицы: что могли сделать всего шесть человек? Работа оказалась под силу только всей пионерской дружине.

В стареньком домике поместился лишь штаб юных техников. А в школе есть и хоровой и драматический кружки, и кружок по изучению родного края. Председатель совета дружины сейчас Володя.

Пионеры готовятся к будущему походу. Работа кипит. Техники сделали новый радиоприемник и книжный шкаф. В поселок лесорубов подготавливается посылка первых книг. Рисуются маршруты новых походов: на юг, на восток, на запад.

Вот и всё, дорогие ребята. Осталось закрыть книгу. А мне так не хочется расставаться с вами! Я с грустью смотрю на последнюю страницу и медлю поставить последнюю точку.

Нет, ребята, я хочу еще встретиться с вами! Я хочу отправиться в поход еще раз.

Мы увидим новых птиц и зверей, каких еще не успели посмотреть. Мы покупаемся и

порыбачим в незнакомых реках и озерах. Посидим вечерами у костра. Увидим еще не одно диковинное богатство нашего золотого края. Вы воздвигнете над крышами таежных домиков радиомачты. Окна, в которые смотрят кедры, украсите вышитыми занавесками. Рабочие тайги найдут у себя после вас книжные шкафики, полные книг и газет. Вы дадите небывалый никогда в тайге концерт. Артистов будет много, а зрителей только один или два. Но какие замечательные зрители! Это будут или старый Цыден, или хозяин Золотого хребта, или незнакомый еще нам охотник — люди, труд которых проходит в тайге, вдали от городов и сел. Вас как старых друзей встретит в поселке лесорубов Александр Афанасьевич и его друзья.

Свет гордой красной звезды вы разнесете повсюду.

Итак, до следующего похода...

Вот сейчас всё!

До свиданья, Женя!

До свиданья, Наташа!

До свиданья, Паша, Боря, Федя, Алик!

До свиданья, юные читатели!

До следующего похода!